

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ГРАНТ МАКМАСТЕР
БРИТАНИЯ

FUTURE CORP.

Грант Макмастер

Британия
(МЕТРО 2033)

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Встречайте! Первая книга «Вселенной Метро 2033», написанная иностранцем о своей стране!

В романе Гранта Макмастера перед читателем разворачивается трагическая история, наполненная яростью и болью. Сквозь занесенные снегом и льдом ядерной зимы пустоши идет простой почтальон из Глазго по имени Юэн. Его путь труден и далек, смерть подстерегает на каждом шагу, а надежды почти нет. Но ни мутанты, ни раболовцы, ни друиды не способны остановить того, кого прозвали «последний странствующий рыцарь Британии»...

Содержание

Марш «Вселенной»	Объяснительная записка
Глуховского	Дмитрия
Пролог	СОН
Глава 1	МЕТРО
Глава 2	ШОТЛАНДИЯ
Глава 3	КАРЛАЙЛ
Глава 4	БАШНЯ
Глава 5	КЕЙТЛИН
Глава 6	СТЕНА
Глава 7	ЗИМНЯЯ ДОРОГА
Глава 8	ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД
Глава 9	ВОЙНА
Глава 10	БЕГСТВО
Глава 11	ЦЫГАНЕ
Глава 12	ДРУИДЫ
Глава 13	САРА
Глава 14	ШЕФФИЛД
Глава 15	РАБОЛОВЕЦ
Глава 16	СНЫ
Глава 17	ЛОНДОН
Глава 18	ТЬМА

Грант Макмастер МЕТРО 2033: БРИТАНИЯ

Посвящение:

Моей семье и друзьям: с вами жизнь имеет смысл.

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ:

Бенедикту Холлису за внимание к деталям, самоотверженность и потраченное время; Фэй Хэнкок, Бобу Клейтону и Керри Стюарт за ценные идеи. Отдельная благодарность Деанне Хоук и Дмитрию Глуховскому за терпение и профессионализм.

Марш «Вселенной»

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Из всех книг, которые вышли до сих пор в серии «Вселенная Метро 2033», «Британия» — самая нестандартная, самая необычная.

Во-первых, сюжет разворачивается не в России и даже не в одной из республик бывшего СССР; место действия — осколки старой Великобритании: Шотландия и Англия. Во-вторых, сам автор — не из наших. Грант Джозеф Макмастер — британец. Ну и, наконец, в-третьих: книга изначально написана не на русском, а на английском языке.

В мире до сих пор еще никогда не было примеров того, чтобы авторы из разных стран на разных языках писали об одном и том же придуманном мире, тем самым вместе создавая его. Мы — первые.

И «Вселенная Метро 2033», задуманная не просто как книжная серия, а как масштабный творческий проект, превращается теперь в проект уникальный, международный и межкультурный. В его рамках авторы из разных стран, каждый на своем языке, будут писать о своем видении будущего в постъядерном мире.

Следующий на очереди — роман «Корни неба» известного итальянского писателя Туллио Аволедо, книга о постъядерном Риме и о заброшенной страшной Венеции, которую мы собираемся перевести на русский и выпустить к Новому, 2012 году. За ней последует роман о постапокалиптической Кубе от кубинского фантаста и многие другие.

И конечно, все романы рассказывают о 2033 годе, все они согласованы между собой, и все помещены в рамки «Вселенной Метро».

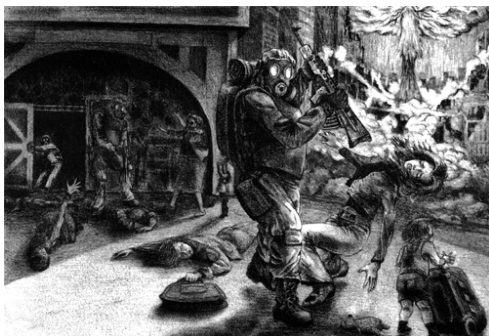
Тем временем в Германии, Польше и Италии уже выходят книги «Вселенной», написанные российскими авторами, на очереди Швеция, Болгария, Испания. «К свету», «Мраморный рай», «Питер»... «Метро 2033» постепенно захватывает мир, и мы не планируем останавливаться на достигнутом.

«Вселенная» на марше. Вливайтесь в наши ряды!

Дмитрий Глуховский

Пролог

СОН

Этот кошмар Юэн видит снова и снова.

Почти каждую ночь он должен терпеть эту пытку, прежде чем ему будет дозволено проснуться в холодном поту. Не в силах что-либо изменить, не в силах даже просто пошевелиться, он просто смотрит...

...Он, маленький мальчик, играет со сломанной машинкой у самых дверей туннеля... Раздается взрыв! Глухой звук доносится до его ушей одновременно со взрывной волной... Невидимая могучая рука отшвыривает его в сторону.

Прижавшись к растрескавшейся, закопченной плитке, которой выложены стены, Юэн ошарашенно оглядывается вокруг. И тут в туннель врываются чужие люди. Они одеты в грязно-желтое и коричневое. Впереди них, словно предвестник страшной беды, несется волна холодного ветра. Она сталкивается с теплым застоявшимся подземным воздухом, и в туннеле повисает легкий туман, в котором одетые в противогазы налетчики кажутся огромными злобными насекомыми.

Дергаются автоматы в руках человеконасекомых. Слышны приглушенные выстрелы, и оглушенные взрывом часовые пляшут как тряпичные куклы на ниточках, когда их тела насаживают пулями. Наконец раздаются крики — целую вечность спустя после того, как грянул взрыв.

Чужаки несутся по туннелям как желто-коричневый вихрь, удары прикладов сыплются на головы стариков, женщин. Визжат от страха дети, пытаются спрятаться. Безуспешно: никто не спасется.

Пленников сковывают наручниками и выводят из туннеля наверх, на свет угасающего дня. Стонут женщины. Дети рыдают.

Из недр Метро слышатся крики поднятого по тревоге гарнизона, но человеконасекомые уже отступают, утаскивая за собой свою добычу. Один из них вдруг останавливается, смотрит вниз и понимает, что мальчишка, сидящий на полу среди каменного крошева и сломанных машинок, еще жив. Сильные руки тянутся к малышу и поднимают его. Жутковатая, издевательская пародия отцовского объятия...

Выстрелы за спиной звучат все ближе и ближе. Человек в противогазе бежит по засыпанной обломками лестнице, и отраженный свет блестит в стеклах окуляров. Кажется, что у него нет глаз.

Раньше мальчик никогда не бывал на поверхности. Морозный воздух острыми лезвиями пронзает легкие, вытягивает тепло из одежды. Ребенка бьет дрожь. Серое небо над головой уходит сводом в бесконечность, и мальчик вцепляется в своего похитителя от бессознательного страха упасть вверх, в небеса.

Впереди человеконасекомые запихивают пленников в грузовик. Вокруг них по периметру стоят другие, ощерившись стволами в сторону грязных развалин.

Из жерла туннеля доносится еще один взрыв, на этот раз короче и резче, обрывая крики людей под землей. Воцаряется странная тишина, которую нарушают только хриплое дыхание похитителей да стенания пленников.

Человек-насекомое поднимает мальчика и ставит в кузов. Увидев там свою сестру, мальчик отчаянно вцепляется в нее. Их мама тоже здесь, она лежит ничком на ржавом полу кузова. Ее волосы слиплись от запекшейся крови. Сестра бережно обнимает ее и пытается вытереть кровь, моргая от нахлынувших слез.

Возмущенно скрежещут петли — и двери захлопываются.

Теснота и темнота дарят странное, неожиданное ощущение безопасности, а от прижатых друг к другу тел идет тепло, и раздиравшие легкие лезвия притупляются.

Грузовик начинает дрожать, словно охваченный судорогами. Двигатель заводится и работает неровно, покашливая, как будто ему тоже трудно дышится на морозе. Машина трогается с места, раскачиваясь на ухабах, раскачиваясь снова и снова...

Глава 1

МЕТРО

Их забрали.

Осознание этого сбило его с ног, словно взрыв, вместе с которым в их уютный подземный мир явились чужаки.

Юэн стоял рядом с остальными людьми, и так же потерянно и беспомощно глядел на бетонное крошево и перекрученные металлические балки у развороченных гермозатворов. Снег снаружи был истоптан и перепахан следами шин: кажется, чужаки приехали на двух грузовиках. Рядом на снегу багровело пятно: видно, какой-то несчастный пытался сопротивляться. Не его ли жена?..

На душе было пусто и мертво. Из нее словно вырвали кусок: всю его семью. Но у Юэна не получалось даже понять это — а тем более почувствовать. Потом, позже, его накроет ощущение непоправимости, ужас обрушившейся беды... Но пока все вокруг просто плыло. Пока Юэн будто все еще был в тумане.

Так же стояли и остальные мужчины — раздавленные, растерянные, — медленно приходя в себя. И только старик Джонатан, главный на станции, суеился и тормозил остолбеневших людей. Джонатану легко: он-то не потерял никого из близких в этом кошмарном налете. Его сейчас больше всего заботило, как залатать пробойну в воротах, пока в Метро не заползла какая-нибудь дрянь.

— Мужики, давайте-ка приберемся. Надо запечатать дыру до бурана, — сказал старик. — Юэн, возьми Бена и Иэна и прошвырнитесь до стройки, на которой в прошлом месяце шарил Люк. Притащите оттуда все, что нужно. Да, и возьмите оружие. Вдруг эти мрази где-то рядом...

* * *

Поиск подходящих листов железа и стройматериалов занял целый день. На диком морозе думать ни о чем другом не получалось: лишь бы выжить, лишь бы найти материалы, чтобы заделать брешь. Потом еще день ушел на то, чтобы худо-бедно залатать эту чертову пробойну.

За последние несколько лет город был основательно вычищен: старатели, добывавшие полезные товары для жителей подземелья, забирались все дальше.

Пока шла работа, тепло вытекало из Метро, как кровь из открытой раны. Пройдет не один месяц, прежде чем температура в туннелях снова поднимется до привычного уровня: чуть выше нуля.

Закончив, их отряд вернулся под землю, в родной безопасный полумрак платформ и туннелей метро города Глазго.

Этим вечером Юэн ужинал у соседей.

Дэйв и Мэри были друзьями Джулии, а Юэн никогда толком с ними не общался. И вот теперь они вдруг оказались для него самыми близкими людьми.

Они были, в общем, симпатичными людьми. И они сочувствовали Юэну. Он почти физически ощущал это их сочувствие. Двигались медленно, говорили приглушенно...

Юэн молчал. И не мог оторвать взгляда от своей палатки... От палатки, которая еще вчера была их — его, Джулии и ребяташек, Гвен и Майкла.

Закрой глаза — и они снова появятся рядом. Вот Джулия готовит ужин на углях из большого станционного костра, которому тут никогда не дают потухнуть.

«Юэн, будь другом, убери ноги со стола. Я умаялась его чистить», — возмущается она.

Он убирает ноги со стола, и в тот же миг его сынишка кладет свои ноги на то же самое место.

«Ах ты!.. — кричит Джулия. — Вот нахал!»

Она хватает деревянную ложку и, грозно хмурясь, шагает к нему — но Майкл, задорно смеясь, уже улепetyвает от стола.

Дочь Юэна — вырастет красавица! — цокает языком, вытирая грязь с низкого складного стола, и аккуратно раскладывает вилки и ложки по бокам пластиковых мисок...

— Ты же знаешь, старина, выследить кого-то за пределами нашего городишки невозможно... Иначе мы бы обязательно... Все-таки Джулия... — опять забубнил Дэйв.

Откуда-то изнутри прорвалось рыдание, но Юэн успел подавить его, и сидящие за столом услышали лишь короткий стон.

Детишки Мэри и Дэйва разглядывали его с любопытством. Хозяйка подошла и по-матерински нежно обняла гостя за плечо. Ее муж дружески ткнул его кулаком в плечо.

Все вокруг ждали, что Юэн смирится с потерей и заживет, как ни в чем не бывало.

Вылезать из Метро, чтобы пробираться куда-то по поверхности вслед за сбежавшими похитителями, было делом бессмысленным и обреченным. Об этом Юэну твердили все, кому не лень. Вот и Дэйв повторял это в который раз. Юэн знал, что почти все остальные уже потеряли надежду снова увидеть своих родных и близких и оплакивали их, как мертвецов.

Мэри снова принялась за готовку, а Юэн смотрел на нее невидящим взглядом, погруженный в свои мысли. Ему не было дела до того, что там думали остальные; если смерть тянет свою костлявую клешню к нему или его близким, он не станет ждать ее с покорностью домашнего скота.

Как можно позволить себе просто поплакать, да и забыть людей, ближе которых у тебя никогда не будет? Как можно записать их в покойники, если есть хоть малейшая надежда на то, что они еще живы, что их можно выручить и вернуть домой?

Юэн перебрал в уме все доводы, призывавшие его сдаться и погрузиться в то же скорбное болото, где уже бултыхались другие отчаявшиеся, — и послал их к чертям.

Его жена и дети не умерли! Их просто забрали, и будь он проклят, если бросит их на произвол судьбы!

Когда мир настигла Божья кара и человечество укрылось под землей от безумия, творящегося на поверхности, Юэн был мальчишкой. Те, кто выжил в те суровые времена, многому научились. Например, прятать свою боль так глубоко, что на время и сами забывали о ней. Юэн решил: не время горевать. Он отыщет свою семью; кто бы их ни похитил. Он спасет их и вернет домой. Если это еще возможно...

На станции решили, что он тронулся головой.

— Юэн, ты их никогда не найдешь, — убеждал Джонатан, зайдя к Мэри и Дэйву после ужина. — На земле все так изменилось... И мы понятия не имеем, кто и куда их забрал.

— Мы и тебя можем потерять, Юэн, а ты нам нужен, — добавила Мэри.

Юэн кивнул, улыбнулся и тихо ответил:

— Мне кажется, своим я нужен сейчас немножечко больше.

Сочувствие на лице Мэри сменилось недоверием.

— Ты что, серьезно? И как ты собираешься их искать? — грустно спросила она.

— Пойду по следам шин на снегу. Что-то мне подсказывает, что они двинут туда, откуда пришли. Добыча сцапана, можно возвращаться...

— А как же твари, которые идут с юга? — спросил Дэйв.

За годы, прошедшие после войны, Земля сильно переменялась. Привычные человеку животные почти все вывелись, а на смену им пришли создания странные и жуткие. Черт знает, то ли это мутировали звери, известные человеку и до Катастрофы, то ли биологическое оружие и радиация создали какие-то совсем уж неслыханные, новые разновидности тварей, будто выдернув их на поверхность из самой Преисподней. Да и какая разница, как именно все эти создания появились на свет? Все в Глазго знало наверняка: откуда бы они ни взялись, добра от них не жди.

— Я прихвачу автомат, — пожал плечами Юэн, — и все, что выклянчу у соседей.

Трое людей напротив недоуменно уставились на него.

— Ты что, правда не шутишь? — спросил Джонатан.

По его голосу было заметно, что для старика Юэн только что перешел из разряда чудаковатых, но в целом нормальных людей в городские сумасшедшие.

— Я все для себя решил, — сказал Юэн.

— Послушай, парень... — нахмурился Джонатан. — Ты же себя приговариваешь... Ну да, Джулия, детишки... Но ты-то сам мог бы еще пожить, а?

Юэн упрямо молчал.

— Ну и черт с тобой! — вздохнул Джонатан. — Вечно ты, как Дон Кихот, бьешься с ветряными мельницами! Ладно... Пойдем, помогу тебе собраться, — проворчал он.

Все остальные уставились на него пустыми глазами. Похоже, никто, кроме старика, вообще не был в состоянии понять, за каким бесом Юэну рисковать своей жизнью и как всерьез можно рассуждать о том, чтобы покинуть безопасное и обжитое Метро Глазго — хоть бы и ради того, чтобы спасти свою семью. Да, война людей здорово изменила, покачал головой старик.

Он встал из-за стола и пошел собирать для Юэна все, что могло пригодиться в путешествии. Пусть остальные ворчат и крутят пальцами у виска — для старика слово «свобода» было не пустым звуком. Нельзя навязывать другим свою волю. Должны же какие-то идеалы старого мира быть сохранены для нового... А то так и оскотиниться не долго.

Джонатан был уверен, что видит Юэна в последний раз, и жалел об этом: несмотря на свое упрямство и прочие бзики, Юэн был надежным человеком, да и руки у него росли из нужного места.

Юэн молча двинулся за стариком, слушая, как тот что-то тихонько насвистывает. Кажется, «Невозможную мечту».[1] Остановившись, он пропел несколько строчек

вслух, прежде чем пойти дальше:

*Идти за добро
Без сомнения в бой,
Не бояться ступить даже в ад
Ради целой благой...*

Юэн узнал песню, но так и не вспомнил, что же там поется дальше.

Глава 2

ШОТЛАНДИЯ

Джулия слегка приподнялась, неуклюже опираясь на локти. Она закашлялась, соглотнула и скривилась, как будто проглотила что-то горькое. Правая половина ее тела отнималась; не долго она еще сможет притворяться, что с ней все в порядке, — лишь бы дети не паниковали.

Дочь и сын свернулись калачиком поближе к ней, Майкл прижался к руке сестры. Лица у обоих были одинаково напряженные, бледные и испуганные.

— Мам, ты в порядке? — спросила Гвен, подавшись всем телом к Джулии.

Та поднесла руку к голове и рассеянно провела пальцами по колтуну за правым ухом: запекшаяся кровь склеила волосы вместе, и любое прикосновение вызывало острую боль. Еле сдержав стон, она прошептала успокаивающе:

— Все будет хорошо. Все будет хорошо.

— Не думаю, — совсем по-взрослому посмотрела на нее Гвен.

Джулия моргнула.

— Все будет хорошо, — еле ворочая языком, но стараясь говорить четко, упрямо повторила она. — Я только немножко отдохну...

Она обмякла, бессильно опустившись на дощатый настил. Гвен пересела к ней поближе, осторожно притронулась к окровавленной голове матери.

«Херово», — подумала она и тут же ощутила прилив храбрости, поскольку произнесла (хотя бы и про себя) слово, за которое огребла бы от взрослых по первое число.

Майкл тоже подобрался к ним, обнял мать и зашептал какую-то считалку из своих игр. «Не боли, не боли...» — расслышала Гвен.

Внутри грузовика не было практически ничего. Пленников просто побросали внутрь и предоставили самим себе. Стены были сделаны из ржавых и потертых металлических листов и кое-где заколочены деревянными панелями, крышу из стеклопластика, затянутую изнутри проволоочной сеткой, покрывала паутина трещин. Из щели рядом с двигателем шел поток теплого воздуха. Его еле хватало, чтобы пленники не замерзли насмерть. Влага выступала каплями на голой металлической поверхности; за панелями и во всех углах выросла плесень.

Других детей в кузове не было, только четырнадцать женщин и один старик, все — перепуганные до полусмерти. Никто не предлагал другим ни помощи, ни слов утешения: каждый сидел, уткнув лицо в колени и погрузившись с головой в собственный страх.

Невозможно было определить, как давно они уже были в пути. Часа три-четыре, не меньше.

Гвен стонала в полубомороке и сжимала пальцы, как будто пыталась натянуть на себя невидимое одеяло. Гвен протянула руку и дотронулась до бледного маминого лица. Оно было горячим и липким от пота.

— Не помогает, — уныло сказал Майкл, забрасывая свою считалку. — Я хочу есть, Гвенни. И писать. Правда.

Джулия провалилась в беспамятство.

Приближалась ночь. Свет, падавший сквозь крышу, начал тускнеть. Майкл уже не жаловался, а сидел в углу и плакал, обхватив руками живот.

Гвен не сразу поняла, что грузовик остановился; по инерции она продолжала кататься из стороны в сторону, вместе с остальными пленниками.

Дверь с грохотом распахнулась, и внезапный поток холодного воздуха поднял на ноги всех пленников, которые еще могли стоять. Люди дрожали от холода, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Пойдите облегчитесь, — глухим голосом сказал возникший в проеме мужчина в противогазе.

Гвен замялась. Оставить мать одну в кузове грузовика она не решалась, но нужно было присмотреть и за Майклом. Остальные пленники, расталкивая друг друга локтями, гурьбой бросились к выходу.

— Мам... — Гвен аккуратно потрогала Джулию за плечо. — Мама!

К ее радости, мать открыла глаза.

— Мы остановились, можно сходить в туалет.

— Иди. Отведи Майкла, — хрипло ответила Джулия.

Гвен не понравился ее плывущий взгляд и то, что она все время моргала, как будто даже сумерки были для нее слишком ярки.

— Пойдем, Гвенни!

Брат направился к двери и чуть не столкнулся с девчонкой, на вид чуть постарше Гвен, которая забиралась с улицы в кузов. Гвен на секунду забеспокоилась, стоит ли оставлять ее наедине с матерью, но Майкл уже вылез наружу — пришлось бежать за ним и выпрыгивать на снег.

Даже пока пленники справляли нужду, за ними пристально наблюдали двое охранников. Но и не будь их тут, бежать бы все равно не удалось. Вокруг, сколько хватало глаз, раскинулись белоснежные просторы без единого намека на укрытие, а мороз уже пробирал до костей. Лишь в одном месте виднелись какие-то развалины, но стоило кому-либо из пленников сделать шаг в сторону от группы, как охранники палили в воздух.

Задерживаться снаружи ни единой лишней секунды не хотелось. Дождавшись Майкла, Гвен посадила его в кузов грузовика и тут же забралась следом.

Над их матерью склонилась темноволосая девчонка и что-то колдовала.

— Эй, отойди от мамы! — закричал Майкл, рванувшись вперед.

Гвен схватила его за руку и потянула назад.

— Я знаю, что делаю, — отрезала девчонка. — Отвали, пацан. Я ей помогу.

— Не надо нам помогать! — нахмурилась Гвен. — Сами справимся!

— А ты бы за братом приглядела. Сейчас еду раздавать будут. Возьми на всех своих. Сейчас прозеваешь — до завтра жрать нечего будет, — уверенно сказала девчонка.

«Едой» оказалась металлическая миска с какой-то водянистой жижей, которую охранник упорно называл «овсянкой». Каждый пленник получил такую миску и пластиковую бутылку с прозрачной водой. Гвен прихватила еще одну миску и бутылку для матери и отошла к грузовику, где, рядом с остывающим двигателем, свернулся ее

дрожащий от холода брат.

— А где мама?

Ее окатила волна тошнотворного ужаса.

— Я не знаю.

Дети смотрели друг на друга, не в силах сказать то, о чем в страхе думали оба. Гвен перевела взгляд на дымящуюся миску с варевом, которую она принесла матери и поставила у стенки, и поняла, что так голодна, что готова съесть и ее кашу. И тут же ущипнула себя за руку, чтобы наказать за жадность и глупость.

Тут настил заскрипел снова: в кузов медленно забиралась Джулия. Темноволосая девочка поддерживала ее под локоть.

— Говорят, будем тут ночевать. Приближается буря, — тихо сказала она, глядя в глаза Гвен, пока Джулия устраивалась на полу.

Где-то в темноте раздался далекий протяжный вой.

В проеме появился охранник и протянул пленникам обогреватель, работающий на спирте. Потом, забравшись в кузов, приблизился к Джулии и детям и швырнул им грубое шерстяное одеяло, все в дырах. Остальные пленники, завистливо косясь на дырявое одеяло, недобро зашептались: за что этой семье досталась такая роскошь? Почему им, а не другим?

— А как же мы? — скрипучим голосом спросил старик.

— Да! — раздались робкие голоса с разных сторон.

— Одеяла полагаются только детям и раненым, — рявкнул охранник. — Если начнете тут потасовку из-за них — буду стрелять на поражение.

— Сволочи! — пробормотала одна из женщин, и было непонятно, кого она имеет в виду.

Охранник клацнул помпой дробовика, и голоса тут же стихли. Он обвел лица пленников долгим тяжелым взглядом, словно запоминая их как следует. И каждый, на кого глядел сквозь окуляры противогаса этот человек, опускал голову.

Даже когда он закрыл дверь, все продолжали молчать.

Ночь прошла ужасно. Хотя обогреватель худо-бедно работал, дети до утра дрожали под одеялом, прижимаясь к матери. По звукам, доносившимся снаружи, можно было догадаться, что охранники несут вахту вокруг грузовика.

Скрип сапог по снегу слышался то с той стороны, то с этой, петляя кругами вокруг кузова.

— Они следят, чтобы мы не сбежали или чтобы нас не съели? — тихо спросил Майкл.

Гвен качнула головой:

— Наверное, и то, и другое...

Спали урывками: мать то и дело будила их стонами или кашлем. А когда усталость брала свое и дети смыкали глаза, в их воображение тут же прорывались кошмары.

* * *

Выбравшись из Метро на поверхность, Юэн сразу наткнулся на небольшую группу людей: они разбили лагерь и стояли вокруг костра, по-видимому поджидая его. Волна внезапного страха тут же отхлынула, как только мужчина разглядел клетчатые пледы

с особым орнаментом: когда-то он означал принадлежность к королевскому дому Стюартов, а ныне — к другой странной и грозной породе людей.

— Здорово, мужики! — осторожно приветствовал гостей Юэн, в знак приветствия подняв руки ладонями вперед.

— И тебе не хворать, Юэн. Что тут у вас стряслось? — могучий мужичина шагнул навстречу, протягивая руку.

Ладонь Юэна исчезла в огромной лапине гостя.

— У меня жену с детьми угнали, Энкус. Пришлые налетчики.

— А ты, видать, в погоню собрался? — усмехнулся здоровяк.

Юэн молча кивнул. Люди у костра обменялись взглядами. Энкус заговорил снова:

— Пропусти ребят, у нас к вашим есть дело.

Юэн кивнул и отошел в сторону. Четверо из гостей направились ко входу в туннель. Дождавшись, пока все они исчезнут в проеме, Энкус продолжил:

— Мы с Дугалом к тебе прицепимся ненадолго.

Юэн снова посмотрел на окаймленное огненно-рыжими волосами лицо великана. Энкус был из людей, живших в шотландских горах в ту пору, когда война положила конец цивилизации и на весь мир обрушилась ядерная зима. Как и их легендарные предки, горцы были ребятами суровой закалки и быстро приспособились к жизни в новых условиях. Они наладили торговлю с уцелевшими шотландскими поселениями, тем и промышляли. Где жили они сами, никто толком не знал: они об этом не распространялись, а лезть с вопросами было боязно. В Метро Глазго у них была жутковатая репутация, и местные предпочитали держаться от них подальше.

— Зачем так напрягаться ради меня, Энкус? — спросил Юэн.

Эти ребята за так напрягаться точно не станут. Кроется за их предложением что-то...

— Славный ты парень... — ухмыльнулся здоровяк. — Думаем, как бы поближе с тобой познакомиться...

— Хотим убедиться, что они на юг пошли, а не на север, — объяснил Дугал, тоже улыбаясь.

У Юэна отлегло. Теперь ясно, зачем они к нему сядут на хвост: им надо убедиться, что налетчики не двинулись на север, где находятся поселения горцев.

— Я прямо сейчас выхожу, — предупредил Юэн.

— Всегда готовы, — осклабился Дугал.

Горцы подхватили рюкзаки и охотничьи ружья, и Энкус широким взмахом огромной руки показал Юэну, чтобы тот шел первым.

Ступая по скрипучему снегу, Юэн повел из города двух великанов, ступая по следам машин, в которых угнали его семью.

* * *

Утром пленники были разбужены скрежетом открываемой двери и порывом холодного воздуха. Ветер задувал внутрь кузова снежинки. Снова появилась темноволосая девчонка, за ее спиной маячил охранник.

— Скоро выдвигаемся! — сказала девчонка. — Сейчас выдадут корм. А пока можете пойти облегчиться.

Гвен приподнялась, но девчонка покачала головой.

— Не спеши. Вы трое пойдете со мной.
— Почему это? — надулась Гвен.
— Так вам будет лучше, — сухо сказала девчонка, косясь на охранника.
— С чего это тебе заботиться о том, чтобы нам было лучше? — недоверчиво спросила Гвен.

Девчонка прищурилась:

— Не люблю, когда забирают детей или бьют женщин.
— Так уж и не любишь, — вдруг прохрипела Джулия.

Темноволосую девчонку от этих слов передернуло.

— Работа у меня такая: следить за сохранностью товара, — резко ответила она. — Вылезайте, кому сказала!

Выйдя из машины, девчонка отвела их к развалинам заброшенного дома, замеченным Гвен во время вчерашней остановки. Стен было всего три, но и на том спасибо: можно хотя бы справить нужду без того, чтобы на тебя пялились незнакомые мужики с ружьями.

Они вернулись к грузовику. Пока девчонка помогала Джулии, у которой вроде бы наступило просветление, забраться в кузов, охранник вдруг схватил Гвен за руку и дернул ее в сторону.

— Эй! — сказала Гвен. — Чего надо? Отпусти меня!

Джулия встревоженно обернулась: она-то знала, что может понадобится этим шакалам от девчонки. Хотя она все еще нетвердо стояла на ногах, дать дочь в обиду Джулия не могла. Майкл стоял, сжав зубы, и нижняя губа его подрагивала.

Темноволосая девчонка не обратила на охранника и Гвен никакого внимания и обернулась к Джулии и Майклу:

— Полезайте в кузов. Сидите смирно и ждите, когда принесут еду.

Никто не тронулся с места, и тогда она добавила:

— Я вас прошу, не лезьте. Лучше не будет никому — вас убьют или покалечат.

После этих слов она резко развернулась и пошла к охраннику, тащившему Гвен подальше от фургона.

— Джейк, отпусти ее!

— Да пошла ты! Не суйся, куда не просят, — у мужчины был грубый голос со странным акцентом — он как будто проглатывал окончания слов.

— Отпусти ее, говорю. Она совсем ребенок!

— Ну а че, если ты не даешь, кто-то же должен!

— Джейк!

Девушка подошла к охраннику, и тот замахнулся свободной рукой, метя ей в лицо.

— Помни, какая у нее работа, Джейк, и отцепись от нее.

Этот голос принадлежал другому человеку в выцветшей униформе.

— Да я, сэр, че... Я ниче... — сбивчиво забормотал охранник, отпустив Гвен.

Гвен вырвалась и припустила к грузовику, но второй человек перехватил ее:

— Я понимаю, это все неприятно, но так уж мы живем, и тут ничего не изменишь.

Гвен молча смерила его взглядом, полным ненависти и страха.

— Отведи их в грузовик и накорми.

Он подтолкнул Гвен к темноволосой девчонке, и та отвела ее к Джулии и Майклу.

На завтрак выдали только овсяные брикеты. На вкус они были как картон и голод не утолили ни капельки. После еды взгляд Джулии снова помутнел. Гвен закутала ее в одеяло, пока Майкл молча наблюдал за ними. Он больше не пытался лечить мать своими детскими считалками.

Весь день до заката двигались без остановок.

Когда дверь снова распахнулась, снаружи была тихая ночь, и темноволосая девочка опять забралась в кузов, чтобы помочь им выбраться наружу.

Выйдя на свет, Гвен поняла, что они находятся в городе. Грузовик стоял на дороге, окруженный ржавыми остовами машин и разрушенными домами. Гвен подставила плечо под руку матери и прошептала Кейтлин, которая поддерживала Джулию с другой стороны:

— Где мы?

Кейтлин быстро оглянулась по сторонам и ответила:

— В Карлайле.

Гвен выпучила глаза от удивления. Сидя взаперти в закрытом кузове, она даже не представляла, как далеко они забрались от дома.

— Нас что, так никогда и не спасут? — прошептала она.

— Папа придет за нами! — тонкий голосок Майкла звенел от надежды и страха.

— Тихо, дети... — сказала Джулия, на минуту придя в себя. — Давайте вернемся, пока не замерзли.

Темноволосая внимательно посмотрела на Джулию, но ничего не сказала.

* * *

В первый день пути Юэн с горцами преодолели немалое расстояние. Они шли размашисто, а ели на ходу. Два великана говорили очень мало, только изредка указывали Юэну верное направление, когда он сбивался со следа. На ночь они устроились в каменной автобусной остановке. Энкус развел небольшой костер. Поужинав, все трое закутались в спальные мешки и лежали, глядя на пламя.

Энкус нарушил тишину первым.

— Что будешь делать, когда найдешь своих? — прорычал он.

— Приведу их домой.

— Вряд ли это будет так просто, — заметил Дугал.

— Наверное, ты прав. Но попробовать надо.

— Это да. Только не мешало бы обдумать все хорошенько, — проворчал Энкус. — Ты хороший парень. Жаль будет, если сгинешь по глупости.

— Это я уже слышал на своей станции, — скривился Юэн.

— Ты пойми меня правильно. Я не считаю, что ты рехнулся, раз пошел за ними. Просто думаю, что тебе нужен план, да и без помощи тебе не обойтись.

— Вот найду их — тогда и план продумаю, — пробурчал Юэн. — А насчет помощи... От кого ее ждать, кроме вас двоих? Да и вы, вроде, отчалили еще до границы?

Дугал и Энкус обменялись долгим многозначительным взглядом.

— А ты драться-то вообще умеешь, парниша? — спросил великан. — Ты кто по профессии? — И он заржал, довольный тем, что ввернул пыльное словечко из лексикона умников.

— Почтарь, — хмуро ответил Юэн. — Но вы не думайте. У нас в туннелях времени много. Приходилось поучиться кой-чему у опытных товарищей.

— Типа чего?

— Типа умения обращаться с ножом. Могу теперь фокусы показывать, — спокойно сказал Юэн.

— Красиво! — оценил Энгус. — Ты, блин, как рыцарь с мечом. А твое путешествие — путь героя. Реально. Как в сказке, — в голосе великана не было слышно издевательских ноток. Наоборот, казалось, что он говорит это на полном серьезе и даже немного торжественно.

Юэн озадаченно приподнял бровь и уставился на горца.

— Энгус, ты о чем вообще?

— Точняк! Все старые сказки начинаются с того, что какой-то двинутый пытается сделать то, на что ни один нормальный человек не пойдет, — воодушевленно добавил Дугал.

— Ну, отлично, парни. Спасибо за комплимент, — сказал Юэн.

— Вот увидишь. Я вот думаю, люди сами будут предлагать помощь, когда узнают, куда и зачем ты идешь.

— Что-то до сих пор никто не предлагал, кроме вас...

— Ну, мы-то не тебе помогаем. Просто хотим убедиться, что бандюги отвалили отсюда, — добродушно объяснил Дугал.

— Спасибо, блин. Вдохновили.

— Просто говорим, как есть, — ухмыльнулся Энгус.

— Думаете, у меня есть шанс? — помолчав, серьезно спросил Юэн.

— Юэн, дружище, тут порой и не такое бывает... Ложись-ка спать и, это... Не смотри в рот дареным коням.

Но Юэн еще долго не мог уснуть.

* * *

Ночью мать впала в забытие. Дети сидели, прижавшись к ней с двух сторон, когда дверь отворилась и в кузов залезла темноволосая девчонка. В руках у нее были спальный мешок и фонарь. Стараясь не шуметь, она подсела к троице и шепнула:

— Я послезу за вашей мамой до утра. Спите.

— Сами последим, — тут же отрезал Майкл.

Девчонка уставилась на него с непонятным выражением — то ли с уважением, то ли неприязненно. Но тут вступила Гвен, устало и покорно:

— Майкл... Ну-ка, веди себя хорошо. Будем делать, что она говорит.

Майкл не узнавал сестру: такое выражение лица он видел у нее впервые. Зато голос был тем же, и он решил, что на этот раз лучше не спорить и послушаться. Через несколько секунд уставший и перепуганный мальчик уже спал, всем телом прижавшись к матери и сестре.

Гвен откинула волосы с его лба, а потом повернулась к темноволосой девчонке.

— Все серьезно, да? — решительно спросила она.

Девчонка кивнула.

— Она умрет?

Та пожала плечами.

— Я прошу! Скажи мне правду! — настаивала Гвен.

Темноволосая какое-то время молча смотрела на пленницу, а потом нехотя кивнула:

— У нее глаз красный. Думаю, кровоизлияние в мозг. Его нельзя ни остановить, ни вылечить.

Глаза Гвен наполнились слезами, и она со злостью вытерла их тыльной стороной ладони.

— Почему ты с этими людьми? — неожиданно спросила она девчонку. — Не вписываешься ты в их компанию.

— Ты так уверена? — выгнула бровь девчонка.

— Тебя тоже похитили?

— Нет, завербовали, — девчонка дернула плечами. — Я была одна, подыхала от голода и украла немного еды. Мне повезло: меня поймал часовой, а не тот, кого я обокрала, поэтому мне предоставили выбор.

— И ты пошла угонять людей, лишь бы не наказали? — спросила Гвен.

Девчонка покачала головой:

— Все было немного не так. Мне сказали, что я должна отработать свой долг.

— А когда ты его отработаешь, что тогда? Куда пойдешь? — с неожиданным интересом спросила Гвен. Девчонка вдруг начала нравиться ей: оказывается, она в этой каше тоже не по своей воле...

— Я уже отработала, — улыбнулась та.

— И осталась? — ледяным тоном уточнила Гвен. — Что, нравится?

Девчонка только усмехнулась:

— Знаешь... Не я, так кто-то другой. Возможно, кто-то более злой.

И вдруг Гвен вспомнила, как тянул ее от грузовика своей перепачканной в дизеле лапшей охранник, как мерзко маслились его глаза. Возможно, кто-то гораздо более злой. Она кивнула и отвела взгляд от темноволосой девчонки. Какого черта. Каждый выживает, как может. Вот бы и ей знать, как протянуть еще недельку-другую, как спасти мать и прокормить Майкла.

— Ты нам поможешь сбежать? — тихо спросила Гвен.

Девчонка только ухмыльнулась.

— И куда же вы пойдете?

— Домой.

— А дорогу ты знаешь? Приходилось топать десятки миль по замерзшему снегу на глазах у всяких адских тварей, которые так и ждут, когда ты оступишься?

Гвен опустила голову и вздохнула:

— Нет. Но я не хочу, чтобы мой брат вырос таким, как эти люди.

Ее голос дрожал от слез. Темноволосая посмотрела на Майкла. Во сне он казался еще бледнее. Рот его был слегка приоткрыт, и от дыхания в воздухе клубился пар.

— Будет чертовски здорово, если он вообще вырастет, — вздохнула она.

Гвен вспыхнула, сжала кулаки, но потом взяла себя в руки.

— Помоги нам сбежать, — упрямо повторила она.

— Не могу. Я не могу, — твердо ответила девчонка.

— А если бы могла? Помогла бы?

Темноволосая молчала. На ее лице, почти детском, было не различить ни одной эмоции.

Гвен была уже достаточно взрослой, чтобы понять: с матерью что-то происходит.

Джулия часто прикладывалась к бутылке, а к отцу уже года два как потеряла всякий интерес. Когда тому приходилось отлучаться по делам, мать торопилась уложить детей и пропадала где-то ночами. Соседи шептались, что Джулия ходит налево, и довольно скоро доброхоты разъяснили не верящей и негодующей Гвен, что это означает.

От отца это знание было скрывать непросто и болезненно, хотя иной раз Гвен и казалось, что тот и сам все знает — просто не хочет мутить воду, потому что слишком цепляется за свою семью; а любит на самом деле не мать, а их с Майклом.

А потом Гвен решила, что отношения матери с отцом — это их личное дело, а сама Гвен должна любить их по отдельности так же, как любила вместе.

* * *

Они снялись с лагеря на рассвете. Сначала Энкус забрался на крышу автобусной остановки и осмотрелся, а потом уже отправились в путь.

Юэну было не привыкать весь день идти пешком, но горцы в этом искусстве явно поднаторели побольше, и выдерживать их темп было непросто. К тому же они зачем-то влезли по колено в рыхлый снег — хотя и шли вдоль старого шоссе, забитого ржавыми останками брошенных много лет назад автомобилей.

— Чего мы плетемся в кювете? Может, лучше пойдем по дороге?

— Мы и так идем вдоль нее, — ответил Энкус.

— Да, но почему мы на нее не выходим?

— Потому что это слишком просто, вот почему.

— Любой, кто захочет спрятаться, поживиться или перекусить, будет первым делом следить за дорогой, — снизошел до объяснения Дугал.

— Во-во, — подхватил Энкус. — В наши дни на дорогу выйдет только дурак или тот, кому терять уже нечего.

— Разумно, — буркнул Юэн.

Сам-то бы он, конечно, пошел по дороге.

И не потому, что ему было нечего терять.

Этим утром Юэн понял: то, что он принимал за облака на востоке, на самом деле оказалось холмами и горами, покрытыми снегом и туманом. До сих пор им не встречалось ни одно живое существо, кроме птиц, — да и те попадались редко.

— И всюду одно и то же? — спросил он Энкуса.

— Что?

Юэн махнул в сторону далеких, запорошенных снегом руин и развел руками, словно охватывая снежные просторы вокруг:

— Разгром и запустение.

— Разгром разгромом, а вот с запустением ты поторопился.

— В каком смысле?

— В Шотландии всякая живность водится. Например, волки. Расплодились из старого заповедника в горах.

— Ну! Взбрело же в чью-то дурную голову завести обратно волков! И никто не подумал, что будет, если паразиты вырвутся на волю, — раздраженно заметил Дугал.

Юэн посмотрел на него, ожидая подробностей, но Энкус встрял:

— Волки вырвались из заповедника, когда война подходила к концу. А может, кто-то их выпустил. А как люди повымерли, тут-то им и началось раздолье. В горах от них спасу нет. Злые, черти, и вечно голодные...

— Но еще хуже — медведи, — добавил Дугал.

— А хуже медведей — кошки, — объявил Энкус.

— Серьезно? — с недоверием спросил Юэн.

— А то, брат! Это тебе не шутки. Хотя все это, так сказать, дети природы. Бывает, с юга или с побережья такое забредет, что мало не покажется, — улыбка пропала с губ горца.

— Мутанты? — спросил Юэн, которому и в Глазго доводилось видеть всяких диковинных тварей.

— А это смотря с кем заговоришь. Один наш священник божится, что они выбрались прямиком из ада. У каждого своя теория на этот счет, — Дугал пожал плечами. — Кто говорит — эволюция.

— Кто злее всех, тот и выживает, — ухмыльнулся Энкус. — Я так считаю: нет ничего страшнее человека, когда он голоден, зол или когда ему позарез нужно то, что есть у другого.

— Невеселая картина, — сказал Юэн.

— Не грусти, — осклабился Энкус. — В горах и людишки еще водятся. У нас даже кое-где всякая техника работает: ветровые генераторы, отопление. Водопровод.

Юэн уставился на него недоверчиво.

— Вот потому мы и не говорим никому, где живем, — подмигнул Дугал. — А то вдруг кому приспичит и наша канализация глянется?

Они шагали без остановок до самого вечера, и Юэн начал потихоньку принаравливать к темпу своих спутников. В них было чему поучиться, и Юэн не упускал возможности задать вопросец или взять тот или иной трюк на заметку. Они поучали новичка с удовольствием, и Юэн начал даже подозревать, что два добродушных великана отправились в путь без особой для себя необходимости — просто чтобы помочь глянувшемуся им человеку. А историю с защитой своих поселений выдумали, чтобы не показаться слишком сентиментальными.

Когда солнце начало заходить, братья остановились, озираясь вокруг. Горы уже были еле видны в снежном мареве.

— Все в порядке? — спросил Юэн.

— Дальше не пойдем, — мрачно отозвался Энкус.

— Почему? Что тут такого особенного?

— Примерно в двух часах пути отсюда будет Карлайл. А это значит, что я подобрался к Англии ближе, чем стоит.

— А что там, мутанты?

— Хуже, брат. Там треклятые англичане, — ухмыльнулся Дугал.

Юэн не раз слышал подобные разговоры в Глазго, но сам не знал, что сказать по этому поводу.

— Люди есть люди, они везде одинаковы, — только и произнес он.

— Вот и тешь себя этой мыслью, — снова одарил его ухмылкой Дугал.

Энкус похлопал Юэна по плечу:

— Иди дальше и никуда не сворачивай. Дойдешь до домов — ступай осторожнее. Мало ли что тут водится, возле границы. Удачи!

Юэн растерянно кивнул.

Великаны развернулись и быстро зашагали на север по собственным следам.

— Спасибо, мужики! — крикнул им вслед он.

Ветер поймал его слова и принес ему обратно. Великаны не обернулись.

* * *

Ночь казалась Гвен бесконечной: сидя в темноте кузова, она то проваливалась в обрывочный сон, то выпадала из него. Джулия пришла в себя перед самым рассветом и попила воды из ее рук. Она все еще с трудом держалась на ногах, но Гвен заметила, что глаз у матери уже не был так налит кровью, как накануне.

Вошла темноволосая девчонка.

— Одна из машин сломалась. Мы задержались, пока ее чинят, — сказала она. — Скоро у вас появятся новые спутники.

Джулия смотрела на нее безучастно. Значит, еще кому-то не повезет, вот и все.

— Майкл прямо уверен, что отец его спасет. Твой муж что, разведчик? Рейнджер? — спросила темноволосая.

— Ха! — фыркнула Джулия. — Почтальон он.

— Тоже опасная работа.

— Только не у нас, в Глазго. У нас там все тихо да гладко.

Темноволосая встала и распахнула дверь навстречу рассвету, затем замерла в проеме и сухо бросила через плечо:

— Как видите, не так уж гладко.

Джулия уставилась ей в спину взглядом, словно надеясь прожечь в ней дыру.

Глава 3

КАРЛАЙЛ

Юэн вошел в Карлайл глубокой ночью.

Шагая вдоль замерзшей реки, с восходом луны он достиг разрушенного и почти пустынного города.

То, что Карлайл обитаем, он понял довольно скоро.

Щелкнул предохранитель штурмовой винтовки, за ним еще один.

— Это еще что за черт претя? — послышался сверху приглушенный голос.

— Эй! Ты что тут потерял? — окликнул Юэна звучный бас.

Подняв голову, Юэн увидел часовых: фигуры в бронежилетах с наклеенными на них большими буквами «К». Карлайльский дозор, вспомнил он. Пару лет назад какой-то бродячий торговец рассказывал ему об этой дружине, стерегущей обезлюдевший городишко. Судя по рассказу, приличные люди.

Юэн поднял руки над головой и шагнул им навстречу.

— Я не вооружен! Не хочу никому вреда!

Очень хотелось верить, что и они ему не собираются причинять вред. Черт знает, когда этот торговец бывал в Карлайле в последний раз. Все могло сто раз поменяться...

Дозорные молчали.

— У меня книги и батарейки, — добавил Юэн на всякий случай. — На обмен.

— Господи Иисусе! — сказал младший из часовых, опуская оружие. — Я чуть в штаны не наложил от страха.

Второй часовой, постарше, по-прежнему держал Юэна под прицелом.

— Как звать и по какому делу? — спросил он.

— Да так, просто мимо шел, — ответил Юэн. — Думал, хоть поем да отдохну: не помню уже, когда последний раз грелся.

— Ты что, добрался сюда один? — спросил старый.

— Ну да, — утвердительно кивнул Юэн, решив не упоминать о горцах. — Я из Глазго, из тамошнего метро.

— Гонишь! — воскликнул молодой.

— Тихо, Шон, — шикнул старый. — Доказать чем-нибудь сможешь?

— У меня с собой письмо от Джонатана Макмэнуса, мэра нашей станции, к женщине по имени Марла, — сказал Юэн.

Старый еще раз цепким взглядом осмотрел его и опустил автомат.

— Иди за мной, сынок. Нечего тут торчать среди ночи. После заката тут ничего хорошего не встретишь.

Юэн представился и пошел широким шагом, чтобы догнать дозорных.

— Моррис, — ответил старый. — А этот вот — Шон.

Шон долгой украдкой косился на Юэна и наконец спросил:

— Ты что, так и шел один от самого Глазго?

Юэн улыбнулся. Всего неделю назад он бы и сам удивился не меньше этого парня, если бы повстречал такого человека в Глазго. Мороз, одичавшие псы, мутанты, снеж-

ные бураны и радиоактивные бури... Кто сунется за околицу? И главное, куда в этом проклятом мире идти-то?

Видно, только ему было куда. Ему и работорговцам, которые угнали его семью.

У реки возвышалось громадное здание, которое местные величали Собором. Этим словом обозначали большие церкви — раньше, в те времена, когда такие вещи еще хоть что-то значили.

Весь Собор, включая высокую башню в центре, был выстроен из красноватого камня. Окна оказались заколочены гофрированным железом и уродливыми листами ржавой стали, отчего замысел древних архитекторов несколько пострадал. Главный вход был забаррикадирован наглухо, и троика вошла через маленькую боковую дверь, распахнувшуюся им навстречу.

— Час поздний. Жди здесь, — распорядился Моррис и, забрав у Юэна письмо, тут же исчез внутри.

Шон исчез не попрощавшись, оставив Юэна наедине с часовым. Тот только успел расслышать, как Шон, уходя, с восхищением шепнул кому-то из дозорных:

— Пришел из Глазго... один, прикинь!

Через несколько минут Моррис вернулся с хорошей новостью.

— Можешь переночевать у нас, сынок. Но придется отработать еду, тепло и кров. Ты не против? — спросил он.

— Я... Мне нельзя задерживаться, — замялся Юэн. — У меня дела срочные. Переночевать бы и идти дальше, как солнце встанет.

— Никуда ты завтра не пойдешь, парень, — ответил старик.

— Почему это? — немедленно вскинулся Юэн.

— Буран идет, — пожал плечами Моррис. — Попробуй высунуться, заметет в пять минут. Нет уж, раз мы договорились тебя приютить, выпустить наружу в бурю мы тебе не можем. Не по-людски это.

— Нет никакого бурана! — нахмурился Юэн. — Небо спокойное.

— Мои кости готовы с тобой поспорить, — улыбнулся старик. — Завтра и увидим, кто из нас прав. А пока ступай за мной. И не шуми: наши почти все спят.

Юэн, тихонько ворча, последовал за ним внутрь здания.

Впрочем, он уже сказал сам себе, что если старикан не обманывает и придется торчать в этом городишке, то свой кров и стол он отработает. Иначе не по-людски получится.

— Повезло тебе, что сегодня была наша смена, — добавил Моррис. — А если б мы чуть задержались, могли бы и разминуться. И застрелил бы тебя какой-нибудь придурак.

Моррис подвел его к небольшому проему с занавеской, из-за которой доносилось глубокое размеренное дыхание.

— Поспи немного, пока время есть. Марла поговорит с тобой завтра, когда сможет. У нас никто без дела не сидит, так что включайся, и никто тебе слова не скажет.

Юэн кивнул и, отодвинув занавеску, шагнул в натопленную комнату.

* * *

Проснулся он в холодном поту, вцепившись в изношенный спальный мешок и покачиваясь из стороны в сторону. Уже знакомое ощущение душевной пустоты, почти

что голода, расплзлось по всему телу. Юэн полежал с минуту, стараясь успокоиться и прислушиваясь; убедившись, что рядом никого нет, он повернулся на спину и аккуратно расстегнул сломанную молнию мешка.

Из-за толстых каменных стен Собора еле слышно доносился вой вьюги.

Свет проникал в комнату через щель между занавесками на двери. Тусклые лампочки на полу по углам выхватывали из темноты тела его спящих соседей. По их безмятежному сну Юэн заключил, что не сильно шумел. Он поднялся, скрутил спальный мешок тугой колбасой и засунул его в самодельный чехол, в прошлой жизни бывший левой штаниной. Затем потянулся, слегка дернувшись от боли в правом плече, и прислушался к переключке хрустящих суставов: от ступней, через позвоночник, до основания черепа.

Он был уже не тем юнцом, который, сжав зубы, легко сносил любые тяготы. В этом году ему стукнет тридцать семь — по меркам выжженной Шотландии, возраст почти стариковский.

Юэн распечатал ревностно оберегаемый сверток, который нес от самого дома, вынул оттуда кусок сушеного мяса и треугольный ломтик козьего сыра. Вышел из спального помещения в главный зал старого Собора. Под высоким сводом было просторно, а вдоль окон оказались выстроены мостки, вроде строительных лесов, из гофрированного железа и деревянных балок. Потолок весь пошел пятнами от сажи и влажности; в пятнах были и каменные стены в тех местах, где подтекала свинцовая крыша.

Собор стоял на этом самом месте черт знает с каких пор. Он был древним и вечным, непоколебимым как крепость. Он и строился-то как крепость, с его толстенными стенами и узенькими окошками-бойницами. И вот теперь, когда вернулось глухое темное Средневековье, собор-твердыня пригодился детям тех людей, которые считали его курьезом, порождением мракобесия, или — в лучшем случае — жемчужиной экскурсионных маршрутов.

Из мебели в зале были только металлические скамьи. Там, где краска была содрана или облуплена, наружу выглядывала проржавевшая сталь, сверкая пятнами жира. На скамьях расселись дюжины полторы человек, вооруженных до зубов, все в одинаковой штопаной-перештопаной одежде. Удостоив Юэна беглым взглядом, они тут же отвернулись, поняв, что новичок не представляет угрозы. Лишь несколько человек присмотрелись внимательнее, и до Юэна донесся шепот: «Это он?»

Юэн неопределенно кивнул всей компании и подошел ближе.

Люди сидели, разбившись по двое-по трое, и, тихо беседуя, пили чай из мятных листьев, закусывая чем бог послал. По углам комнаты стояли старые печки-буржуйки — единственные источники тепла во всем здании. Над каждой был подвешен мятый металлический чайник. Кипятком из них мог угоститься любой — при условии, что перед уходом он не поленится выйти на мороз за льдом.

А снаружи бушевал буран, теперь это было слышно совершенно отчетливо.

Похоже, он тут и вправду застрял. А раз так, можно было спокойно заварить себе мятного чаю и за завтраком обдумать, как быть дальше.

В момент нападения он находился в глубине туннелей метро, которое в Глазго еще с довоенных времен называли «Заводным апельсином». Жизнь в «Заводном апельсине» была, в целом, мирная, хотя и очень суровая. Ресурсов не хватало. Топливо приходилось таскать из города; этим занимались отряды разведчиков, куда брали всех, кто

не боялся мороза, ледяных бурь и опасных тварей, время от времени забредавших на развалины. Питались тем, что удавалось вырастить в туннелях. На каждой станции разводили либо свиней, либо коз, либо птицу; кое-где сажали то, что не отказывалось расти при таком скудном свете, — как правило, грибы, хотя один предприимчивый смельчак устроил на поверхности огородик из трав и мха и навещал его раз в неделю. Уже в первые годы подземные жители научились гнать из грибов справный виски, и вскоре он стал весьма ценной валютой на рынке обмена, из которого напрочь исчезли деньги.

Даже до краха цивилизации подземка Глазго отличалась тем, что была пробита в крепких горных породах и ничуть не изменилась с момента постройки. В туннели регулярно уходили патрули — проверить, нет ли где обрушений, и не заблудился ли кто в темноте. Поскольку скалистые стены были чрезвычайно крепки, обрушения случались редко: на памяти Юэна — всего дважды, но то, что забралось через пробоину во второй раз, шороху навело немало.

С тех пор вахту несли еще бдительнее, и в дозоры посылались даже те, у кого, как у Юэна, была совсем другая профессия. Глухой отголосок двух взрывов сначала не привлёк внимания — мало ли что услышишь в темных туннелях; вот только объяснить его происхождение было трудно. И только вернувшись на свою станцию, он понял, что случилось.

Юэн моргнул, поежился и прокашлялся, вдруг осознав, что уже несколько минут молча пялится на ломоть сушеной козлятины. Украдкой бросив взгляд на остальных людей в комнате, он быстро доел и принялся потягивать по-прежнему горячий чай. Никогда нельзя показывать чужим людям свою слабость: они только этого и ждут чтобы схарчить вас вместе с одеждой.

Допив чай, Юэн поднялся со скамьи и отвязал от рюкзака свой раритет: автомат SA-80 в прекрасном состоянии. Когда-то он принадлежал солдату давно не существующей британской армии. У Юэна был всего один магазин. До сих пор он ни разу не пускал оружие в ход, и это была большая удача — не только потому, что патроны были редким и дорогим товаром.

Он закинул автомат за спину, закинув ремень на правое плечо, а на левое водрузил рюкзак. Похлопал себя по бокам, проверяя, правильно ли распределил вес; ладони нащупали истертые деревянные рукоятки тяжелых ножей, висящих на поясе. Убедившись, что все на своих местах, мужчина направился напрямик к выходу. Прихватив по пути помятое жестяное ведро, он подошел к двум дозорным, несущим вахту.

На обоих поверх повседневной одежды было что-то вроде военной формы: простые темно-коричневые жилеты с большой буквой «К», вышитой на груди и спине. Дозорные Карлайла патрулировали стену, отделявшую остатки Шотландии от радиоактивной пустыни, некогда называвшейся Англией. Парни они были крутые, и Юэн это понимал.

— Доброе утро, — учтиво сказал он. — Я за льдом для чая.

— Сидел бы ты, парень, — добродушно посоветовал дозорный. — Там сейчас погода не для прогулок.

— Продышаться хочется, — улыбнулся Юэн, давая понять, что он готов торчать тут день-деньской, пока его не выпустят. — Снеговиков полеплю, опять же.

— А, ну в добрый путь, — ухмыльнулся дозорный. — Налепи их и за нас с Грантом.

Открыв небольшое окошко в двери, он оценил обстановку снаружи, потом повернулся к своему напарнику и кивнул. Они подняли два тяжелых деревянных засова, потянули дверь на себя и отошли на несколько шагов. Один из них присел на колено, и два ствола уставились в грязно-белую пустоту.

— Путь свободен, — услышал Юэн.

Достав из кармана потертые и исцарапанные темные очки, он нацепил их, затем зарылся лицом в шарф, чтобы укрыться от летящего в лицо ледяного крошева, и шагнул в морозный рассвет.

— Тебе в ту сторону, — сказал дозорный, указывая туда, где раньше была дорога, пока старый мост над рекой Идеи не обрушился и не заставил ее выйти из берегов. — И постарайся вернуться до обеда. Буря только поднимается, к вечеру не будет видно ни зги.

— Будешь долбить лед — помни, у поверхности он чище, — добавил второй певучим голосом, и Юэн понял, что это женщина.

Мир за порогом старой церкви был белым от инея и грязного обледеневшего снега. В глаза порожало ледяными иголками, и контуры зданий расплывались в снежной взвеси.

С тех пор как на планету обрушилась ядерная зима, снег и лед в Шотландии не таяли никогда.

Одно время, пока тяготы бытия не сломили его окончательно, в туннелях Глазго, в основном на станции Каукэдденс, жил человек по имени Стивен Мэсси. Когда-то он читал лекции в университете, а после краха цивилизации жил тем, что ходил по станциям и учил детей. Несмотря на трудные времена, лидеры станций понимали, что невежество — прямая дорога к гибели, поэтому Мэсси везде были рады.

Он занимался и с детьми Юэна, и часто, когда уроки и работа оставались позади, почтальону выпадала возможность самому посидеть и поболтать со стариком. Стивен считал, что взрывы подняли в атмосферу огромное количество пыли и обломков, заслонив солнце и увековечив зиму. Если его спрашивали, сколько продлятся холода и когда планета наконец оттает, он обычно увиливал от ответа. Юэн грешным делом думал, что старикан просто не знает, что сказать, но как-то, прилично нагрузившись местным грибным виски, учитель поведал, что, по его убеждению, мир вступил в новый ледниковый период.

Прочим он этого не говорил, чтобы не лишать людей надежды.

Поминутно оглядываясь назад — не сожрал ли еще снежный вихрь силуэт старого Собора, — Юэн приближался к замерзшему руслу реки. Нет, старинный храм отсюда был еще хорошо виден, и можно было даже различить фигурки двух дозорных, выпустивших Юэна за льдом, а теперь настороженно следивших за ним.

Тропа вывела его к торчащему на берегу обледеневшему огромному пню, к которому была прислонена старая кирка. Он сбросил рюкзак на снег, закинул автомат за спину и взялся за инструмент.

За годы ледодобычи тут образовался целый карьер, доходивший почти до другого берега: еще одно свидетельство того, что жизнь на поверхности была не сахар.

Спустившись в карьер, Юэн быстро наколол полное ведро льда. Уже под конец он обратил внимание на вешки, вбитые в ледяные стены примерно на уровне колена. На одной из них висела табличка: «Ниже этой линии не рубить».

Лед ниже линии ничем не отличался от того, что уже гремел в ведре у Юэна. С какой стати его нельзя трогать? Может быть, там, в глубине, вмерз кто-то, кого неосторожный добытчик может разбудить своим ледорубом? Какое-то спящее чудовище?..

Чтобы не искушать судьбу, Юэн выбрался поскорее из карьера и потащил ведро обратно к уже тающему в усиливающейся пурге Собору.

— Что там, ниже линии? — спросил он у дозорных.

— Осадки, — лаконично ответила женщина, опустила предохранитель на автомате и принялась рыться в кармане.

На свет был извлечен старый дозиметр ярко-желтого цвета с круговой шкалой. Женщина включила его, и индикатор заряда тревожно замигал желтым. Это была привычная картина: в дивном новом мире зарядить любой электроприбор было, как правило, гораздо труднее, чем раздобыть его. А уж с этими машинками — особый случай: их и до войны было мало, теперь же рабочие экземпляры стали невероятно редким сокровищем.

Женщина опустила дозиметр в ведро. Стрелка чуть дернулась, но осталась в безопасной зоне.

— Я таких с войны не видел, — уважительно произнес Юэн.

— Может, больше и не увидишь, — ответила та. — Только им и спасаемся, хотя запарись искать батареек.

— Вот за это мы ее и взяли в отряд, — ухмыляясь, добавил напарник.

Женщина выпрямилась и уперла руки в бока.

— А я думала, за мою красоту и обаяние, — съязвила она, и оба засмеялись.

Юэн, не посвященный в особенности местного юмора, терпеливо ждал, когда его пропустят внутрь. Кто знает, сколько еще времени ему придется торчать в старой церкви с этими веселыми людьми... Может быть, он даже успеет научиться смеяться их шуткам. Проклятый буран!

Заметив смущение Юэна, мужчина усмехнулся.

— Это моя жена, — объяснил он.

— Класс! — вежливо кивнул Юэн.

— Заходи, — сказала женщина, отступив в сторону.

Шагнув в полумрак храма, Юэн снял темные очки, бережно положил их в карман и с ведром в руке направился к печке. За спиной он услышал, как дозорные закрыли дверь и как с тяжелым стуком упали на свое место засовы.

В церкви почти никого не осталось, кроме женщины и трех детей разного возраста. Все, кроме младшего, годовалого карапуза, сидели на скамьях, распуская старую шерстяную одежду и скатывая шерсть в клубки. Юэн вывалил свою добычу в синюю пластмассовую бадью, наполовину наполненную водой. Лед остался плавать на поверхности, самые крупные куски были похожи на миниатюрные айсберги. Ткнув один из кусков, Юэн с минуту заворуженно смотрел, как он тонет и поднимается на поверхность, расталкивая мелкие льдинки, успевшие занять его место.

— Вязать умеешь? — спросила его женщина.

Юэн моргнул. Вопрос был совершенно неожиданным.

— Только шарфы, — ответил он.

Женщина показала на стул, где лежала груда шерстяных клубков и коробка со спицами.

— Ты ведь должен чем-то заниматься, чтобы отрабатывать постой, так? — улыбнулась она. — Считаю, что я тебя ангажирую. А то мне тут, признаться, скучновато. С ребяташками общих тем у нас не так-то и много...

Вязать Юэн научился в незапамятные времена. Дни и ночи под землей были одинаково темны и бесконечны, развлечений было мало, и вязание помогало не только обзавестись удобной и теплой одеждой, но и отключить голову хотя бы на время, забыв о бедах и жизненных неурядицах. Петелька, еще петелька, еще петелька... Затыгивает. Можно не думать о том, что работоторговцы похитили всю твою семью и, возможно, дети уже мертвы... Не думать об этом. Не думать! Петелька, еще одна...

— Только сначала чаю заварю, — согласился он. — Будете?

Женщину звали Маргарет, а детей — Дженни, Марк и Коннор. Пока Юэн заваривал чай и разливал его по мятым кружкам, старшие мальчик и девочка глядели на пришельца пустыми скучными глазами, зато Коннор — самый маленький, улыбался во весь беззубый рот. Параллельно он запихивал в свои пеленки камешки, которые в изобилии были разбросаны по полу.

— Коннор! — застала его за этим занятием женщина. Услышав свое имя, он радостно вскочил на ноги, и пеленки под тяжестью камней поехали вниз, а по комнате распространился характерный запах.

— Коннор! — крикнула Маргарет, встала и бросилась к нему.

Старшие дети прыснули со смеху.

Пурга за стенами церкви была все злобней, а в комнате было тепло и уютно. Маргарет недавно исполнилось двадцать три, и ее жизнь состояла из вязания и поисков мужа. Узнав, что Юэн в Карлайле проездом, она порядком расстроилась.

Вязать с ней вместе было ничем не хуже, чем греться у Христа за пазухой. Другие варианты трудовой повинности нравились Юэну куда меньше: сортировать в старом склепе под церковью разный хлам, принесенный снаружи или оставшийся с довоенных времен, или стоять на часах в морозной пустоши.

В Соборе не было единого для всех перерыва на обед. Время от времени местные обитатели менялись местами с караульными, чтобы те могли перекусить, попить чайку и согреться. Шли часы в тепле, тишине и спокойствии; ближе к вечеру Юэн поменялся местами с Маргарет и вместе с детьми задремал под быстрое цоканье спиц.

Когда стемнело, Маргарет опустила пониже четыре небольших масляных фонаря, висевших под потолком, и зажгла их.

— Масла в городе по-прежнему много, — объяснила она, — хотя ходить за ним приходится все дальше и дальше.

Юэн кивнул, отложил работу и встал, чтобы размять затекшие конечности. К нему подошла женщина-дозорный, с которой он говорил утром.

— Так ты, значит, Юэн?

Он кивнул. Понятное дело: тут любой чужак на виду.

— Марла, — представилась она и протянула руку.

Юэн не удивился ее сильному и уверенному рукопожатию. Утром он принял ее за мужчину, и не мудрено: кроме голоса и имени, женского считай что и не было.

— Говорят, ты из туннелей?

— Да, из Глазго.

— Вот что, Юэн. Навязал ты пока, — она кивнула на пряжу, — разве что на тепло от печки, у которой сидел целый день. Ночью придется постоять в карауле на башне. И будем в расчете.

— Идет, — поевжившись, согласился Юэн. — А туннели-то тут при чем?

— Ну как же? — внимательно посмотрела на него Марла. — Ты ведь привык к темноте, не так ли? Должен видеть получше наших.

— Разумно, — признал он. — И кого мне высматривать?

Марла подвела его к столу, где стояли непривычно чистые миски с ужином: мясом и грибным супом.

— Чудовищ, — коротко ответила она.

Глава 4

БАШНЯ

Чтобы попасть в башню Собора, нужно было открыть низкую тяжелую дверь и подняться по узкой каменной лестнице, миновав по пути два сквозных помещения. Нижняя комната была апартаментами лидеров общины, верхняя — оружейной, где три женщины чистили стволы и прессовали порох на переделанном сверлильном станке.

Крохотная угловая дверь выводила прямо на старую плоскую крышу Собора, обнесенную зубчатыми стенами. У стен уже намело настоящие сугробы, а ветер достиг такой силы, что казалось: высунешь голову над стеной — ухватит и унесет в бурлящую мглу. Холод стоял собачий. Юэн подумал, что старина Моррис оказался кругом прав. Даже если бы обитатели Собора взялись выпихивать его вон в такую погоду, он бы руками и ногами уперся в дверной косяк. В буран даже черти из ада носу не кажут, как говаривал старина Джонатан.

Старые каменные стены оказались укреплены листами железа; еще один лист был закреплен сверху на металлических прутьях, образуя навес. У двери на лестницу стояла бочка, набитая свежими запасами дров и козьего навоза.

Нагнувшись над бочкой, чтобы разжечь огонь из углей, прихваченных снизу, женщина подняла взгляд на Юэна.

— Маргарет хорошо о тебе отзывается. Говорит, работаешь молча, не ноешь. На вид ты парень крепкий, и в разных местах побывал...

Огонь занялся, и она встала, вытерла руки об одежду и открыла дверь.

— Если что, у нас есть для тебя местечко. На той неделе мы на стене человека потеряли.

Ее светло-голубые глаза на мгновение поймали его взгляд, но Юэн ничего не ответил. Марла опустила голову и коротко взглянула на гостя изподлобья.

— Подумай, Юэн. В мире есть места и похуже.

— Подумаю, — сказал он.

— Не давай огню разгореться, а то все дрова изведешь, — посоветовала на прощание женщина. — Если разойдется, закидывай навозом.

— Хорошо, — ответил он и неожиданно для себя добавил: — Спасибо.

Она еще раз взглянула ему в глаза, словно пытаясь высмотреть там что-то, потом развернулась и закрыла за собой дверь.

Огонь радостно запрыгал по сухим щепкам, и следующие пять минут Юэн методично подкладывал в костер куски сушеного навоза, пока пламя не утихло. Тепло от костра было едва заметно под хлестким ветром, но озябший мужчина был и этому рад. Он сел на корточки, прижавшись спиной к бочке, чтобы не упустить ни единой частицы этого тепла.

Жутковатое это было чувство: сидеть посреди снежной бури. Сверху, снизу и вокруг тесного пространства башни бушевала темная бездна. Ветер швырял в Юэна пригоршню снега, который впивался в кожу и в бессильной ярости разбивался об оде-

жду. Снежинки, порхающие над бочкой, казались оранжевыми в тусклых отблесках пламени. Зрелище было не от мира сего. В Преисподней, круге этак на девятом, смотрелось бы отменно.

Снегопад внезапно прекратился. Юэн сморгнул и выпрямился во весь рост. Посмотрев на юг, он увидел, как снежная пелена уходит вдаль, словно смертоносный бархатный занавес, открывая его глазам безжизненную землю, освещенную ласковым лунным светом.

Сильный и хлесткий южный ветер сменился короткими неуверенными порывами, каждый раз меняющими направление. Юэна пронзила унылость пейзажа: со всех сторон его окружали руины, покрытые снегом и льдом и искрящиеся в лунных лучах.

К югу, востоку и западу от башни раскинулся темный разрушенный город. Ночью эти развалины были пустыни, а днем по ним рыскали смельчаки в поисках полезных ресурсов. Местная детвора называла их «старателями», потому что они всячески старались уцелеть и не помереть в очередной вылазке. Официально они назывались «рейнджерами», но слово из былых времен казалось слишком пафосным этим людям. Когда рискуешь своей шкурой каждый день, это становится делом обыденным.

К северу несколько обожженных и разрушенных зданий отделяли Собор от могучего замка, высившегося над городом. Стоя на башне, Юэн чувствовал на себе пристальный взгляд этого каменного исполина.

Замок Карлайла был обитаем с тех пор, как люди начали потихоньку выбираться из подземных укрытий, где переждали гибельные дни войны. Сейчас там располагался штаб Дозора, который следил за сохранностью стены и безопасностью ближайших поселений. Именно в Замке местные искали спасения, когда что-нибудь жуткое пробиралось из Англии. Поэтому, со всеобщего согласия, Дозору Карлайла было позволено взять под свой контроль эту землю, ныне взбеленившуюся и норовившую выдать из себя прежних своих хозяев.

Во время войны Шотландия избежала прямых ядерных ударов. Зато этой части Королевства досталось от биологического оружия, которое тоже применялось в Последней войне. Вызванные запрещенным оружием эпидемии выкосили почти все шотландские города.

Карлайл на последней стадии войны был разделен надвое стеной, проходящей прямо по землям Собора, от востока к западу, от одной реки до другой. Так Шотландия пыталась сдержать поток беженцев, в отчаянии бегущих из преисподней, в которую превратилась Англия.

До замка было несколько сот метров, так что если бы среди ночи что-нибудь вылезло из окутанного мраком города, Юэн, скорее всего, увидел бы это первым. Если бы вообще успел.

Он осмотрелся, вглядываясь в тихий, залитый лунным светом город. Погода, кажется, налаживалась. Сейчас можно было бы отправиться в путь — но если он бросит дежурство, его, пожалуй, вздернут как дезертира. Законы военного времени...

Под снежным покровом руины казались стерильно чистыми, но Юэн прекрасно понимал, что это иллюзия. Повернувшись в сторону замка, он понял, что не напрасно чувствовал на себе его взгляд: другой такой же бедолага стоял на вершине укрепления и смотрел в его сторону. Где-то с минуту они созерцали друг друга, затем далекий силуэт поднял руку и приветственно помахал. Юэн задумался, не означает ли это

условный знак тревоги, но рассудил, что, раз никто ему об этом не говорил, волноваться не стоит. Он помахал в ответ, и человек на вершине замка довольно кивнул. Что делать дальше, Юэн не знал, поэтому напоказ прошелся по своему пятакчу, избражая тщание.

Дверь открылась, и на площадку вышла Марла, осторожно держа в руках две дымящиеся чашки и сжимая под мышкой лопату. В ночном воздухе ощутимо запахло мятой. Марла пристальным взглядом окинула город — во все стороны, кроме замка.

— Пока все тихо, — суммировал Юэн, грея руки о горячую чашку.

— Не обманывайся, — нахмурилась она. — Не знаю, как у вас, но тут, у стены, вечно что-нибудь происходит.

— На севере, конечно, спокойнее, — тихо сказал он. — В Глазго все живут в старом метро. Выбираемся наружу за едой и припасами, но в основном сидим в тепле и спокойствии.

Марла ничего не ответила, поэтому он продолжил:

— Не знаю, что творится в других городах. Сто лет ниоткуда не было вестей. Только недавно стали появляться гости.

— Что за гости? — в голосе Марлы слышалось любопытство.

— Сначала — торговцы. Консервы нам принесли: нарыли их на каких-то заброшенных складах. Ну и кучу других вещей: что-то нашли, что-то выменяли... Еда, конечно, всегда пригодится, но у них были и другие интересные штуки: витамины, лекарства, книги — в общем, то, что не столько помогает выжить, сколько делает жизнь приятнее.

— Это все от нас пошло, — с серьезным видом объявила Марла. — Мы первыми начали рассылать разведчиков во все стороны — проверить, кто где живой остался.

— Ну и как? — живо спросил Юэн.

— Порадовать нечем. Людей стало гораздо меньше, чем было.

Юэн пожал плечами. Так себе разведанные.

— Мы знаем про Глазго. Еще кое-кто нашелся в Эдинбурге и в Данди. Между городами люди живут, в основном, в церквях и замках. Там, где стены крепче. — Женщина тоже отхлебнула чая и продолжила: — На востоке мы поддерживаем контакт с бывшим Ньюкаслем.

— А что на юге? — осторожно спросил Юэн.

Марла впилась в него взглядом.

— Я так понимаю, ты туда и направляешься?

— К нам приходили не только ваши торговцы, — сухо сказал Юэн.

— Вот как? — Марла явно почувствовала глухую злобу в его голосе.

— Да, нас отыскивали другие. И увели наших женщин и детей.

— Раболовцы, — женщина сплюнула на край башенной стены.

— Раболовцы, — повторил Юэн.

— Да, друг... — тихо сказала Марла, и в ее глазах блеснуло сочувствие, которое вдруг смягчило ее черты и добавило женственности. — Некоторые умники быстро поняли, что не обязательно работать самому, если можно заставить других.

Юэн сжал кулаки.

— Хотя не всегда дело в работе, — добавила Марла, и ее рука в варежке легла Юэну на плечо. — До войны тоже были люди, которые неплохо наживались на тех, кто помоложе и послабее, заставляя их утолять чужие желания.

Юэн кивнул. Об этом он тоже успел подумать.

— Куда они отвозят пленников? — спросил он. — Я шел по следам от шин до реки, но потом они пропали.

Марла помолчала, глядя на него.

— Кого они забрали?

Юэн покачался на пятках. Конечно, этот вопрос был неизбежен. Новостей в мире было так мало, что людям не терпелось узнать даже то; что неприятно было услышать. Но, даже понимая это, с трудом мог заставить себя откровенничать. Он дал себе слово ни с кем не говорить о детях, пока не обнимет их снова. Когда почтальон покинул Глазго, все было понятно без слов: он только попрощался и попросил соседей поделиться необходимым. Все были готовы помочь, хотя никто не надеялся увидеть его снова.

Впервые заговорив о своей беде вслух, Юэн почувствовал, как обжигающая боль поднимается на поверхность и хлещет наружу через трещины в его душе. Дрогнувшим голосом он произнес:

— Мою семью.

Марла ничего не сказала, но ее рука сильнее сжала его плечо.

— Они забрали мою семью, — повторил Юэн. — Жену, дочь и сына.

Больше ничего говорить не хотелось, и какое-то время они стояли молча, пока Юэн собирался с мыслями. Он пожал плечами и снова посмотрел на женщину: его глаза слегка покраснели, но слез в них не было.

— Ты знаешь, куда их свозят? — повторил он свой вопрос.

— Всякое говорят... — уклончиво ответила Марла. — Пойми, это только слухи. Лично я не встречала никого, кто видел раболовцев своими глазами и вернулся живым.

Юэн настороженно склонил голову вбок, на мгновение напомним Марле взявшую след собаку.

— Что за слухи? — с нажимом спросил он.

— Ты понимаешь, что Англия уничтожена? — вопросом на вопрос ответила его собеседница.

— Да! — выплюнул Юэн. — Что. За. Слухи?

— Нет, друг мой, совсем уничтожена. Ты даже не представляешь, какое безумие творится к югу отсюда. И, каким бы богатым ни было твое воображение, не поверишь, пока не увидишь своими глазами, — в голосе Марлы прозвучали отголоски бывшего ужаса. — Когда мир был стерт с лица земли, нам, можно сказать, повезло. Ни одна бомба не упала на Шотландию. Эпидемии, ядовитые дожди и прочие ужасы мы пересидели под землей.

Юэн нетерпеливо кивнул, ожидая продолжения.

— Англию бомбили, Юэн. И еще на ней применили кое-что похуже бомб: всякую жуть, которая никогда не должна была выбираться на свет божий из лабораторий.

— Марла, зачем ты все это мне рассказываешь?

Должно быть, Юэн повысил голос сильнее, чем хотел: женщина вдруг прикрыла ему рот рукой.

— Тихо! — сурово сказала она. — Тебя слышно на мили вокруг.

Он кивнул, отодвинулся и продолжил полупшепотом:

— Так ты знаешь, куда увезли мою семью?

— Нет.

Юэн сгорбился. Ему как будто врезали в солнечное сплетение: какое-то время было даже трудно дышать.

— Есть только слухи, Юэн. Пойдя за ними, ты найдешь только смерть.

Мужчина поднял глаза.

— Я и так уже мертв, — сказал он.

Марла тряхнула головой.

— Не говори чушь! Ты поживее многих.

— Нет. Дети дарили мне надежду и радость. Без них и без жены нет смысла жить.

— Многие потеряли родных, Юэн. Если бы все опускали руки, что бы с нами было?

— Я — не многие. Я сам по себе, — Юэн повертел головой в разные стороны, чтобы размять шею: у него занемели мышцы. — Марла, я обещал детям и Джулии, что всегда буду оберегать их. Так вот, я сдержу это обещание или погибну, пытаюсь его сдерживать.

Марла смотрела на Юэна не отрываясь. Во времена, когда жилось тяжело и не хватало самого необходимого, человек с принципами — даже с простейшими: например, держаться данного слова — был видом на грани вымирания.

За несколько секунд Марла успела обдумать несколько возможных вариантов. Людей не хватало, да и Маргарет дала понять, что этот тихий незнакомец ей приглянулся. Она может притвориться, что ей нечего ему сказать; все равно он затеял гиблое дело. Она может задержать его на несколько месяцев или даже на год; он будет работать на нее; может быть, прикипит к Маргарет и забудет про семью...

Но, взглянув на Юэна, она чуть было не рассмеялась над своими мыслями вслух. Такой человек ничего не забудет и не простит попыток его задержать. Марла вдруг вспомнила фильм, который она смотрела в детстве, сидя на коленях у деда. В те годы это было самое обычное дело: времени навалом, а развлечения — легко доступны. Фильм был черно-белый. В памяти осталось мало: только то, что там был человек с горящими глазами, которого все боялись, и одна японка сказала, что он блестит как обнаженный клинок. Марла никогда не любила мечи, ножи и ружья, но неприметный человек, стоящий перед ней, напомнил ей о простой истине: если долго держать клинок в ножнах, он притупится.

— Лондон, — только и сказала она.

Юэн внимательно посмотрел на нее, и женщина торопливо добавила:

— Только ты туда не дойдешь, Юэн. Между тобой и этим местом лежит ад. Слухи слухами, но я кое-что повидала и очень прошу тебя: не уходи.

— У меня нет ничего, Марла. Ничего, кроме данного слова. Если я нарушу его, кому я буду нужен? И кем я стану?

Та невольно подумала о том, как порой совершенно незнакомый человек может стать воплощением всего, за что ты борешься. Глядя Юэну прямо в глаза, она медленно покачала головой и грустно улыбнулась:

— Вот уж не думала, что встречу когда-нибудь странствующего рыцаря...

Юэн настороженно поднял бровь и открыл было рот, но задать вопрос не успел — дверь открылась и кто-то изнутри тихо сказал:

— Марла, тебя дети зовут.

Женщина направилась к двери, захватив по пути опустевшие кружки и бросив через плечо:

— Тебя сменят сразу после полуночи, Юэн.

Она еще раз покачала головой, будто чему-то удивляясь, и исчезла из виду.

* * *

Грянула автоматная очередь.

Юэн даже не успел удивиться: он бросил лопату, упал ничком на ледяную крышу и осторожно подполз к южной бойнице.

Выстрелы доносились с юго-востока, где над руинами возвышались две зубчатые башни. Ближайшая из них давно обвалилась от бомб и износа, но дальняя сохранилась целиком. Маргарет в беседе обмолвилась, что в этой башне жили люди.

Пальба раздалась снова, и на этот раз кроме нее до мужчины донеслись чьи-то крики. Юэн бросился вниз по лестнице, напрямик в оружейную. С грохотом распахнув дверь, он выкрикнул прямо в два удивленных лица, поднявшихся перед ним:

— В городе стреляют! — затем повернулся и побежал обратно, на крышу.

Через несколько секунд за ним выбежали Марла и еще несколько человек.

— Что делаем?! — спросил Юэн.

— Ждем, не пойдут ли в нашу сторону, — ответил кто-то, и Юэн узнал по голосу Морриса.

— А что, помогать мы им не будем? — спросил он.

— Прямо в темень, что ли, соваться? — удивленно отозвался чей-то незнакомый голос.

— Не все такие крутые, как ты, сынок, — сказал Моррис.

— Не все годами жили в темноте, — добавила Марла.

— Да и попадаться не хочется, — заметил вскользь Моррис.

Юэн повернулся, чтобы еще раз посмотреть на башни, и в этот момент там раздался взрыв, взметнув к небу груды обломков. Все, кто стоял на крыше, распластались за укреплениями; ошарашенно переглядываясь.

— Кто-то явно где-то нарыл динамита, — послышался голос.

— Не, это ручная граната, — прозвучало в ответ.

— Плевать мне, что это было, лишь бы оно там и оставалось! — заключил голос Марлы.

Юэн поднялся и устоял в темноту. Заснеженное здание теперь было подсвечено оранжевым заревом, из-под его крыши вырывались языки пламени. Люди стояли и смотрели, пока пламя не утихло. Остались только слабые отблески на снегу да столб дыма, поднимавшийся в небо.

— Все, вопрос решен, — нарушила молчание Марла.

Юэн вопросительно посмотрел на нее.

— Если бы кто-то выжил, он бы уже добрался до нас, — мрачно объяснила женщина. — Значит, никого в живых не осталось. Зато на огонь и шум сбегутся новые незваные гости.

Кто-то пробормотал:

— Упокой, Господи, их души...

Обернувшись на эти слова, Юэн увидел Шона, который наспех перекрестился.

— Там есть живые, — с неизвестно откуда взявшейся уверенностью произнес Юэн.

Шон мотнул головой:

— После такого никто не выживет.

— Шон тебя сменит, — сказала Марла. — Иди поспи, Юэн. Завтра поговорим.

Спускаясь по лестнице, Юэн не мог избавиться от ощущения, что после взрыва, пожара, перестрелки и всего остального кто-то остался жив. Кто-то лежал в развалинах, раненый, одинокий, и боялся позвать на помощь. Юэн знал это так же точно, как то, что любит своих детей.

* * *

Рабовцы разбили лагерь в пустынном пригороде, чтобы устранить мелкие поломки и подготовиться к ночному налету. Джулии было легче, она уже могла ходить без чужой помощи.

Едва встав на ноги, она быстро заарканила Джейка — охранника, который подкапывал к Гвен. Несколько раз за день она улучала минуту, чтобы поговорить с ним, как бы случайно прикасаясь к его рукам.

Гвен было противно смотреть на мать, Майкл просто не понимал, что происходит. Все просто: у Джулии включился инстинкт самосохранения. За жизнь своих детей и свою собственную она была готова заплатить любую цену. А уж ту, которая устроила бы охранника, — и подавно.

Ночью поднялась вьюга, и рабовцы двинулись в город, надеясь, что за шумом ветра местные жители и дозорные не услышат рычание моторов. Их целью была едва различимая башня с зубчатыми стенами, стоявшая в центре города.

Нападение произошло быстро. Рабовцы разбились на две группы по пять человек. Одна ворвалась в здание через дверь, снеся замок выстрелом из дробовика, вторая подорвала стену газовым баллоном и вошла через образовавшийся пролом с другой стороны.

Темноволосая девушка, делом которой было следить за живым товаром, сидела в кабине, вздрагивая при каждом выстреле и думая то о детях в соседнем грузовике, то о собственной шкуре. Выходить на улицу было опасно: интуиция подсказывала, что лучше не высовываться. Но и работу тоже никто не отменял. В конце концов, она открыла дверь и выпрыгнула из кабины, на всякий случай прихватив с собой монтировку.

Вахту у грузовика с детьми и Джулией нес Джейк. Кейтлин незаметно подкралась к нему со спины, борясь с желанием врезать этому подонку монтировкой по черепу. Но тут что-то гроыхнуло, и взрывная волна сбила девушку с ног. Джейк обернулся и наткнулся прямо на нее. Заметив монтировку в ее руках, он хищно ослабилась и снял с плеча ружье. Девчонка, испугавшись не на шутку, забила под днище грузовика и вылезла с другой стороны, где горела подорванная башня.

Рядом свистнула пуля, срикошетив от земли, и она решила, что надо бежать — туда, куда за ней не погонятся. Она рванула в сторону горящего здания, и в этот момент второй взрыв сотряс опустевший город. Острая боль внезапно пронзила ногу. Скрючившись, девчонка упала и ударилась головой. На мгновение что-то вспыхнуло перед глазами, а потом стало совсем темно.

Глава 5

КЕЙТЛИН

Сон был тяжелым. К привычному кошмару добавились сны о ребенке, забытом и брошенном в суровой зимней ночи. Юэн несколько раз просыпался в поту, и его тяжелое дыхание эхом металось меж каменных стен мирно спящей казармы. А рассвет все не спешил наступать. Как только на небе нарисовались первые робкие проблески утренней зари, Юэн второпях позавтракал вареными грибами и, даже не допив горячий чай, направился к двери.

Там снова стояла Марла. Похоже, она облюбовала этот пост.

— Все гоняешься за призраками?

— Хочу проверить свою интуицию, — отозвался Юэн.

— Погубит тебя твоя интуиция, — предупредила она.

Юэн остановился и посмотрел на Марлу, но ее лицо ничего не выражало. Что, интересно, у нее было на уме?

— А может, наоборот: спасет чью-то жизнь, — наконец, ответил он.

— Тебе видней, — коротко ответила Марла, повернувшись, чтобы открыть дверь.

Она и напарник, как заводные фигурки, отлаженными движениями отодвинули засов и распахнули дверь навстречу вихрю снежинок. Марла первой вышла на холод и, присев на колено и выставив вперед автомат, осмотрела окрестности. Вокруг все было недвижимо, только снег падал медленно, словно пух, и как-то очень торжественно.

— Поосторожнее там, Юэн, — сказала Марла, не глядя на чужака. — Ночью на огонек могли сбежаться разные твари. Возможно, не все они еще разбрелись по норам.

— Видимость паршивая, — добавил второй дозорный, указывая стволом на снегопад.

Юэн кивнул, надел темные очки и широкополую шляпу, зарылся лицом поглубже в шарф и шагнул в белую пучину.

— Если заблудишься — дуй к любой стене, — напутствовал его дозорный.

— Мы на каждую стену прикололи указатели в сторону замка, — объяснила Марла.

— Спасибо, — сказал Юэн и выступил в ледяной рассвет.

Хотя Карлайл всегда был покрыт плотным белым одеялом, снегопад сильно изменил картину. Теперь город казался не таким уж суровым и пустынным. Юэн почти не удивился бы, вновь услышав на улицах забытый гул и шум цивилизации. Свежий снег мягко ложился на плотный обледеневший наст, коварно скрывая рытвины и препятствия. Чтобы не поломать ноги, двигаться нужно было очень осторожно.

Снег уже не падал отвесной стеной, как ночью: огромные хлопья планировали плавно и неспешно. Ложась на одежду, они постепенно покрывали ее ровным слоем, похожим на белую плесень. У стены Собора Юэн выдернул из кучи дров палку подходящей длины — как раз до пояса. Прощупывая снег перед собой, он пошел на юг — туда, где ночью звучали выстрелы.

Его путь лежал мимо обожженных и разломанных стен, с которых осыпалась краска, оставляя на свежем снегу красные пятна, словно от крови. Справа виднелись очертания большого каменного здания, укрепленного стальными и деревянными листами. Кажется, обитатели Собора использовали его как склад. Слева раскорячился четырехэтажный кирпичный дом без крыши, обутленный словно самим адским пламенем.

Город представлял собой странную смесь развалин и убогих укреплений, в которых несчастные перепуганные люди пытались сдерживать натиск нового мира. Прямо перед Юэном, вперившись в него слепыми окнами, возвышалось над снежными просторами здание, когда-то бывшее белым, а теперь приобретшее неразличимый грязный цвет. В этом милом городишке, как и в этом милом мире вообще, места для чистого белого цвета больше не осталось. Такая жизнь.

Миновав небелое здание, Юэн уткнулся в груды битых кирпичей — судя по всему, бывший магазин. Из снега торчал кусок поблекшей зеленой вывески. Зазеваешься, попадет нога между кирпичей, и все. Пока будешь баюкать вывихнутую лодыжку, придет кто-нибудь удивительный, да и откусит тебе ее на хрен. А может, и голову.

Юэну показалось, что он разглядел следы тропинки между развалин. Тыча палкой в снег, он начал пробираться через руины, стараясь держаться этой путеводной нити. Вокруг тянулись к небу металлические ребра обрушенного здания. От инея они стали серебристо-белыми, и на мгновение Юэну почудилось, будто он бредет сквозь огромный скелет какого-то сказочного зверя. Внезапно кирпич выскользнул из-под его ноги, и Юэн с трудом удержал равновесие, зато голова его мгновенно очистилась от детских фантазий. Снег и тишина играли с ним опасные шутки. Юэн заставил себя собраться. Он осторожно спустился с развалин на улицу, остановился, чтобы поправить на плечах рюкзак и автомат, и двинулся дальше.

Вдоль узкой улицы стояли покалеченные дома, пострадавшие не от ядерного удара, а от времени и неумело разведенных костров. Юэн шел медленно и осторожно, приглядываясь к каждому дверному проему, каждой витрине с полузакрытыми ставнями. Казалось, что во тьме оконных проемов таится кто-то, изучающе оглядывает чужака, оставаясь невидимым.

В этой жутковатой тишине Юэну было не по себе. Нервы, измотанные дурными снами, разыгрались не на шутку. Он снял с плеча автомат и проверил магазин и предохранитель. Это его немного успокоило, но тишина продолжала стискивать объятия. Даже шуршание, с которым снег ложился на поверхность, было отчетливо слышно и заставляло нервно озираться по сторонам.

Пройдя до конца ряд грязных развалин, Юэн пораженно застыл перед указателем с надписью: «Улица Доминиканцев». Указатель прекрасно сохранился. Надо сказать, в этом унылом пейзаже он смотрелся нелепо. Юэн задумался о том, куда в нынешнем мире запропастились все доминиканцы, затем осторожно завернул за угол, чтобы как следует осмотреть раскинувшийся перед ним открытый участок.

Это был перекресток, на котором, к удивлению Юэна, не было ни одного гниющего автомобиля. Только запорошенный снегом броневик торчал посреди улицы, и снег вокруг него был покрыт пятнами ржавчины. Глядя по сторонам, Юэн перебежал на другую сторону улицы. Дом, стоящий там, осел, и теперь вместо первого этажа был второй.

Тихо.

Тяжело дыша от страха и усталости, Юэн добежал до броневика и припал к земле рядом с ним, скрываясь за снегопадом и толстым корпусом старой боевой машины. Впереди, на юге, он уже мог разглядеть свою цель: на красной кирпичной стене была заметна свежая копоть, а в одном месте, рядом с зубчатой башней, зияла темная пробоина, над которой вяло клубился дым. На улице валялись потемневшие куски камня и обломки мебели; а среди обломков были раскиданы люди. Тихие, спокойные. Что-бы им мягче спалось в смертном сне, небо укрыло их белым снежным одеялом.

Юэн потуже затянул лямки рюкзака, обнял автомат двумя руками, зажал приклад под правым плечом и, пригнувшись и стараясь держаться подальше от окон, медленно двинулся к дымящемуся зданию. На полпути его замерзшие колени уже болели, а плечи онемели от напряжения.

Подобравшись ближе, он услышал звуки. Каменная кладка потрескивала от перепада температуры. Огонь, очевидно, еще теплился внутри — тлеющие угли поджигали все, что могло гореть. Снег, падающий на развалины, таял, но вода на морозе превращалась в лед, и только там, где жар был особенно силен, темнели небольшие лужицы. Юэн осторожно обошел здание и обнаружил еще одну пробойну на южной стене. Снег рядом с ней пятнали запорошенные следы.

К югу от дома виднелось заграждение из рифленой стали, бетона и ржавой проволоки, разрезающее город пополам, от реки до реки. Вдоль стены стояли столбы с мертвыми прожекторами, оборванные куски кабеля свисали до земли. Между двумя разрушенными башнями стояли массивные ворота. Их створки были приоткрыты, а все пространство за воротами — дорога и прилегающие к ней участки — было забито прогнившими остовами автомобилей, автобусов и грузовиков, брошенных водителями много лет назад. Эта стена была воздвигнута в последние недели войны, чтобы отгородить безопасную зону. И затея оказалась во многом успешной.

Юэн пошел по следам, ища хотя бы один хороший отпечаток. И он нашел его сразу за воротами, рядом с большой машиной, куда не упали свежие снежинки: резкий и четкий контур подошвы сапога. Но что-то было не так. В голове у Юэна словно пропел тревожный сигнал.

Выставив вперед дуло автомата, он замер, вглядываясь в пустоту. Вокруг было по-прежнему тихо. Рассвет все никак не мог пробить себе дорогу на хмурый небосклон. Ни движения, ни звука. Юэн решил, что это тишина взвинтила ему нервы, и обернулся к разрушенной кирпичной башне.

Теперь он был почти уверен в правоте Марлы: взрыв, пожар, бандиты и морозная ночь не оставили обитателям башни ни единого шанса. Его охватила внезапная тоска, словно предчувствие ночного кошмара. Он толком и не знал, кого рассчитывал найти среди обломков и мертвых тел. Просто было чувство: в коротком и жестоком ночном бою кто-то выжил. Кто-то, кому очень нужна помощь... Кто-то близкий — иначе откуда бы Юэн знал, как бы чувствовал призыв о помощи?

Но вокруг было тихо и мертво. Кажется, он опоздал.

Снова пригнувшись к земле, Юэн двинулся обратно, к надежным и крепким стенам Собора. Когда он поравнялся с покaleченной северной башней, солнце все-таки пробилось сквозь облака. Ослепленный, Юэн зажмурился и припал на одно колено. Его окружало кошмарное зрелище: каждая снежинка заблестела в красных лучах рассвета, и вдруг показалось, что весь город залит кровью.

Земля под его коленом подалась, и Юэн понял, что наступил на окоченевшее тело одного из погибших этой ночью. Под тяжестью его веса грудная клетка подалась и выпустила воздух. Мертвец выдыхал воздух, который был последним вдохом еще живого человека...

Мутная волна поднялась в желудке Юэна, и он еле поборол панический порыв — стремглав броситься назад, в укрытие.

...В тусклом свете что-то шевельнулось, выбираясь из-под каменных обломков. Мелькнул хрупкий силуэт. Когтистые руки и паучьи конечности пытались нащупать выход из снежной могилы.

Сияясь смирить бешеное биение сердца и порывы тошноты, Юэн не видел ничего вокруг, кроме этого силуэта. До ушей его донесся странный далекий вой. Существо выкарабкалось из-под обломков, оставляя за собой черный след в красном свете восходящего солнца. Оно повернулось к Юэну, но лица его нельзя было разглядеть из-под влажных спутанных волос.

Предчувствие чего-то ужасного сдавило горло Юэна ледяной хваткой. Он с трудом поднял ствол и непослушными пальцами переключил облепленный снегом предохранитель. Существо напоминало ему о байках про чудовищ с юга, которые ему случалось слышать у костра в туннелях.

— Юэн, — хрипло произнесло создание.

Он остолбенел от ужаса, от невозможности происходящего. Ноги отказывались ему подчиняться, голос пропал, и Юэн просто стоял и смотрел на это странное создание, которое неведомо откуда знало его имя.

И вдруг существо закашлялось, и наваждение исчезло.

— Помоги, — сказал слабый голос. Рука откинула волосы, и под ними открылось бледное, искаженное болью лицо совершенно незнакомой Юэну девушки.

— Помоги! — повторила она и упала без сознания.

Сработали натренированные инстинкты, и Юэн рванулся на помощь, усилием воли пробуждая застывшие мышцы. Он с трудом заставил себя остановиться и еще раз пристально оглядеть каждое окно, каждый темный проем, ежесекундно становившийся все темнее из-за резкого света солнца, поднимавшегося над городом.

Когда мужчина снова сдвинулся с места, движения его были медленны и осторожны. Дойдя до лежащей девушки, он замер и снова прочесал взглядом окрестности. Часть сознания кричала, что это ловушка, что кто-то подстерегает его.

Правой рукой держа автомат наготове, пальцами левой он нащупал пульс на ее шее.

Пульс был уверенным.

Хрипло дыша, Юэн перевернул девушку, глядя то на нее, то на окружающие здания, потом наспех прощупал ее тело в поисках влажного от крови пятна. Обнаружил его на ноге. Опустив взгляд, он увидел под самым пахом наспех наложенный жгут из кожаного ремня, а ниже — торчащую из тела зазубренную железку. Волосы на затылке девушки слиплись от крови, но Юэн нашел там лишь синяк и ссадину.

Тем временем снегопад прекратился, а солнце поднималось все выше. Небо меняло окраску — из красного в ярко-оранжевый — и озаряло уплывающую вдаль громаду облаков. Издалека, с той стороны забора, донесся странный лай, потом другой словно ответил ему, на этот раз гораздо ближе.

— Черт! — он закинул автомат за спину и схватил девушку в охапку.

Лаять могли собаки или любая другая тварь с отравленного юга, но если это была собачья свора, единственным спасением было бегство.

* * *

Когда Юэн приблизился к башне Собора, в здании уже была объявлена тревога, а Марла даже не чаяла снова его увидеть. Она была уверена: в какую бы дурацкую затею ни ввязался чужак на этот раз, он уже мертв, а то и еще что похуже.

Но что-то не давало ей захлопнуть ворота... Снова и снова обводя стволом заснеженные улицы Карлайла, она все ждала, ждала... Будто кто-то умолял ее погодить еще чуть-чуть.

И этот внутренний голос не обманул.

На свежавыпавшем снегу стоял худой высокий мужчина в заплатанных штанах, плотно заправленных в длинные кожаные сапоги, и потертом, заношенном кожаном плаще. На его шее болтался размотавшийся шарф, раньше прикрывавший узкое морщинистое лицо. Пар от дыхания туманил темные очки, а из-под широкополой шляпы выбивались непослушные пряди каштановых волос. За спиной виднелся походный рюкзак, а из-за правого плеча торчал, уставившись в небо, ствол автомата. На руках мужчина нес обмякшее тело девушки-подростка в потрепанных джинсах, полуботинках и свитере на несколько размеров больше. Волосы незнакомки разметались по плечу Юэна, глаза были закрыты, а кукольное личико тронuto смертельной бледностью. За их спинами возвышались руины погибшего города, и звонким эхом носился по развалинам с каждым мгновением приближающийся собачий лай.

Много лет спустя Марла не смогла бы сказать, что именно делало этот миг особенным, что выделяло его из всей ее длинной и полной опасностей жизни, — но запомнила она его навсегда. И глядя на человека, идущего к ней по рыхлому снегу, она на мгновение почувствовала прилив какого-то необъяснимого, необыкновенного чувства.

Дозорная Карлайла не верила ни в бога, ни в дьявола, и считала, что человек сам хозяин своей судьбы. Но почему-то Юэн не вписывался в ее аккуратно расчерченную картину мира. Никто из ее людей добровольно не стал бы соваться в руины, где только накануне гремели выстрелы: это было и бессмысленно, и опасно. А гость из Глазго пошел — и пошел, повинаясь своему внутреннему зову, а ни в какие зовы Марла, разумеется, не верила тоже.

И вынес из дымящихся развалин, из собачьего холода, живого человека. Раненую девушку. Спас жизнь прекрасной незнакомке.

Сказка какая-то.

Марле вдруг почудилось, что она лежит в теплой и уютной кровати и голос деда снова рассказывает ей сказки об отважных рыцарях. Не так ли рождаются легенды?

Она поскорее выпустила Юэна в тепло, захлопнула ворота и сама помогла часовому задвинуть тяжелый засов. В лице напарника, как в зеркале, отражалось ее собственное изумление. С башни уже донеслись глухие выстрелы из крупнокалиберного оружия. Наверное, дозорные отгоняли от стен Собора диких собак.

— Она ранена, — напряженно прохрипел Юэн.

— Иди за мной, — сказала Марла и повела его к отгороженному уголку в дальнем конце главного холла.

Там стояла печка, от которой растекалось ласковое тепло. Длинная труба поднималась к потолку и исчезала в полумраке. Струйки дыма выбивались наружу в тех местах, где трещины в металле были кое-как залатаны жестяными банками. По разные стороны печки стояли две койки, больше похожие на скамьи. У левой высился чистый столик с металлическим подносом, у правой — помятая пластмассовая коробка зеленого цвета с потертым белым крестом и надписью «ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ».

Юэн положил девушку на левую койку, склонился над ней и попытался нащупать пульс. Марла вытаращила глаза и на долю секунды засомневалась в чистоте его намерений, но тут же отогнала прочь эти мысли.

— Мартин! — внезапно заорала она.

Юэн подскочил от неожиданности и посмотрел на нее с упреком. Марла только пожала плечами, ослабилась и заорала снова:

— Мартин!

— Да иду я, иду! — послышался вдалеке чей-то голос, затем — хлопанье двери и шарканье.

— Шевелись, старый! — прогремела Марла.

— Пошла ты! Чего орешь, я не глухой! — ответил усталый голос.

Марла снова широко ухмыльнулась, и Юэн подумал, что в другой жизни с ней, наверное, было бы очень весело.

Мартин оказался бородатым стариком лет шестидесяти, в кожаном фартуке, почти скрывающем мешковатые штаны. Рукава его потертого свитера были заправлены до локтей, а руки испачканы в машинном масле.

— Так-так... — протянул он. Развернулся и быстро ушел прочь.

Юэн вопросительно посмотрел на Марлу.

— Он раньше был ветеринаром, — объяснила женщина.

— Класс, — произнес Юэн без особого энтузиазма.

— Он хороший врач, — успокоила его Марла. — Помогает нам выжить. Много читает про медицину.

Мартин вернулся уже без фартука и с чистыми руками, распаренными в горячей воде.

— Кто-то выжил после вчерашнего? — спросил он.

— Да, — ответил Юэн. — Я нашел ее у разрушенного здания. Или она меня нашла, даже не знаю...

Мартин уставился на мужчину круглыми глазами, но ничего не сказал. Он повернулся к Марле и продолжил, как ни в чем не бывало:

— Ну, давайте посмотрим, что с ней не так.

— У нее железный штырь в ноге и большой синяк на затылке, — сообщил Юэн.

Врач аккуратно повернул голову девушки, ощупав череп в районе синяка сильными и грубоватыми пальцами. Довольный результатами осмотра, он переключил внимание на ногу.

— Все в порядке? — спросил Юэн.

— Ну, когда очнется, башка у нее поболит, — отозвался старик. — Может, сотрясение, но черепушка цела. Есть ли внутреннее кровотечение, пока не видно. Время покажет.

Теперь он был весь поглощен осмотром ноги. Вынув из-за пояса нож, он разрезал штанину рядом с раной. Металлический штырь выдавался вперед сантиметров на десять, вся кожа вокруг него была в засохшей крови. Нога была холодная и посиневшая.

— Вот это уже серьезно, — сказал Мартин. — Марла, быстро: теплые одеяла, горячую воду, тряпки. И у тебя там спирт припрятан, я знаю. Притащи, пожалуйста.

Женщина тут же исчезла.

— Ты порядочный человек? — спросил Мартин.

— Да, — на всякий случай сказал Юэн.

— Это хорошо, — ответил старик, насмешливо приподняв бровь. — Тогда помоги ее раздеть.

До Юэна дошло, что это надо было сделать в первую очередь: девушка почти всю ночь пролежала на морозе и потеряла много крови.

В новом мире не до скромности; и Юэн с Мартином проворно раздели незнакомку до нижнего белья. Вернулась Марла с ворохом одеял. Мужчины расступились, и она потеплее закутала девушку. Следом появилась Маргарет с дымящимся чайником в одной руке и бутылкой с прозрачной жидкостью — в другой. Поставив то и другое на стол, она тут же ретировалась.

Мартин закатал одеяло, освободив пострадавший участок ноги, и начал аккуратно ощупывать рану. Девушка пошевелилась и сдавленно простонала.

— Юэн... — промычала она, не открывая глаз.

Жители Карлайла удивленно посмотрели на чужака.

— Ты ее знаешь? — спросила Марла.

— Первый раз вижу, — отозвался тот. — А вот она меня как будто знает.

— Может, вы встречались, когда она была маленькой девочкой? — предположил Мартин.

— Может быть. Хотя я бы ее запомнил, — ответил Юэн, не очень веря сам себе.

— Тогда что за черт? Откуда она знает, как тебя зовут? — спросила Марла.

Мартин молча смотрел на Юэна, но в его ясных серых глазах отражался тот же вопрос. Чужак беспомощно пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Кажется, не так глубоко, как я думал. Да и артерия не задета. Совсем рядом прошло, — сказал Мартин, снова склонившись над раной.

— Повезло девчонке, — хмыкнула Марла и, поразмыслив, добавила: — Очень повезло.

Мартин открыл зеленую коробку и достал оттуда перевязочный пакет, иглу с толстой нитью и сложенный кусок белой материи, от которой исходил странный запах, почему-то напомнивший Юэну о детстве, хотя причину этого он понять никак не мог.

Старик ловко вытащил железку из поврежденной ноги и обработал рану спиртом из бутылки. Девушка дернулась и взвизгнула, ненадолго распахнула глаза, но тут же снова потеряла сознание. Еще раз внимательно осмотрев рану и не найдя осколков, Мартин кивнул и начал зашивать края. В этом он, очевидно, был большой мастер: не успел Юэн опомниться, как старик уже перекусил нить, потом развернул кусок белой ткани и извлек на свет стеклянную баночку. Он распечатал ее, и странный резкий запах усилился.

— Что это? — спросил Юэн.

— Гвоздичное масло, — ответил врач.

Юэну это ни о чем не говорило.

— Давно, еще в пору цивилизации, его применяли дантисты. Здорово помогает от нагноения, — объяснил старик.

— Запах как будто из детства, — задумчиво произнес Юэн.

— Ну правильно, — улыбнулся Мартин. — Красное вино, сахар, гвоздика, еще кое-какие специи — и вот тебе глинтвейн на Рождество.

Юэн не мог сказать наверняка, что он помнил именно это, но что-то в его душе зашевелилось.

— Мы нашли кучу этого добра. До войны его расходовали мало, а хранится оно долго, — объяснял Мартин, щедро нанося масло на зашитую рану. — Если повезет, заражения не будет, и она выйдет отсюда на двух ногах, — добавил он и ослабил жгут.

Убедившись, что сильного кровотечения нет, Мартин начал бинтовать ногу, время от времени поглядывая на Марлу.

— Ты точно не встречал ее раньше, Юэн? — спросила она.

— Точно.

— Но она тебя явно встречала, и мне не терпится услышать эту историю.

— Мне тоже, — кивнул мужчина.

— Скоро она очнется, — вмешался Мартин. — Если честно, я думал, что рана опаснее.

С этими словами он закончил перевязку. Марла намочила тряпку в ведре с горячей водой и начала протирать девушку с головы до ног, стараясь по возможности быть деликатнее. Мартин кивнул ей:

— Ну, я пойду. Зови, если что.

— Спасибо, Мартин. Ты молоток! — сказала Марла ему вдогонку.

Юэн заметил, что от тепла на щеках девушки появился румянец. Он по-прежнему не мог разглядеть в ее лице ничего знакомого. Хрупкая, но для своих лет вполне развитая, курносая, с веснушками; уголки губ слегка задраны. За тот короткий миг, что девушка была в сознании, Юэн успел заметить, что у нее темно-карие глаза. На вид ей было лет пятнадцать; возможно, чуть больше, но уж никак не меньше. Юэн подумал, что она всего на несколько лет старше его дочери: возможно, в душе еще ребенок, а телом уже почти взрослая женщина. Он поймал себя на мысли о том, как изменилось с годами его восприятие: раньше, когда он сам был молод, он бы увидел в ней женщину, а теперь увидел ребенка. Наверное, так и должно быть, так и устроен мир: старики защищают молодых и уступают им дорогу.

Незнакомка открыла глаза и посмотрела на Юэна.

— Ты нашел меня. Я так и знала.

Юэн покосился на Марлу. Та с любопытством следила за ним. Он повернулся к девушке, которая тоже не сводила с него глаз.

— Кто ты? — спросил мужчина. — Мы знакомы?

— Это вряд ли, — пробормотала она очень тихо, почти что шепотом, и сонно прикрыла глаза. Но Юэн был настолько заинтригован, что повторил вопрос:

— Кто ты?

— Кейтлин, — ответила девушка и провалилась в сон.

Глава 6

СТЕНА

Марла проявила редкую для себя властность и на весь оставшийся день поставила Юэна нести вахту на башне, куда позже пришла и сама. На башне было холодно, но только там они могли спокойно поговорить, не боясь быть подслушанными. После того, что произошло ночью, Юэн разогрел в дозорной любопытство. Теперь ей казалось, что, куда бы ни занесло течением этого странного чужака, везде он точно так же взбаламутит воду.

Юэн не хотел оставлять Кейтлин одну, ему казалось очень важным быть рядом с девушкой, когда она проснется. Прежде с ним не случалось ничего похожего, он никогда по-настоящему не верил в рассказы о предчувствиях, внутреннем голосе и так далее. И почему-то он был уверен, что Кейтлин, как только придет в себя, сумеет объяснить ему, что же с ним произошло; откуда он узнал о том, что она в беде, и почему с такой решимостью отправился в неизвестность, чтобы ее выручить.

Но Марла была категорична:

— Подежуришь со мной на башне еще ночь и заработаешь ночлег и еду для вас обоих.

Крыть было нечем. Он подчинился и вскоре снова смотрел с промерзшей до самого основания башни на разрушенный и обледеневший город, в ярких солнечных лучах казавшийся стеклянным. Под стенами Собора лежали несколько трупов крупных собак. Два человека уже нехотя выбрались на мороз, чтобы их подобрать. Юэн заметил, что один из них провел над трупом дозиметром Марлы, а потом потянул тушу к воротам.

Не пропадать же добру. Если варить собачатину с грибами, получается сочное, ароматное мясо. Замечательно согревает.

— Сегодня будет славный ужин, — сказала Марла.

— Ага, — ответил Юэн, терпеливо ожидая, когда же начнутся настоящие вопросы.

Женщина посмотрела на него искоса и вздохнула:

— Ладно, Юэн. Видно, что ты не дурак...

Тот слушал внимательно, чуть склонив голову набок. Эта женщина могла сейчас сильно упростить или осложнить ему жизнь.

— Я вот что тебе скажу. Эта девчонка не из местных. Делай выводы.

— То есть... — Юэн потряс головой. — Она попала сюда с тем отрядом, который напал на город вчера?

— Выходит, что так.

— Значит, она сама была ими где-то похищена?

— Или была с похитителями.

— Но ведь она же совсем ребенок! — запротестовал Юэн.

— Она не ребенок, Юэн! — покачала головой Марла. — Да, она молодо выглядит, но и только-то. Видно, ты не замечаешь кое-чего в ее лице... И это хорошо о тебе говорит, но...

Юэн открыл было рот, готовый спорить дальше, но Марла заткнула его жестом.

— В этой девчонке что-то есть, Юэн. Что-то такое, от чего у меня волосы встают дыбом.

Он кивнул. От спасенной им девушки исходило нечто... И оказывается, не он один это ощущал.

Допустим, девчонка из раболовцев. Может, она была в той же группе, которая угнала его семью! Поэтому-то она и знает его имя! Сходится! Юэн сжал кулаки, а его сердце заухало чаще.

С другой стороны, охладил он себя, это не объясняет всего остального. Откуда она знала, что именно он — Юэн? Почему он был так уверен, что она нуждается в его помощи, почему отправился в развалины?

— А если она — сбежавшая пленница? — вслух спросил себя Юэн.

— Может, и так, — согласилась Марла. — Но если не так, наш Собор — последнее место, куда ее стоило приводить.

— В любом случае, она должна знать про раболовцев, — тряхнул головой Юэн. — Как только она проснется, я спрошу ее. Если она из этих бандитов, я сам с ней расправлюсь, не волнуйся. А если она беглянка, поможет мне отыскать мою семью!

— Ты действительно в это веришь, Юэн?

— А что мне еще остается, Марла?

Женщина помолчала.

— Я приняла решение, — сказала она, глядя ему в глаза. — Мне по-прежнему не нравится вся эта история, но мне нравишься ты. А это редкий случай.

Она снова помолчала, взвешивая каждое слово.

— Я сделаю тебе прощальный подарок.

— Что еще за подарок?

— Увидишь. Но при одном условии.

— Каком? — Юэн насторожился.

— Ты возьмешь подарок, возьмешь девчонку, и чтобы духу вашего тут не было, — сказала Марла. — У меня тоже есть внутренний голос, которому я доверяю, и лишь поэтому до сих пор жива. Так вот, он говорит мне, что от вас обоих за километр несет бедой.

Юэн хотел было возразить, но Марла остановила его, подняв руку.

— Я не хочу сказать, что ты несешь зло намеренно... Просто беда идет за тобой по пятам.

Юэн нахмурился.

— В общем, мой внутренний голос говорит, чтобы я избавилась от тебя поскорее. И я вижу четыре способа это сделать.

Она глотнула чаю, уже остывшего на холоде.

— Первое: убить. Но за что? Ты ничего плохого не сделал, скорее наоборот. Второе: отправить тебя домой с первым попутным торговцем. Но что-то мне подсказывает, что тогда мы увидимся снова, — в конце фразы она поставила голосом легкий вопросительный знак.

Юэн согласно кивнул.

— Остается либо посадить тебя в тюрьму и кормить три раза в день, чего, откровенно говоря, мы не можем себе позволить, либо просто отпустить.

И Марла замолчала, следя за его реакцией.

Первые три варианта даже не приходили Юэну в голову. Они совершенно не вязались с тем, что он успел узнать о местных обитателях. Он и так ждал, что его отпустят, и не мог понять, почему Марла решила поговорить об этом.

— Удивляешься, что я говорю такие очевидные вещи? — спросила дозорная, и рот ее снова растянулся в широкой ухмылке.

— Типа того, — кивнул Юэн, допивая чай.

— Все это не так очевидно для тех, кто побывал по ту сторону стены. Я тебе сказала, что там творится безумие, — и это не шутки.

Юэн смотрел на нее, гадая, к чему она выведет.

— Я с самого начала не собиралась тебя задерживать. В конце концов, ты нам чужой, и какая разница, что там с тобой случится?

Юэн согласно кивнул.

— Но сегодня все изменилось. Сама не знаю, почему. Я дам тебе кое-что, Юэн, что поможет выжить за стеной. И сделаю это, чтобы ты поскорее свалил и не возвращался.

Несколько долгих мгновений прошли в тишине. Марла смотрела Юэну прямо в глаза, и он понял без слов: эта женщина желает ему добиться успеха в его безнадежной затее, и у нее есть на это особые причины, о которых она никому не расскажет.

— Спасибо, — произнес он.

— Помни о моем условии, Юэн, — проворчала дозорная. — Уходи и забирай с собой девчонку, пока за ней не явились.

* * *

Чувства постепенно возвращались к Кейтлин, и первыми были: приятное тепло и тупая боль. Она лежала в отгороженном углу, за ширмой. Рядом стояла печушка, от которой шли волны горячего воздуха. Над ее головой поднималась закопченная стена, исчезающая во тьме где-то наверху, куда не добиралось скудное освещение. Огромное окно было забрано металлическими листами и тепло-изоляцией. В отдалении слышались тихие голоса людей, занятых повседневными делами.

Девушка осторожно пошевелилась, пытаясь разобраться, где больше болит и все ли кости целы. Голова гудела так, будто взрыв произошел именно в ней. При движении странная дергающая боль вцепилась в ногу. Все тело ныло от усталости, добравшейся, казалось, до самых костей, и от почти нестерпимой боли.

Кейтлин закашлялась и приподнялась на локте, чтобы продышаться. За ширму зашла женщина в заплатанном коричневом балахоне. В руках у нее были шерстяные одеяла. Заметив, что Кейтлин пришла в себя, женщина улыбнулась и положила одеяла на кровать, у изголовья.

Они заговорили одновременно:

— Как самочувствие?

— Где я?

Кейтлин вежливо замолчала, уступая собеседнице право заговорить первой.

— Меня зовут Маргарет, — мягко сказала женщина. — Ты в старом соборе Карлайла. Как ты себя чувствуешь?

Кейтлин снова осмотрелась вокруг. Теперь стало понятно, откуда здесь такой высокий потолок и огромное окно.

— Хреново, — ее передернуло от неприязни к своему слабому, почти детскому голосу.

— Ничего удивительного, — сказала Маргарет. — Тебе неслабо досталось.

Кейтлин всмотрелась в лицо женщины и увидела там скрытое сочувствие.

— Кто меня сюда принес?

Собеседница посмотрела на нее как-то странно, и Кейтлин немного напряглась.

— Юэн, — ответила Маргарет, следя за реакцией девушки.

Имя казалось знакомым, хотя поручиться за это Кейтлин не могла. Она растерянно покачала головой. Маргарет улыбнулась, все так же осторожно и отстраненно.

— Я скажу ему, что ты очнулась. — И она уплыла за ширму, снова оставив Кейтлин одну.

Когда Маргарет появилась на башне, Марла уже успела решить судьбу Кейтлин и Юэна и теперь развлекала гостя беседой о международной обстановке. Говорить, правда, было особо не о чем: из других стран сведения были разве что об Англии. Что творится в прочих краях, никто не имел понятия.

От всех высоких технологий, на которые так привык полагаться человек за довоенные годы, почти ничего не осталось. Кое-где еще можно было найти работающий радиоприемник, хотя от них все равно не было толку. Случалось, что кто-то упрямый ловил на длинных волнах далекую морзянку или искаженные голоса, но они неизменно забивались помехами и шумом. Все, кто пережил войну, давно перестали надеяться на возрождение государства в каком угодно виде.

Дверь, ведущая на крышу, открылась и уперлась в наrost обледеневшего снега, образовавшийся на каменной поверхности. Маргарет высунула голову в проем, явно не желая выходить на мороз.

— Она очнулась, — лаконично сообщила женщина и снова исчезла внутри.

— Иди, — сказала Марла. — Кто-то должен остаться здесь, а у тебя к ней больше вопросов.

— Спасибо, — кивнул Юэн и направился к двери.

— Не торопись обратно, — бросила ему вдогонку дозорная. — Все равно скоро сме-
на.

Юэн толкнул дверь и шагнул за порог. Марла посмотрела ему вслед, и ее снова охватило странное беспокойство.

На койке, опершись на ворох одеял, сидела бледная девушка, без аппетита потягивая грибной суп. На Юэна она глянула с любопытством и даже с девичьим кокетством, но здороваться не стала.

Маргарет заговорила первой:

— Кейтлин, это Юэн.

Он молча изучал ее, ожидая, пока девчонка заговорит. Но она уткнулась в свой суп и молчала, покуда Маргарет не догадалась, что смущает их обоих, и не выскользнула за ширму.

— Ты меня нашел, — наконец произнесла Кейтлин.

Юэн медленно кивнул.

— Как? — спросил он. — Как я это сделал?

— А мне почем знать? — пожала плечиками девчонка. — Ты же меня отыскал.

— Я просто знал, что там, в развалинах... Что при взрыве кто-то выжил. И я пошел искать этого человека. Выходит, что тебя.

— Выходит, что ты экстрасенс, — передразнила она его и расхохоталась.

Юэн глядел на нее сердито и озадаченно, но разозлиться на девчонку по-настоящему у него не получалось: что бы там ни говорила Марла, а смех у Кейтлин был какой-то совсем детский.

— Что тут смешного? — рявкнул Юэн, и вдруг смех девчонки превратился в рыдания.

Она спрятала лицо в ладонях, и все ее тело затряслось.

Юэн забрал миску супа из дрожащих рук и взамен протянул чистую тряпку. Теперь Кейтлин рыдала, не стесняясь; прижав колени к груди, она свернулась клубком.

Юэн не знал, что делать: с одной стороны, ему хотелось утешить девушку, с другой стороны — с незнакомкой следовало быть осторожнее. В его памяти снова прозвучали слова, сказанные Марлой на крыше: *«Уходи и забирай с собой девчонку, пока за ней не явились»*.

Да что там... Решение уже принято за него. Он присел рядом с девушкой, вздохнул — и вдруг нахлынули воспоминания о его сгинувшей семье. Не понимая толком, что делает, он обнял заплаканную девчонку — как хотел бы сейчас обнять свою дочь, Гвен. Кейтлин удивленно отстранилась, но к горлу опять подступили рыдания, и она судорожно прижалась к своему спасителю.

Маргарет, встревоженная шумом, тихонечко заглянула из-за ширмы посмотреть, что происходит. Полюбовавшись немного на открывшуюся картину, она повернулась и так же бесшумно вышла. Юэн был ладным мужчиной, но теперь она понимала, что надолго он здесь не задержится. Его путь лежал дальше, а ей было суждено остаться здесь.

«Ну и ладно, невелика потеря. Надо быть полной дурой, чтобы связаться с залетным бродягой!»

* * *

Рыдания еще долго не отпускали Кейтлин.

Юэн сидел рядом и обнимал ее, хотя руки и спина гудели от неудобной позы. Через какое-то время рыдания Кейтлин начали его утомлять — в этом мире слезы были напрасной тратой времени. Но он мужественно терпел: после того, как он спас эту девчонку, он за нее в ответе, в конце концов.

А вдруг это крокодиловы слезы? Вдруг девчонка все же была с раболовцами?

Он нахмурился и отстранился. Внутри у него вновь разгорался утрюмый огонь, который толкнул Юэна наверх, в смертоносную пустошь, в долгий поход по следам своих родных. Если только девчонка причастна к похищению, он... он...

Наступила тишина. Кейтлин по-прежнему лежала головой на плече Юэна, и черные волосы, закрывавшие лицо, были мокрыми от слез. Она всхлипнула и посмотрела снизу вверх на спасителя, который запутался в своих намерениях, а потом выпрямилась и отодвинулась от него.

Юэн словно пробудился ото сна и хрипло спросил:

— Все хорошо?

Девушка кивнула, не спеша заговорить.

Юэн встал и потянулся. Мышцы спины неприятно ныли. Кейтлин молча наблюдала за ним. Спросить сейчас у нее все? Пригрозить ей?. Сблефовать — сказать, что он все про нее знает? Как заставить девчонку говорить? Он еще раз оглядел ее зареванное лицо, ее огромные глаза, черные спутанные волосы.

— Надо бы поспать, — вздохнул он.

Девушка кивнула.

— Плакать больше не будешь?

Она пожала плечами и тихонько всхлипнула.

— Может быть, мне разрешат поспать здесь, если ты не против, — сказал Юэн.

Кейтлин снова дернула плечиками — понимай, как знаешь. Юэн понял так, что она не против, и пошел за вещами. Через несколько минут он вернулся с рюкзаком и автоматом и поставил их у стены, рядом с печкой.

Больше в тот вечер они ни о чем не говорили. Юэн пожевал сушеной козлятины, предложил было кусок притихшей девчонке — и с удивлением понял, что та уже спит.

* * *

Юэн проснулся от толчка: Марла легонько трясла его за плечо. Прислонив палец к губам, она жестом позвала его за собой. Ему стало не по себе при мысли о том, что кто-то сумел подобраться к нему так близко и так тихо. С другой стороны, он был рад, что дозорная разбудила его прежде, чем начался привычный кошмар, поэтому он послушно вышел за ней.

Марла повела его к лестнице в подвал.

— Я обещала дать тебе то, что может пригодиться в пути, — объяснила она, пока они спускались по каменным ступенькам. — Хотя ты идешь туда, где никто из наших не бывал, мы представляем, что тебя там ждет.

Внизу, за дверью, была комната. В центре стоял большой стол, а с потолка, к удивлению Юэна, лились разноцветные огни.

— Это диоды, — сказала Марла.

— Что, прости?

— Маленькие лампочки. Им нужно совсем мало энергии, — объяснила женщина, показывая на два больших аккумулятора по углам, от которых к потолку тянулись провода. — Мы натаскали их отовсюду, когда поняли, как они хороши. Их было много в старых светофорах, и в машинах тоже нашлось.

Юэн восхищенно пялился на волшебные диоды в ожидании обещанного подарка.

На столе лежали старые электронные приборы и всякая неработающая техника. В углу штабелем были сложены автоматы. Стояло раннее утро, в комнате никого не было, но пять стульев были плотно придвинуты к столу: очевидно, днем здесь велась большая работа.

Марла подвела Юэна к ряду железных шкафчиков вдоль стены, покрашенных в поблекший зеленый цвет с вкраплениями ржавчины. Достав из кармана ключ, она немного повозилась с замком одного из шкафчиков и распахнула дверцы, краем глаза следя за реакцией гостя.

Поначалу Юэн был не сильно впечатлен, хотя старался этого не показывать. На полках в шкафу были разложены пачки одежды грязновато-зеленого цвета, судя по

всему, в отличном состоянии.

— И что же это такое? — вежливо поинтересовался он.

Марла возмущенно фыркнула, взяла с полки одну пачку и развернула. Это оказался блестящий резиновый костюм на молнии, прикрытой отворотом из того же грязно-зеленого материала.

Большую часть своей жизни Юэн провел в относительно безопасных туннелях Метро, под надежной защитой могучих скал, и только изредка, когда очень было надо, выбирался наверх. Сильной радиации на севере не было, ведь на Шотландию не упала ни одна бомба, поэтому он не понимал, какая драгоценная вещь была сейчас в руках у Марлы.

— Юэн, ты не знаешь, что это? Неужели у вас в Глазго такой рай на земле? — усмехнулась та.

— Я так понимаю, что это защитный костюм.

— Он самый, дружище. Это твое спасение от радиации.

Юэн уставился на нее.

— За стеной все очень плохо, парень. Тому, кто туда собирается, лучше быть либо в костюме, либо на машине, а машины у тебя нет.

Юэн начал понимать, что его план — просто маршировать по следам похитителей — был, мягко говоря, наивен. Он-то предполагал, что раболовцы будут объезжать стороной все опасные места, и ему нужно лишь держаться их маршрута. Выходит, без этого подарка ему и полсотни миль не пройти.

— Спасибо, Марла, — сказал он.

— Это еще не все. Здесь еще кое-что есть.

Она открыла другой шкафчик и вынула оттуда оранжевый цилиндр, похожий на авторучку, и два противогАЗа.

— ПротивогАЗы — понятно, а это зачем? — спросил Юэн, показывая на цилиндр.

— Смотри сюда, — ответила Марла и повернула цилиндр, который оказался пустым с одного торца.

Заглянув в отверстие, Юэн увидел там светлую полоску.

— Он меряет радиацию? — догадался он.

— Да. Когда полоска потемнеет — где бы ты ни был, драпай оттуда со всех ног. Наконец, последняя штука. Это уже большая редкость, так что не потеряй.

Она протянула Юэну сложенный лист бумаги. Развернув его, тот увидел перед собой карту местности, набросанную от руки, но со всеми важными деталями, главными дорогами и городами. Расстояние измерялось в днях пути, в конце каждого дня была нарисована зарубка. Над некоторыми районами стояла отметка в виде черепа. Марла ткнула пальцем в один из них.

— В эти места не заходи.

На карте было отмечено несколько маршрутов, но ни один не шел по дороге или шоссе.

— Откуда у тебя это?

— Осталось от наших ранних вылазок в Англию.

— Вы не добирались дальше Йорка? — уточнил Юэн, вглядываясь в карту.

— Да. И на твоём месте я бы туда не ходила.

— Почему?

— Нас там обстреляли, — сказала Марла. — Стрелами из лука.
— Что? — удивился Юэн.
— Я тебе серьезно говорю, Юэн: держись от Йорка подальше. Там люди лихие.
Она выложила на стол два костюма, один большой, другой поменьше, два противогаза и карандаш-дозиметр.
— Держи. Это все — твое. Теперь пойдем, познакомишь меня с твоим маленьким другом.

Заперев шкафчики, Марла направилась к лестнице.

— Тебе не кажется, что здесь ей будет спокойнее? — наконец произнес он вслух то, о чем думал давно.

— Это зависит от того, кто она: охотник или жертва, — ответила Марла. — Вряд ли она признается в первом. А нам тут шпики не нужны. И еще одну вещь тебе скажу, Юэн. Если она была заодно с этой компанией, тебе она пригодится гораздо больше, чем нам.

* * *

Когда Юэн и Марла вошли в больничный угол, Мартин как раз закончил возиться с ногой Кейтлин. При виде щедрых даров, полученных Юэном, он удивленно посмотрел на начальницу, но смолчал. Кейтлин пила мятный чай, и на щеках ее вновь появился румянец. Рядом стояла миска с остатками завтрака: жареные грибы и собачатина.

— Привет, — сказала девушка, улыбнувшись Юэну и Марле.

— Доброе утро, — ответил Юэн.

Марла сдержанно улыбнулась гостье и вопросительно посмотрела на Мартина.

— Цела девчонка, — сказал старый медик. — Швы удались на славу, инфекции нет. Нога поболит немного, но в остальном она готова к походу.

— К походу? — Кейтлин насторожилась, а в ее глазах мелькнуло беспокойство.

— Да, — произнесла Марла. — Завтра утром вы с Юэном покинете город.

Услышав имя своего спасителя, Кейтлин выдохнула с явным облегчением.

— А куда мы пойдем? — беззащитно улыбнулась она.

Марла опустила глаза и вышла за ширму. Кейтлин вопросительно посмотрела на Юэна.

— Я ищу свою семью, — сказал он.

— А... — только и ответила девушка.

— Тебя здесь оставлять нельзя, — добавил он.

— Тихой гавани тут для тебя не выйдет, моя милая, — вступил Мартин, — хотя и за городом не курорт.

— Так куда мы пойдем? — повторила Кейтлин.

— На юг.

— Ага... Ладно.

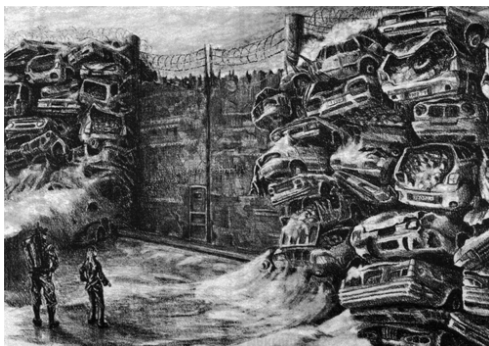
Юэн посмотрел на Мартина: не такой реакции он ожидал.

— Похоже, тебя это совсем не волнует.

— Волнует немножко, — ответила Кейтлин. — Но выбора нет, так чего уж плакаться?

Юэн улыбнулся.

— Вот и молодец.

Наутро Марла и еще двое дозорных проводили Юэна и Кейтлин до диковинного сооружения: стены, отделявшей Шотландию от остальной части острова. Новый Адрианов вал[2] был уродливым сооружением, проложенным по линии старого и воздвигнутым из ржавых каркасов автомобилей, грубо приваренных друг к другу, шин, листового железа и колючей проволоки, прибитых к земле или заваленных булыжниками и обломками бетонных плит. В те времена, когда его строили, правительство отделившейся Шотландии отчаянно пыталось сдержать натиск беженцев, многие из которых были заражены смертельными болезнями, рожденными в военных лабораториях. Чумных отстреливали на подходах к стене.

Юэн и Кейтлин стояли в воротах, над которыми какой-то остряк начертал древние слова: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Перед ними расстилалась южная часть Британии. Противогазы свисали с рюкзаков, девушка зябко куталась в теплый плащ, подаренный ей жителями Карлайла.

На мгновение Юэну показалось, что они пересекают не только государственную границу бывшей Шотландии: они вступали в жуткий, незнакомый ему мир. Признательно кивнув Марле, он толкнул скрежещущую створку ворот и шагнул вперед.

— Держись подальше от дорог, — успела сказать дозорная, прежде чем ворота хлопнулись снова.

Глава 7

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

За Адриановым валом начинались другие земли — пустые, иссушенные, мерзкие.

Сама стена была обшита ржавыми листами гофрированного железа с грубыми шрамами на местах спайки, а вокруг простирались останки палаточного городка, когда-то ставшего приютом отчаявшихся беженцев, пока много лет назад время и огонь не положили ему конец.

С погнутых каркасов свисали куски ветхой и обугленной ткани, но самое нехорошее обнаружилось на земле: по всему лагерю петляли четкие отпечатки огромных лап, не запорошенные снегом.

Юэн снял с плеча автомат.

— Надо быть осторожнее... Когда я тебя нашел, вокруг ошивалась стая собак, — объяснил он. — Снегопада с тех пор не было, так что это могут быть их следы. А может быть, это другая стая.

Кейтлин оглянулась и пожала плечами:

— Не вижу никаких собак.

— Это еще ничего не значит, — не согласился Юэн. — Давай-ка не будем торчать на месте.

Достав из кармана компас в медном корпусе, он сверился с ним и двинулся на восток, скрипя сапогами по снегу.

— Откуда ты знаешь, куда надо идти? — спросила девушка, поправляя на плече рюкзак, где не было ничего, кроме спального мешка и всякой мелочи, которую ей вручили в Соборе.

— Стрелка указывает на север, — ответил Юэн.

— Представь себе, это я знаю, — Кейтлин страдальчески закатила глаза. — С чего ты решил, что идти надо именно туда?

— До Карлайла я шел по следам тех, кто увез мою семью. Теперь их занесло снегом, поэтому сейчас пойдем на восток, до холмов, а там повернем на юг, — он испытующе посмотрел на Кейтлин.

Если девчонка что-то знает, ей самое время проговориться.

— Зачем? — не выдержала она.

— Я так решил. Или у тебя есть идеи получше, куда могли отправиться раболовцы?

Кейтлин настороженно замолчала. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем она негромко ответила:

— Йорк.

— Ты откуда знаешь? — он впился в нее взглядом.

— Догадалась.

— Больно уж ты догадливая! — рубанул Юэн. — Откуда тебе знать, куда они шли? Вряд ли бы они стали делиться планами со своими пленниками, а?

Кейтлин замкнулась, уставившись на свои ноги.

— Что затихла?! — сорвался Юэн.

Но девчонка словно воды в рот набрала. Ну и что с ней делать? Не пытаться же... Юэн растерянно потер висок. Нет у него никаких доказательств, что она — из работников. Да и с какой стати они стали бы бросать своих? Вся его решимость выбить из девчонки правду любой ценой сама собой куда-то испарилась.

— Слишком быстро идешь, — вдруг пожаловалась Кейтлин.

— А ты слишком много скрываешь, — парировал Юэн.

— А ты слишком быстро идешь, — упрямо повторила девушка.

— Про эти земли мне говорили, что ничего опаснее я не видал даже в кошмарах. А ты, видимо, хотела бы тут задержаться? Может быть, провести здесь каникулы?

— Может быть, ты просто слушаешь меня и все? — вспыхнула девчонка. — Может быть, я чувствую что-то такое, чего ты не чувствуешь?

— Может быть, ты экстрасенс? — возвращая Кейтлин ее давешние издевательские интонации, съязвил Юэн.

Она отвернулась от него. Казалось, ей было неловко об этом говорить, словно Юэн со своим ерничаньем вдруг попал случайно в какую-то болевую точку. Словно это ее предполагаемое умение было чем-то неприличным, постыдным.

— А что, полезное умение, — произнес он беззаботным тоном.

— Страшное, — негромко и нехотя отозвалась Кейтлин.

— Если вдруг посетит внезапное озарение про наш поход, ты же со мной поделишься? — осторожно спросил он.

Кейтлин кивнула.

Но Юэн ей не поверил.

Пройдя быстрым шагом несколько часов, они добрались до холмов. Кейтлин давно уже поняла, что Юэн не собирается сбавлять темп ради нее, и потому изо всех сил старалась не отставать, несмотря на рану. У самого подножия холмов Юэн повернул на юг и продолжил путь без остановки.

Небо с утра было затянуто серой пеленой, но теперь стало проясняться. В вышине стали видны красивые перистые облака, а вдаль, на горизонте, — странная неподвижная кучевая громада. Земля вокруг была пустынна; только несколько птиц промелькнули вдаль, напоминая о том, что путники — не последние живые существа на планете. Снег тут был мягче и даже с проталинами. Иногда из заснеженного леса доносились капли.

Кейтлин заметила, что Юэн пристально всматривается в горизонт, и не удержалась от вопроса:

— Что ты ищешь?

— Дороги.

— Зачем?

— Мне сказано держаться от них подальше.

— Какой-то дурацкий ответ, — жалобно сказала девушка.

Он засмеялся, и пар от его дыхания завис на мгновение в воздухе, прежде чем рассеяться.

— Дороги для нас с тобой слишком опасны. Дурак тот, кто пойдет по ним напрямую.

— Почему?! — Кейтлин вытаращила глаза и чуть было не оступилась. Поддержав ее свободной рукой, Юэн снова зашагал вперед, возвращаясь к прежнему темпу.

— Человек на дороге — легкая добыча. И потом, там много старых машин, а они могут быть заминированы, — объяснил он, не оборачиваясь.

Кейтлин кивнула.

— И вообще, тот, кто захочет пожить, будет следить за дорогами, — добавил он, ощущая себя бывалым выживальщиком.

— Ясно... Юэн... Я хочу есть и пить.

Юэн вдруг понял, что полдень давно миновал, а они до сих пор ни разу не остановились подкрепиться. Он оглянулся, пытаясь оценить пройденное расстояние, и с ужасом заметил длинную цепочку следов, тянувшуюся за ними издалека.

— Твою мать!

— Ой! — добавила Кейтлин, проследив за его взглядом.

— Впредь надо быть осторожнее, — сказал Юэн, чувствуя себя глупо после столь пламенной речи об опасности дорог.

— Будем идти там, где меньше снега, — Кейтлин показала на длинную каменную стену, рядом с которой не так намело.

Они подошли к стене и присели, укрывшись за ней от ослепительного сияния снега и от ветра, поднявшегося в последние минуты. Юэн открыл рюкзак и достал два куска сушеной козлятины и большую, но сильно помятую пластиковую бутылку с чистой водой из Карлайла. Один кусок, вместе с бутылкой, он протянул Кейтлин. Она опустила шарф и сделала глубокий глоток, потом вздохнула, утерла рот рукавом, оторвала кусок мяса и принялась старательно жевать.

Юэн тоже напился, засунул бутылку обратно в рюкзак, медленно встал и выглянул за стену. Вокруг по-прежнему не было ни души. На душе у него полегчало, и он закинул рюкзак за плечи, но автомат на всякий случай продолжал держать наготове.

* * *

Весь остаток дня они шли по краям полей, вдоль стен, сточных канав и обледеневших разрушенных заборов. Юэн догадывался, что ядерная зима, накрывшая Британию после войны, не пощадила и остальной мир. С тех пор на земле ничего не росло; вся растительная жизнь законсервировалась в семенах, укрытых в земле под снегом и льдом. Ходили слухи, что на юге зима отступала и уже пробилась какая-то зелень, но мало ли что говорят. Охотников поболтать языком развелось очень много: без индустрии новостей и развлечений искусство устного рассказа переживало бурный ренессанс.

Поначалу люди скучали по телевизору, радио и интернету, а потом перестали бросать книги в топку, поскольку поняли, что это старье — возможно, их единственное спасение от тоски. Вот только печатать новые книги было уже нельзя: все печатные прессы работали от электричества и сейчас ржавели и гнили без дела, пока человечество боролось за выживание. Так что теперь каждый был рассказчиком — или, по крайней мере, пытался. На каждом привале, у каждого костра слышались истории. Одни сочиняли на ходу, смешивая детские воспоминания с обрывками прочитанных книг. Другие пересказывали новости, дошедшие из еще теплившихся очагов жизни. Конечно, каждый украшал свой рассказ, как мог, но, выслушав их достаточно от разных людей, со временем можно было составить общую картину.

Все истории о юге было довольно жуткими: в них непременно фигурировали мутанты и всякие диковинные явления. В Карлайле торговцы трепались о племенах канибалов, живших на поверхности, и о необъяснимых аномалиях магнитного поля, от которых из-под земли вырастали страшные ураганы, а с ясного неба сыпался смертоносный радиоактивный град. Но самым любимым сказочным местом был конечно же Лондон: часто рассказывали о том, что под разрушенной столицей, в туннелях, где некогда работала знаменитая подземка, раскинулся целый город. Это особенно грело душу обитателям метро из Глазго, вот только Юэн чем дальше, тем больше опасался, что это всего лишь выдумки.

По словам Марлы, их экспедиции дальше Йорка не заходили, и никто не мог с уверенностью сказать, что в столице осталось хоть что-то живое, не говоря уже о людях. Слишком мало было известно о последних днях войны и ее последствиях, превративших мир в обугленные руины.

Обитатели «Заводного апельсина» долгое время жили, проедая запасы, в ожидании, когда же правительство объявит о возрождении их славного государства. Объявления так и не дождались, и на поверхности начали возводиться коротковолновые радиовышки, провода от которых уходили под землю, в безопасную темноту, где люди, сменяя друг друга, бесконечно повторяли в эфир свои имена и местонахождения, тщетно надеясь услышать ответ. Когда дети, родившиеся в туннелях, научились ходить, люди поняли, что спасения ждать неоткуда, и это понимание было для них самым тяжелым ударом.

Юэн сомневался, что другим странам повезло больше, чем Шотландии, которой не досталось ни одного прямого попадания. В остальной части Британии все было намного хуже: во всех байках и донесениях она представляла живым воплощением кошмаров, земель, где на каждом шагу подстерегали опасности. И в этот кошмар, в этот обреченный поход, он тащил за собой девочку...

— Юэн, темнеет, — раздался чуть позади голос Кейтлин.

Мужчина уже довольно давно шагал, погруженный в собственные мысли, механически переставляя одну ногу за другой и стараясь идти по краям. Выйдя из оцепенения, он понял, что спутница права: свет потускнел, перистые облака в лучах заката приобрели огненный оттенок, а далекая неподвижная масса облаков стала угрожающе лиловой.

— Надо поискать укрытие, — сказал он.

— Вон там! — Кейтлин ткнула куда-то пальцем и рванула в ту сторону, не обращая внимания на камни и крутой подъем.

— Стой! Осторожно!

Кейтлин резко остановилась, и Юэн врезался в нее, чуть не сбив с ног. Он удержал ее за руку и повернулся посмотреть, куда она показывала.

Перед ними стоял загородный домик, много лет назад бывший для кого-то семейным очагом, а теперь мертво глядящий черными провалами окон. Кейтлин подобралась ближе к Юэну: от дома веяло скорбью и тоской. Это ощущение усиливалось, оттого что он стоял на отшибе и потому казался одиноким.

— Сгодится, — решил Юэн. — Давай сначала обойдем его: нет ли где свежих следов?

Кейтлин кивнула, и они быстро и бесшумно обошли дом. Никаких следов, кроме заячьих и птичьих, они не обнаружили.

— Заходим, — сказал Юэн.

Он расстегнул плащ, снял с пояса один из ножей и передал его Кейтлин. Девушка взяла тяжелый клинок. Руки ее дрожали от холода и страха.

* * *

Двери намертво примерзли к петлям. Юэн попробовал навалиться всем телом на створки, но понял, что борьба выйдет слишком тяжелой и шумной. Они вошли через окно, осторожно вынув из рам куски разбитого стекла.

Пол предательски скрипел под ногами, но даже беглого взгляда хватило, чтобы понять: дом стоял непо потревоженным, возможно, с того самого дня перед концом войны, когда его покинули обитатели.

У стены пылился плоский телевизор с большим экраном, ветер шелестел страницами выцветшей телепрограммы. Перед экраном, на покрытом пылью и листьями ковре, стояли кожаные кресла, запачканные мышиным пометом. В середине комнаты располагался стеклянный столик, на нем — две кружки, две тарелки и вилки. С поблекших фотографий на обоях смотрели дети, застывшие в движении.

Юэн замер в легком оцепенении: из глубин его памяти нахлынули образы его собственного домашнего уюта. Он вдруг как будто снова услышал детский смех, почувствовал вкус сладкого питья и запах пирога.

— Можно войти? — от голоса Кейтлин он чуть не подпрыгнул.

— Да, прости.

Юэн шагнул в глубину дома, мысленно возвращаясь к реальности: мало ли что может тут прятаться по углам? Но тут было спокойно как в склепе. Возникало ощущение, что в этом доме время остановилось. На мойке у раковины стояла посуда, на полке, за отвалившейся дверцей, — закрытые банки с консервами и пакетики с приправой. У лестницы, на тусклых медных крючках, висели плащи, а под ними стояли две пары сапог. Юэн обменялся с Кейтлин удивленным взглядом и начал подниматься по лестнице. Ступеньки скрипели, но уверенно держали вес.

Кейтлин шла за ним, глядя вокруг с удивлением и страхом. На втором этаже было две комнаты. Одна из них оказалась ванной (белая керамика, полотенца на сушильнике), а вторая — спальней. И именно в ней было совсем не так уютно, как в других комнатах: на кровати, в засохшей луже разложившейся плоти, лежали, обнявшись, два человеческих скелета.

Ни Юэна, ни Кейтлин это зрелище не испугало: чего-чего, а мертвецов они навидались. Но эти двое так тесно прижимались друг к другу в предсмертном отчаянном порыве, что сердце Юэна защемило. Ему захотелось соблудности хотя бы видимость приличий, и он потянулся за покрывалом, чтобы набросить его на мертвые тела.

— Нет! — вдруг закричала Кейтлин и бросилась на мужчину, хватая его за руку.

Юэн слегка пошатнулся и в недоумении уставился на девушку.

— Что такое?

— Не трогай их, Юэн!

— Они давно умерли. Какой от них может быть вред?

— Они умерли от эпидемии. Посмотри на кровать! — голос девушки звенел от напряжения.

Юэн присмотрелся и, к своему ужасу, заметил, что жидкость на покрывале высохла не до конца и в ней происходит какое-то движение. Он отшатнулся:

— Это что за чертовщина?

— Одна из болезней, которую наслали во время войны, — ответила Кейтлин. — Не знаю, как называется, но я такое уже видела.

— Где?

Кейтлин не ответила.

— Столько лет прошло, а эта зараза еще жива? — удивленно спросил Юэн.

— Ну конечно! Их же специально делали так, чтобы они спали, пока рядом не появится что-нибудь теплое.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Юэн.

В ответ Кейтлин просто пожала плечами, и Юэн понял, что больше ничего из нее не вытянет. Он снова повернулся к покойникам на кровати и только сейчас заметил между человеческими костями крохотные скелетики мышей.

— Нам-то тут заночевать можно? — спросил он.

— Не знаю... Наверное, на первом этаже безопасно...

— Нет уж, — решил Юэн, — пошли отсюда к чертовой матери. Не доверяю я этому месту.

Кейтлин молча кивнула и вышла вслед за ним, навстречу темноте и поднявшемуся ветру.

* * *

Наступившая ночь изменила пейзаж. В небе появилась луна, и огромный неподвижный купол из облаков засиял, словно замерзшая хрустальная ваза. Снег отражал лунное сияние, придавая всему вокруг странную призрачность. С юга надвигались массивные тучи, ветер нес запах свежего снега и тухнущего льда.

Кейтлин передернулась и оглянулась на покинутый дом, чувствуя одновременно и сожаление, и облегчение. Юэн внимательно изучал окрестности, обеспокоенный тем, что они внезапно остались без ночлега. У него в рюкзаке была небольшая брезентовая палатка, подарок от одного товарища по несчастью из Глазго, тоже оставшегося без жилья. Но Юэн предпочел бы поставить эту палатку в укрытии.

— Давай пройдем дальше. Вдруг что-нибудь встретится? — предложил он.

Кейтлин кивнула и пошла за ним.

Теперь Юэн шел еще быстрее, чем раньше: ночь становилась все темнее, а ветер — все пронзительней. Они поднялись на холм и увидели невероятную картину: в низине, у остатков походного костра, стоял фургон, как будто попавший сюда напрямую из сказки про волшебника из страны Озз.

— Ого! — не сдержала возглас изумления Кейтлин.

Вокруг костровища виднелись глубокие следы шин, но все внимание путников привлек фургон. Это было диковинное сооружение из дерева и стали на ходовой части старого грузовика, примерно два метра в ширину, шесть метров в длину и высотой в два человеческих роста. Стены были аляповато расписаны красками — видимо, прежние хозяева не сильно продумывали цветовую палитру и пустили в ход те цвета, что удалось раздобыть; за-то постарались, чтобы было красиво. Дверь в кабину была открыта; там виднелись руль, рычаг сцепления, педали тормоза и газа, присоединенные проводами к мертвому двигателю в задней части фургона.

Из фургона торчала труба дымохода, но дыма из нее не выходило.

- Похоже на цыган, — неуверенно сказала Кейтлин.
- Точно, — отозвался Юэн, осторожно подходя к фургону с автоматом наперевес.
- Неужели они еще остались?
- Понятия не имею. Откуда ты вообще знаешь про цыган?

Кейтлин открыла рот, чтобы ответить, потом закрыла его и несколько раз моргнула, прежде чем сказать:

— Из книг.

Юэн хмыкнул, но ничего не сказал.

У фургона не было колес. Он стоял на булыжниках, выломанных из соседней стены. Внутри было темно и безжизненно, но после случая в заброшенном доме Юэн не собирался испытывать удачу. Он вынул из кармана синий пластмассовый динамо-фонарик и несколько раз нажал на ручку, запуская рычащий механизм. Свет от двух работающих диодов был тусклым, но, чтобы осмотреться, его вполне хватало.

В фургоне было пусто. Все, что не было привинчено к днищу, давно растащили, остались только встроенные шкафы, полка, на которой, видимо, раньше был лежак, и печка, сделанная из старого газового баллона.

— Думаю, до утра протянем, — сказал Юэн, забираясь внутрь и протягивая руку Кейтлин.

Девушка осторожно присела рядом с печкой, стараясь не потревожить швы на ноге, и заглянула внутрь. Через трубу были слышны завывания ветра.

— Кажется, можно разжечь огонь, — сказала она с надеждой, все еще дрожа.

Юэн закрыл дверь, задвинул в пазы засов, и на них тут же навалилась неожиданная тишина: обитые металлом стены фургона заглушали стоны ветра. Тусклое мерцание фонарика в руке Юэна стало единственным источником света, да и тот гас, как только он отпускал рукоятку.

В одном из ящиков нашелся запас дрова. Достав из рюкзака кремень и брусок железа, Юэн сел строгать щепки на растопку.

Кейтлин помахала чем-то перед самым его носом.

— Это у тебя откуда? — спросил он в радостном недоумении. В руках у девушки был желтый спичечный коробок с изображением какой-то птицы.

— Нашла, — улыбнулась она.

Сухие дрова на холоде занялись быстро. Настроив вытяжку, Юэн скоро добился ровного, надежного и жаркого пламени. После этого он довольно откинулся на спину, поделился с Кейтлин сушеным мясом и поставил на печку жестяную чашку с водой.

— Пить придется из одной чашки. Другой у меня нет, — сказал он.

— Ничего, я тоже кое-чем поделюсь, — девушка вынула из кармана бумажный сверток. — Это мята, — объяснила она, бросила несколько листиков в чашку и стала смотреть на то, как они разворачиваются в воде. — Маргарет дала перед уходом. По моему, ты ей понравился.

Юэн заерзал на месте.

— Итак, ты идешь за своей семьей, — задумчиво протянула Кейтлин. — Им очень повезло.

— Очень, — отозвался Юэн. — Их избили и угнали в плен какие-то ублюдки.

— Это да. Зато у них есть отец и муж, который готов рисковать своей шкурой, чтобы их спасти, а этим немногие могут похвастаться.

— Если бы я не пошел, утратил бы право называться мужчиной.

Кейтлин кивнула, потом встала и залезла на деревянную полку. В середине ее поверхность была отполирована некогда лежавшим тут матрасом.

Ветер снаружи резко усилился и обрушил несколько яростных ударов на стены фургона. Юэн еще раз проверил, надежно ли заперта дверь, и мысленно отблагодарил тех, кто бросил здесь этот странный дом на колесах.

Тепло от печки волнами гуляло по всему помещению, и Юэн понял, почему спальная полка была приподнята над полом. Разложив на полке спальные мешки, путники лежали в темноте и слушали, как беснуется снежная буря в морозной тьме за стеной.

* * *

В фургоне было холодно и темно. В щели не пробивался свет, значит, утро еще не наступило. Юэна явно что-то разбудило, хотя он не мог понять, что именно. «Наверное, холод», — решил он. Выбрался из спального мешка, тихо спустился на пол и открыл дверцу печки. Из глубины на него дохнуло утасающей теплотой, а мерцающие угли на прощание подмигнули ему из груды пепла. Набрав тонких веток и щепок, Юэн за десять минут расшевелил огонь и снова закрыл гудящую печку, наслаждаясь непривычным чувством безопасности, которое дарили теплота и отблески пламени на стенах фургона. Дождавшись, пока огонь разгорится вовсю, он забрался обратно в мешок и уснул глубоким сном.

Когда он проснулся снова, буря уже стихла, а в щели вокруг двери заглядывали лучи утреннего солнца.

Юэна опять настиг все тот же сон, все та же до боли знакомая картина разворачивалась на его глазах, не давая возможности вмешаться... Он еле вырвался из кошмара.

Зато в реальности наступили кое-какие перемены.

Кейтлин спала, прижавшись к нему и положив голову на его плечо; темные волосы водопадом раскинулись по груди. Она была совсем рядом, такая теплая, и Юэна повело.

Слишком молода, скорее девочка, чем женщина, но все же достаточно зрелая. Во сне она наматывала волосы на палец, совсем как дочь Юэна, — они с женой так и не отучили ее от этой привычки. Он вдруг почувствовал себя стариком: вот ведь, лежит рядом с молодой красивой женщиной и не знает, что с ней делать...

Кейтлин открыла глаза, ясные и чистые, как будто и не спала, и с любопытством встретила его взгляд. Так они и лежали молча, глядя друг на друга. Юэн вспомнил о семье, и ему стало очень неловко. Он первым нарушил тишину, потому что не знал, к чему она приведет.

— Утро, — сказал он, отвернувшись и вылез из спального мешка.

Кейтлин потянулась и, наоборот, закуталась в свой мешок поглубже, в поисках тепла.

Юэн взял автомат и вышел на улицу продышаться. Но едва он вышел навстречу морозному утру, как кровь застыла в его жилах, а по спине побежали мурашки: вокруг фургона вились свежие глубокие следы.

Сняв предохранитель, Юэн внимательно осмотрелся по сторонам, затем спрыгнул с подножки фургона и обошел всю низину. Трудно было понять, что за зверь оставил следы: они были похожи на собачьи, только больше, сантиметров двадцать в ширину,

да и в глубину немаленькие, что указывало на изрядный вес животного.

Заснеженный пейзаж был бездвижен; следы, покружив вокруг фургона, уходили обратно, в сторону Карлайла, но легче от этого Юэну не стало.

— Кейтлин! — крикнул он. — Пора убираться отсюда.

Завтракали на ходу. Несколько часов подряд путники держались линии холмов по левую руку, сверяясь с компасом.

— Давай не будем останавливаться на обед? — предложила Кейтлин, и Юэн с удивлением осознал, что после утреннего бегства из фургона он не слышал от нее ни одной жалобы. — Мы идем в Йорк, да? Ты решил меня послушаться?

— Еще чего, — буркнул Юэн, хотя именно слова Кейтлин стали для него решающими. — Мне Марла сказала, что раболовцы туда стекаются.

— А, ну да, — дернула плечиком Кейтлин. — И долго нам еще?

— Судя по карте, еще дня три-четыре. Если ничего не случится...

Кейтлин кивнула, поглубже натянула капюшон и втянула голову в плечи.

* * *

С приближением вечера впереди показалась выщербленная дорога, запруженная ржавыми остовами машин. Юэн остановился и присел у большого булыжника, вросшего в землю. Кейтлин присела рядом, и они вдвоем устались на дорогу.

— Надо укрыться где-нибудь на ночь. Подальше от дорог, — сказал Юэн.

Кейтлин оглянулась вокруг, но ничего не было видно, кроме заснеженных холмов и ленты асфальта со скелетами машин на ней. Она снова посмотрела на Юэна и выходяще приподняла бровь.

— Пойдем по ней на восток, — наконец произнес тот, встал и шагнул вперед.

Небо прояснилось, показалось солнце — редкий гость, но радости от него путникам было немного: теперь снежный покров слепил их еще сильнее.

С двух сторон по обочинам дороги высились снежные заносы; корпуса автомобилей были скованы льдом. Юэн и Кейтлин прошли несколько километров в наступающих сумерках, мимо гниющих остовов, которые когда-то перевозили людей. Машины гражданские и армейские, малолитражки и грузовики стояли и лежали на дороге и на обочинах. Все они остановились одновременно, когда электромагнитный импульс от взрыва высотной бомбы сжег всю незащищенную электронику. Это был первый удар по Британским островам, хотя в наступившем хаосе последствия следующих ударов были еще страшнее.

Юэн заметил впереди массивный корпус, возвышающийся над другими автомобилями. Его металлические борта отражали последние лучи заката. Когда путники подошли ближе, машина оказалась армейским броневиком. Вместо ветрового стекла передняя часть была закрыта листом брони, из которой торчали покрытый ржавчиной тяжелый пулемет и стереотруба.

— Эй! — встревоженным шепотом позвала Кейтлин, всматриваясь в дорогу за их спинами, прикрыв глаза рукой от закатного солнца. — Кажется, я что-то видела.

Сам Юэн ничего подозрительного не заметил, но за время пути он научился доверять своей спутнице.

— Я проверю, можно ли туда залезть, — сказал он, махнув в сторону броневика. Быстро обошел вокруг машины и попытался открыть заднюю дверь, используя авто-

матное дуло как рычаг, но ничего не вышло.

— Заперто? — спросила Кейтлин.

— Не знаю. Если кто-то запер эту тачку, он там и остался, — ответил Юэн.

Вдруг в двери что-то щелкнуло, и она приотворилась. Юэн отшатнулся, поднимая автомат.

Внутри броневика включилась лампа дневного света: сначала нерешительно замигала, потом, разогревшись, ровным сиянием залила внутренности машины.

Шагнув поближе, Юэн заглянул внутрь. Две скамьи вдоль стен, над ними — полки, в передней части — кресло водителя перед потухшим экраном. Если не считать пятен краски и ржавчины, внутри было чисто и пусто.

Неожиданно из динамика рядом с дверью раздался слегка искаженный механический голос:

— Защитный костюм опознан. Чип активирован. Звание — капитан. Машина открыта. Аккумулятор не отвечает. Заряд солнечных батарей — пять процентов. Система на девяносто восемь процентов выведена из строя.

Юэн нащупал в рюкзаке защитный костюм, который дала ему Марла. Видимо, в нем было спрятано какое-то опознавательное устройство.

— Думаешь, тут не опасно? — спросила Кейтлин.

— Понятия не имею. Но ничего лучше все равно не найдем.

Внутрь бронеавтомобиля Юэн забирался с каким-то священным трепетом. Даже сломанный, он оставался порождением военной махины, погубившей мир. Протянув руку Кейтлин, Юэн втянул ее внутрь и наполовину прикрыл дверь.

— До конца не закроешь? — изумилась она.

— Пока нет. Хочу убедиться, что замок нормально работает и мы сможем снова ее открыть. А то застрянем здесь до второго пришествия...

Дверь закрылась, но резиновая прокладка, столько лет сопротивлявшаяся времени и морозу, не выдержала удара и отвалилась. Между стеной и дверью, по всему ее периметру, образовалась небольшая щель.

— Теперь мы замерзнем, — сказала Кейтлин.

— Это даже к лучшему, — ответил Юэн. — То есть, хоть будет чем дышать. Мы же в железной коробке, на теплую ночь все равно рассчитывать не приходится.

— А говорить она с нами больше не будет? — спросила Кейтлин, доставая из рюкзака спальный мешок.

— Не знаю. Я вообще мало что знаю об этих машинах. В Глазго их все давно растащили на запчасти. Ничего, не переживай. Заскучаешь — я сам с тобой поболтаю. И потом, вряд ли у нее богатый словарный запас... Хотя, умей она по-настоящему говорить, рассказать бы ей нашлось что...

Они молча перекусили сушеным мясом и козьим сыром, который припас Юэн. Потом путники, повернувшись друг к другу спиной, попытались уснуть.

В салоне броневика был металлический рифленый пол: удобное приспособление в дороге, чтобы никто не поскользнулся на ходу, но совершенно неподходящее для сна на нем. Впрочем, Кейтлин все равно сразу уснула, а вот Юэн долго ерзал и ворочался в своем мешке, пытаясь повернуться поудобнее.

Уже под утро он услышал снаружи какой-то шум. Создавалось такое впечатление, будто кто-то ходит вокруг машины и трется о ее стальной корпус. Сначала звуки были тихими, и мужчина решил, что ему показалось спросонья, но затем они перемести-

лись ближе к запертой двери, и тут раздалось глубокое, утробное рычание, перешедшее в леденящий душу хриплый вой.

Кейтлин подскочила, оглядываясь по сторонам. Юэн на карачках вылез из спального мешка и схватил автомат, прислоненный к стене.

— Что это? — прошептала девушка, выпучив глаза от страха.

Юэн в ответ только тряхнул головой и пополз к двери, держа проем на прицеле и надеясь, что ржавый замок выдержит натиск. Вой раздался снова, на этот раз захлебнувшись в глухом кашле, и дверь дрогнула от сильного удара.

От страха Юэн чуть было не выстрелил, но вовремя остановился: самого и убьет рикошетом.

— Что это, Юэн? — снова спросила Кейтлин севшим голосом.

— Я не знаю. Сначала думал, собака, но что-то великовата.

— Медведь? — испуганно спросила она.

— Не похоже.

От нового удара броневики вздрогнули и покачнулись. Кейтлин взвизгнула и зажала себе рот рукой.

Они немного посидели в тишине, слушая, как хрипло дышит и принохивается тварь за стеной. Новый удар, и в щели между дверью и стенкой показались черные когти. Они методично прошлись по периметру, от петли до замка, затем просунулись глубже: невидимое чудовище ухватило дверь, насколько смогло, подергало ее и рвануло на себя.

Кейтлин схватила Юэна за руку, но он оттолкнул ее и, заметив, как девушка скрикнула от боли и обиды, пояснил:

— Я должен быть готов к стрельбе, Кейтлин. Лучше собери вещи, вдруг придется бежать.

— Бежать?! От этой твари?!

— Если сможем. Или если ты сможешь.

— Я тебя не брошу! — неожиданно для себя самой выпалила Кейтлин.

— Если будет шанс, беги без размышлений.

Затем в салоне погас свет — видно, батарея села.

Кейтлин заскулила и поползла назад, пока не уперлась спиной в стену. В темноте вырисовывался только серый прямоугольник двери — через щель от вывалившейся резиновой прокладки внутрь заглядывали рассветные сумерки.

Зверь снова завыл, и вдруг издали послышался ответный вой.

— О нет! — прошептала из темноты Кейтлин.

Юэн сглотнул и покрепче уперся подошвами в пол, чувствуя внезапную слабость в ногах. Сердце колотилось, голова кружилась от страха. Чтобы успокоиться, он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

Когти исчезли из щели.

А потом случилось нечто невероятное: ручка на двери повернулась, и дверь приоткрылась, явив в проеме огромную широкоплечую фигуру на непропорционально маленьких лапах.

Юэн нажал на спуск, но ничего не произошло. Когда он вылезал из мешка за автоматом, то от страха забыл снять оружие с предохранителя. Теперь, соскальзывающими пальцами приводя автомат в боевую готовность, мужчина потратил несколько драгоценных секунд, за которые тварь успела на полкорпуса протиснуться в тесный

салон.

Упершись прикладом в плечо, Юэн выпустил в чудовище половину обоймы. Оно вылетело из салона и упало на землю, корчась в конвульсиях. Мужчина успел разглядеть только крапчатую серую шкуру под покровом жестких черных волос, но прежде, чем он подбежал к двери, появился второй хищник. Обнюхав труп сородича, он повернулся к салону и ощерился. Его глаза — большие, налитые кровью, с пронзительно-голубыми зрачками — уставились прямо на Юэна.

И тут из-за туч прорезались первые лучи утреннего солнца. Один из них упал прямо на лапу зверя, перегородив путь к броневику. Хищник заревел от боли — этот рев, до ужаса похожий на человеческий, будет являться Юэну во снах до конца его дней — и там, где солнце попало на голые участки шкуры, мгновенно выступили волдыри и красные ожоги.

Зверь заскулил и стигнул прочь, а Кейтлин и Юэн остались, потные и дрожащие от страха.

— Он ушел? — спросила девушка.

— Кажется, да. Он боится солнца.

Она рухнула на пол, придавленная внезапной усталостью.

— Вставай, — приказал Юэн, стараясь не показывать, что у него самого дрожат руки. Девушка не пошевелилась.

— Вставай, говорю!

Кейтлин механически встала, глядя на него пустыми глазами.

— Надо идти, Кейтлин, — сказал Юэн, но сам не двинулся с места; он не был уверен, что не свалится при первом же шаге.

Кейтлин кивнула и распахнула по рюкзакам все, что еще оставалось. Когда вещи были уложены, Юэн вышел из броневика, стараясь держаться подальше от лежащего зверя, шкура которого уже покрылась красными язвами, источавшими едкую вонь. Без всяких сомнений, хищник был мертв.

Кейтлин вылезла наружу вслед за мужчиной, тоже сторонясь трупа. Зверь был похож на огромного пса, необычайно мускулистого в плечах и шее. Одна лапа была откинута, и девушка с ужасом заметила на ней отчетливо выделяющийся большой палец и еще три коротких, жирных пальца с длинными черными когтями.

— Сегодня надо пройти как можно больше, — сказал ее спутник, и Кейтлин кивнула, не сводя глаз с мертвого зверя.

— Не хочется идти по дороге, но боюсь, по-другому пока нельзя, — добавил Юэн. — Судя по моей карте, это самый короткий путь.

* * *

Они шагали что было сил, почти бежали, поэтому очень скоро взмокли и начали задыхаться. Зато к полудню холмы остались далеко позади; теперь путников окружали большие открытые пространства. Повсюду царила все та же разруха, и четырехполосная дорога по-прежнему была забита ржавыми остовами машин.

По сохранившимся зеленым указателям можно было понять, что раньше эта трасса называлась «А-66», и это немного встревожило Юэна, потому что на карте Марлы она была отмечена просто как «Зимняя дорога». Судя по карте, они должны были перебраться с нее на трассу А-1 и дальше двигаться по ней на юг.

— Стой! — неожиданно сказала Кейтлин.

У нее чуть ноги не подкосились. Юэн подошел к ней и придержал за руку.

— Устала? Что, слишком быстро идем?

— Впереди что-то есть. Что-то плохое.

— Что именно?

— Опасность. Давай пойдем медленнее.

Юэн задумался. В конце концов, время было еще не позднее, и у них оставалось несколько часов до темноты.

— Может, лучше сойти с дороги? — предложил он.

Кейтлин кивнула, и они спустились с шоссе в поле. Снег тут был тоньше и как будто подтаивал. Попадались даже участки голой земли; чаще всего из них торчали обугленные пни — следы пожара, окатившего эти земли в последние дни войны.

Вскоре путники увидели еще одну дорогу, ведущую на юг, — ту самую, на которую им следовало свернуть. Но перекресток представлял собой жутковатое зрелище.

Когда-то здесь возвышался целый комплекс зданий. Их металлические каркасы до сих пор торчали из груды бетонных обломков. Земля вокруг них и асфальт на эстакаде почернели, но больше всего тревожило, что воздух над черной землей дрожал, будто раскаленный.

— Это еще что? — пробормотал Юэн, сбавляя шаг.

— Похоже, там горячо, — сказала Кейтлин.

— Может, туда бомба упала? — чувствуя себя круглым идиотом, предположил Юэн.

— Не знаю, — ответила Кейтлин.

Юэн вдруг вспомнил о счетчике радиации и торопливо вынул его из кармана. Все было чисто.

— Пойдем, — сказал он, подавив желание исследовать странное место. — И давай-ка немного прогуляемся по дороге, — добавил он, оглядывая слякотные поля вокруг. — Иначе мы тут застрянем надолго. Главное — смотреть в оба.

Чем дальше они продвигались, тем страшнее окружавшие их земли были изуродованы войной.

У дороги, по которой они шли, было по две полосы в каждую сторону и еще одна специальная, посередине, для военного транспорта. По этой полосе они и шли. Машин на ней было немного, поэтому путешественники двигались бодро, без остановок.

Вскоре дорога повернула налево, и они увидели остатки старой авиабазы. Взлетная полоса оказалась почти полностью уничтожена и предлагала взору случайного зрителя роскошную коллекцию воронок от тяжелых фугасных бомб. У некоторых воронок лежали обломки истребителей, еще несколько крылатых машин, внешне не поврежденные, стояли на краю летного поля. Соседние здания тоже были снесены взрывной волной: кирпичные превратились в груды щебня, бетонные частично устояли, но лишились крыш и были открыты стихии.

Юэн снова посмотрел на радиометр, но фон не изменился.

Ближе к вечеру он стал задумываться о ночлеге.

— Надо идти дальше, — сказала Кейтлин, словно подслушав мысли мужчины.

— В темноте?

— В темноте.

— Почему?

— Просто предчувствие.

— Как это ты делаешь, интересно, — спросил он.

— Ничего интересного, — отрезала девчонка. — Родилась такой.

Юэн покачал головой:

— Надо где-то залечь до утра. Мы оба устали, ты дрожишь от холода. И вообще, за сегодня мы прошли больше, чем за два предыдущих дня.

Едва миновав перекресток, указатель на котором с гордостью сообщал, что раньше неподалеку находилось место под названием Дишфорт, путники натолкнулись на еще одно летное поле. Оно, похоже, избежало бомбежки, в отличие от предыдущей авиабазы. Юэна заинтересовали ржавые грузовые контейнеры, стоящие прямо на земле. Он показал на них Кейтлин:

— Вот тебе идеальное укрытие.

Девушка в сомнении поглядела на контейнеры и покачала головой.

— А я говорю, больше прятаться негде, — нахмурился Юэн. — Что, неужели все твои предчувствия как одно сбываются?

— Не все. Но лучше не рисковать.

— И с каких это пор у тебя началось?

— В детстве. Не помню, — она отвернулась.

— Да что тут такого, господи боже мой! Что, думаешь, я тебя сейчас объявлю ведьмой и потащу на костер? — фыркнул он. — Тоже мне, запретная тема!

— Да потому! — взорвалась она. — Потому что и без тебя тех, кто меня называет ведьмой, хватает! А другие считают меня уродом! А третьи пытаются использовать! А меня эта история утомила, понял? Достала! Я хочу быть нормальной!

Юэн ошарашенно глядел на нее, не зная, что теперь сказать.

— Но есть же от этого и польза, — протянул он. — Как-то ведь я узнал, что ты в беде, в ту ночь Карлайле... Это ведь ты мне сигнал послала, иначе не объяснить.

— Не знаю, — буркнула Кейтлин. — Может, ты сам так умеешь. Может, просто раньше повода не было. Давай тему сменим.

Справа показалась ферма, которая на общем фоне выглядела вполне дружелюбно. Он кивнул в ее сторону, советуясь с Кейтлин. Девушка пожала плечами. Оба понимали, что без отдыха нельзя и что лучшего случая может и не представиться, а потому свернули с дороги и направились к ферме.

Задача Кейтлин решалась просто: Юэн быстро нашел встречный довод. Если бы он умел предвидеть будущее, то понял бы заранее, что его семья в опасности.

— Моя семья. Я бы знал про них.

— Тебе видней, — ответила Кейтлин.

— Вот и я так думаю, — сказал Юэн.

— Но ведь про меня ты как-то узнал? А про семью — нет.

— Может, я и про них тоже знал, — озвучил он внезапно посетившую мысль. — Просто ты была ближе, а они — дальше...

Лицо Кейтлин ничего не выражало.

— Может быть...

* * *

Ферма была с трех сторон окружена сараями и всяческими иными постройками, но ни у одной не было целой крыши. Сам дом когда-то в прошлом горел и теперь стоял, печальный, перед небом нараспашку.

Наконец с южной стороны нашлось небольшое служебное помещение с крышей и гостеприимно приоткрытой дверью. Юэн осторожно вошел внутрь, держа автомат наготове. Помещение было давно разграблено, в нем не было ничего, даже окон, и единственным входом и выходом был дверной проем.

— Если эти твари придут, выбраться мы не сможем, — сказала Кейтлин.

Юэн думал о том же.

— Походим еще, — предложил он.

В наступающих сумерках они еще раз обошли весь двор в поисках лучшего убежища и уже почти смирились с тем, что придется ночевать в разграбленном и тесном домике, как вдруг Кейтлин споткнулась обо что-то и растянулась на снегу.

— Блин! — в сердцах сказала она, вставая и отряхиваясь. — Вот дрянь!

Юэн, подошедший посмотреть, обо что споткнулась девушка, приподнял бровь, но ничего не сказал. Он присел на корточки и внимательно уставился на ржавую металлическую ручку, торчащую прямо из земли. Начав разгребать вокруг нее снег, мужчина вскоре обнаружил, что они стоят прямо на крышке небольшого люка, пробитого в бетонном покрытии. Попытка сдвинуть крышку с места успехом не увенчалась: снег и многолетняя наледь держали ее крепко. Юэн разбил лед каблуками и повернулся к девушке за помощью.

Они изо всех сил потянули за ручку, крышка люка издала возмущенный визг и вдруг резко отпала; воздух с приглушенным свистом вырвался наружу из подземелья, и Юэн отчего-то вспомнил, как делал свой последний выдох мертвец в Карлайле.

Подкравшись к дыре и заглянув в темноту, Юэн принялся рыться в рюкзаке в поисках динамо-фонарика. При виде темной дыры под ногами на лице Кейтлин отравился панический страх.

— Я не полезу туда! — не терпящим возражений тоном заявила она и отошла как можно дальше от края, но так, чтобы не сильно отдаляться от спутника.

Юэн, наконец-то, нашел фонарик. Яростно накачивая рукоятку, он направил его в провал. Тусклый луч света вырвал из темноты лестницу, ведущую вниз, к бетонной площадке.

— Стой здесь, никуда не уходи, — сказал он, надел противогаз и начал спускаться. Еще в Глазго он хорошо усвоил, что противогаз — незаменимая штука в подземелье: затхлый воздух порой бывает так же опасен, как газовые карманы.

Метров через шесть лестница закончилась, и Юэн оказался в коротком бетонном тоннеле, упиравшемся в закрытую железную дверь с колесом посередине. К удивлению мужчины, оно легко провернулось, с той стороны что-то щелкнуло, дверь приоткрылась в его сторону, и снова послышался глухой свист выходящего воздуха.

Юэн открыл дверь до конца дулом автомата и направил внутрь луч света от динамо-фонарика. Небольшое помещение было поделено на туалет с душем, отгороженные коробками, и на служебную часть, заваленную всякой электроникой. У дальней стены стояли письменный стол и раскладушка, но в остальном вид у комнаты был покунутый. Больше всего она напоминала склеп.

* * *

Летающие по небу облака закрыли луну. Кейтлин постояла немного в темноте, с каждой минутой все сильнее чувствуя, как она физически давит на нее. Это было почти так же страшно, как лезть под землю. Девушка легла у самого люка, глядя вниз, где виднелся отблеск фонарика — единственное напоминание о том, что она не одна и что у нее есть защита.

Вдруг, найдя просвет в облаках, луна выбралась на свободу и залила ферму мистическим серебряным светом.

Кейтлин восхищенно оглянулась вокруг и вдруг увидела их: они медленно шли от шоссе прямо на нее; черные волосы на серой пятнистой шкуре блестели в лунном сиянии. Ее охватил ужас, все мышцы застыли, и девушка тихо заскулила, не в силах пошевелиться.

Чудовища подбирались к ней с разных сторон дороги, лавируя между ржавыми автомобилями и грузовиками: восемь, девять, а дальше — еще и еще... Одно, крупнее прочих, видимо, вожак, задрал морду к небу и издал жуткий утробный вой. Стая, как по команде, рванула в сторону Кейтлин. Девушка в оцепенении смотрела, как они приближаются, и уже могла разглядеть удивительно умные глаза и острые черные зубы.

Вожак сгруппировался и прыгнул, раскинув передние лапы и растопырив толстые пальцы с загнутыми черными когтями.

В последний миг рука Юэна обхватила ее за грудь через подмышку, вцепилась в одежду на плече и затянула в темную бездну. Кейтлин закричала, провалившись в

темноту: на секунду ей показалось, что ненасытная утроба подземелья сожрала ее, со всем как чудовища наверху.

— Цепляйся за что-нибудь!!! — хрипло прокричал Юэн.

Девушка ухватилась за спутника, но тот разжал руку, и Кейтлин чуть не упала на дно колодца, каким-то чудом удержавшись за железные скобы лестницы.

Высунув голову на поверхность, Юэн увидел, как вожак стаи приземлился туда, где только что сидела Кейтлин. Осознание того, что жертва ускользнула, отразилось на морде зверя лютой яростью. Юэн не ожидал увидеть так много чудовищ: теперь вся свора неслась на него через двор, завывая на бегу. Вцепившись в запирающий штурвал на внутренней стороне крышки, мужчина потянул ее на себя в тот самый момент, когда первый из стаи был уже в полуметре от него.

Огромная мускулистая туша врезалась в люк, ноги Юэна сорвались с лестницы, и он повис в воздухе, держась за колесо и слыша утробное рычание сверху и испуганный визг снизу. Эта счастливая случайность и спасла их: в тот момент крышка люка слегка приподнялась — видимо, зверь нашел ручку и потянул за нее, — но вес Юэна удержал ее на месте.

Мужчина нащупал ногами лестницу, уперся в нее и рванул крышку на себя, вложив в этот рывок всю свою силу и жажду жизни. Люк захлопнулся, и на этот раз Юэн успел повернуть колесо и закрыть замок.

Сверху слышалось скрежетание когтей по металлу, затем глухое рычание хищников стало складываться в какие-то ритмичные напевы, как будто те переговаривались между собой.

Юэн покрепче ухватился за лестницу, достал фонарик и разогнал моторчик, освещая все вокруг. Осмотрев люк, он нашел с внутренней стороны небольшой засов, задвинул его и только потом переключил внимание на Кейтлин.

— Спускайся, — сказал он, но девушка в ужасе намертво вцепилась в лестничные скобы.

— Спускайся, милая. Все будет хорошо. Я рядом.

Вторая попытка тоже не дала результатов: Кейтлин торчала на одном месте, как приклеенная.

Скрежет когтей послышался снова: звери пытались подцепить люк за края. Юэн спустился поближе к спутнице и почувствовал, что ее сотрясает дрожь. Взяв девушку за подбородок, мужчина повернул к себе ее бледное лицо и предложил, глядя прямо в расширенные от страха глаза:

— Спустимся вместе.

Кейтлин заморгала, роняя с ресниц слезы, но потом все же медленно кивнула.

Держась друг за друга, они преодолели последние 15 скоб и ступили на холодный пол колодца. Над их головами продолжался скрежет когтей об лед, бетон и металл. Юэн взял девушку за руку и завел ее в комнату за железной дверью.

— Здесь они до нас не доберутся, — сказал он мягко и убедительно.

Кейтлин молча кивнула.

— Ты цела? Я тебя не поранил?

Она снова ничего не ответила, только помотала головой.

— Все, бояться нечего.

— Терпеть не могу подземелья! — выдавила она, стуча зубами.

— Ох, — выдохнул мужчина, но тут же вспомнил, что видел в комнате кое-что, подходящее к случаю.

Он за руку подвел Кейтлин к столу и посадил на металлический стул, а сам взял со стола пластиковую палочку.

— Только бы сработало... — пробормотал он, согнул палку и хорошенько потряс, как делал его отец много лет назад.

Жидкость внутри палки засияла зеленым, все ярче и ярче, пока, наконец, вся комната от пола до потолка, вместе с горой электроники, не залилась ровным жутковатым свечением. Свет успокоил Кейтлин, и Юэн отдал ей люминофор, а сам подошел к двери, закрыл ее и как следует запер. Затем вернулся к девушке, присел рядом, приобнял ее и стал ждать, пока к спутнице вернется самообладание.

Вдруг хрупкие плечи Кейтлин содрогнулись от рыданий, она повернулась к Юэну и бросилась в его объятия с такой силой, что чуть не пригвоздила его к стене. Несколько минут он просидел, не двигаясь, обнимая плачущую девушку, пока та не успокоилась.

— До утра нам ничего не угрожает, — наконец сказал он, когда рыдания стихли. Потом мягко освободился из ее рук и посадил спутницу обратно на стул.

— Как ты думаешь, что это за место? — спросил он, чтобы отвлечь ее внимание.

— Это компьютеры, — безучастно сказала Кейтлин. — Кажется, серверы.

— Откуда ты знаешь?

— Видела такие, еще в детстве.

— Интересное у тебя детство было...

Юэн посмотрел на пыльные системные блоки и толстые мотки проводов, тянущиеся вдоль потолка и исчезающие в противоположной стене комнаты.

— Люди строили бункеры, чтобы прятаться от бомб, — сказал он. — Зачем они тащили сюда компьютеры?

— Мне рассказывали, что война велась повсюду, — отозвалась Кейтлин. — На суше, на море, в воздухе и в космосе, и в компьютерах тоже.

— В интернете?

— Кажется, это так называлось...

Юэн снова посмотрел на груды мертвого оборудования.

— Интересно, сможем ли мы когда-нибудь вспомнить или понять, почему на самом деле был уничтожен мир? — задумчиво сказала Кейтлин, повернувшись к нему.

Юэн пожал плечами:

— Не знаю, детка. Но думаю, это все те же причины, по которым люди и сейчас тираният друг друга...

Кейтлин молча кивнула.

— Люди не меняются, — добавил Юэн. — Они наследуют ненависть от отцов, а своей собственной головой думать не обучены.

— Ты уверен, что они не прорвутся? — спросила девушка, внезапно сменив тему.

— Куда им... Между нами две железные двери и бетонные стены.

— Все равно, давай дежурить по очереди?

— Дельное предложение, — согласился Юэн. — Тогда я первый, а ты спи.

Кейтлин кивнула, хотя она была слишком напугана, чтобы уснуть. Юэн накормил ее сушеным мясом и последним куском козьего сыра и дал воды. Раскладушка сгнила

и покрылась плесенью, поэтому он постелил на нее свой спальный мешок, аккуратно уложил на него девушку и укутал, как родную дочь. Присев рядом, мужчина стал тихо напевать песню, которую когда-то пела ему мать:

*Цветок Шотландии,
Когда тебя увидим вновь?
Мы на холмах твоих
Бесстрашно проливали кровь.
Шел к нам с войною
Сам гордый Эдвард,
Но получил от нас
И был таков.*

*Холмы пустуют.
Осенних листьев лег покров
На эти земли,
Где мы отвадили врагов,
Где шел с войною
К нам гордый Эдвард,
Но получил от нас
И был таков.*

- Юэн, — сонно пробормотала Кейтлин.
- Да? — отозвался он, сам зачарованный песней.
- Кто такой Гордый Эдвард? Один из командиров в последней войне?
- Не знаю. Вряд ли. Я эту песню помню с детства.
- Странно... — сказала девушка, но что в этом такого странного, не объяснила, и вскоре Юэн понял, что она спит.

Последний куплет он напел про себя, но каждое слово звенело в его голове:

*Все это в прошлом,
Порядок времени таков.
Но мы ведь можем
Всегда объединиться вновь:
Ведь шел с войною
К нам гордый Эдвард,
Но получил от нас
И был таков.*

Черт знает, кто такой этот Гордый Эдвард; был когда-то такой тип, наверное не из приятных, раз славные предки Юэна выписали ему по первое число. Теперь вот осталось от живого человека с его страстями и мечтами о покорении Шотландии одно имя. А забудут слова этой песни в Метро города Глазго — и ничего не останется от Гордого Эдварда. Привет, забвение.

В нынешнем прекрасном мире не до сантиментов, и прошлое тут мало кого заботит, как и будущее: скоротать бы день до вечера, остаться в живых и брюхо набить, вот уже и счастье. Нет никакого прошлого, кроме вчерашнего дня, и никакого будущего, кроме завтрашнего.

За свой недолгий поход Юэн уже успел на новый мир наглядеться.

Не было у этого мира будущего, даже и завтрашнего дня не было.

А Юэну нужно думать только о том, как бы добраться до Йорка. И найти семью. А там будь что будет.

Он достал карту Марлы и принялся внимательно ее изучать.

Они оказались ближе к Йорку, чем он ожидал. Карта подсказывала два маршрута движения. Дорога еще с десяток километров шла на юг, потом поворачивала на восток и вела прямо в город. Но был путь короче: по реке, которая пересекала дорогу за долго до поворота, впадала в другую, а уж та вела в самое сердце Йорка. Юэн решил, что идти по ней будет и быстрее, и безопаснее. Реки, скорее всего, замерзли, а если за дорогами у города наблюдают, они легко скроются от посторонних глаз.

Он сложил карту, подошел к двери, открыл ее как можно тише, потом осторожно забрался вверх по лестнице и приложил ухо к крышке люка.

Все было тихо, но Юэн готов был поспорить, что с той стороны, в нескольких сантиметрах от его уха, кто-то точно так же слушает тишину. Он ждал, зависнув над черным колодцем, и призрачный зеленый свет снизу был его единственным маяком в темноте.

Он уже потерял счет времени, когда вдруг уловил движение на поверхности. Кто-то встал и прошелся вокруг люка на четырех лапах, а потом снова улегся в ожидании. От близости врага по спине Юэна пробежали мурашки, но тут-то, в железобетонном укрытии, любезно предоставленном путникам давным-давно преставившимися хозяевами фермы, он был в полной безопасности.

Он осторожно спустился, закрыл и запер железную дверь и вернулся к раскладушке, где спала Кейтлин. В бункере было теплее, чем над землей, и Юэн почувствовал, что его тоже клонит в сон. Интересно, о чем думал хозяин, когда сооружал это убежище? Представлял, как будет жить тут с женой и ребятишками после ядерной войны? Думал ли, что сам сгинет вместе со всей семьей, а построенное им сооружение спасет однажды отчаявшихся путников?

Чтобы хоть чем-то себя занять, Юэн встал и обследовал стол. На нем нашлись еще три люминесцентные палки, книга под названием «Операционные системы LINUX» с кучей бессмысленных инструкций и формул и короткий тупой карандаш, который Юэн спрятал в карман.

Два ящика были закрыты на замок, но при помощи ножа он одержал над ними легкую победу. В верхнем обнаружилась целая россыпь маленьких отверток, куски проводов и разные инструменты для ухода за аппаратурой. Юэн взял провода и положил в рюкзак: мало ли что, могли и пригодиться. Нижний ящик был побольше, на дне его лежали три папки с именами владельцев компьютеров.

Юэн уже пришел к выводу, что бункер был гражданским, а не военным, поэтому очень удивился, когда вытащил нижнюю папку и обнаружил там пистолет с патронами, красный дозиметр, похожий на тот, что дала ему Марла, только без батареек, и бутылочку с надписью «Масло для швейных машин».

Это была совершенно невиданная находка. Попади Юэн сейчас домой, в Глазго, он бы разбогател на одном дозиметре. Он осторожно положил прибор в рюкзак и взял в руки пистолет. Это был «Глок-17». У одного из парней с его станции был такой, он показывал его Юэну во время долгой и скучной вахты в туннеле. У этой модели была легкая пластиковая рукоятка, удобно лежащая в руке, и вообще пушка казалась со-

вершенно новой. Аккуратно разобрав пистолет, Юэн не обнаружил ни единого пятна ржавчины, а механизм, похоже, был почти в том же состоянии, в каком его положили в ящик много лет назад. Картонная коробка рядом с «Глоком» тоже прекрасно сохранилась: там было полсотни патронов, пятнадцать из которых Юэн сразу же зарядил в обойму. Защелкнув большим пальцем предохранитель, он засунул пистолет в карман и положил остальные патроны в рюкзак. Конечно, с пистолетом не так надежно, как с испытанным ножом, но все же...

Кейтлин спала глубоким сном. Будить ее не хотелось. В конце концов, они были в безопасности. Юэн поставил автомат в угол, прислонился спиной к стене и стал ждать рассвета.

* * *

Кейтлин проснулась в твердой уверенности, что что-то не так, но сразу не поняла, что именно. В темноте слабо мерцал зеленый свет затухающей палочки, рядом слышалось мерное сопение Юэна.

И тут же в мозгу девушки словно сверкнула молния: Юэн уснул. Они сидят под землей, и Юэн уснул. Она же хотела дежурить с ним поочередно, потому что под землей, где не видно ни солнца, ни луны, ни других людей, очень легко потерять счет времени.

Она села и тряхнула Юэна за плечо.

— А? Что такое? — вскрикнул он, хватаясь за автомат, который девушка сначала и не заметила.

— Ты не разбудил меня!

— Тебе надо было отоспаться, Кейтлин, — сказал Юэн, протирая глаза.

— Прекрати обращаться со мной как с ребенком! Ты меня не разбудил, и теперь мы не знаем, сколько времени тут просидели!

Об этом Юэн не подумал.

— Елки-палки! — сказал он. — Прости, как-то не пришло в голову...

— Надо узнать, который час. Не хочу застрять здесь еще на одну ночь.

— А что, не самое худшее место...

Юэн встал и потянулся. Надо было все-таки спать лежа: шея и плечи были словно деревянные. И, конечно, было бы здорово, если бы туалет в этом бункере работал.

— Ладно, собирай вещи. Посмотрим, что там снаружи. — И он свернул спальный мешок и положил его в рюкзак.

Прихватив умирающую светящуюся палочку, они вышли к лестнице, и Юэн забрался наверх. Тут его ждало открытие: в самом центре люка был небольшой глазок, прикрытый металлической шторкой, которого он в прошлый раз не заметил. Мужчина заглянул туда: вокруг была непроглядная темнота.

— По-прежнему темно. Погоди-ка...

— Чего ждать?! Валить надо!

— Тихо! — зашипел Юэн, маша рукой.

Он весь обратился в слух, ловя каждый шорох снаружи.

— Там день, — наконец заявил он.

— Ты же только что сказал, что ночь.

— Неправда. Я сказал, что темно. Я слышу пение птиц. Значит, что-то загораживает обзор.

— Ну, если день, то они к нам не сунутся. Открывай люк — и валим!

Крыть было нечем, и, повернув металлическое колесо, Юэн чуть-чуть приподнял люк, чтобы убедиться, что на дворе действительно день и чудовищ поблизости не видно.

В щель хлынул дневной свет, и оба вздохнули с облегчением, но полностью открыть люк что-то мешало. Юэну удалось только немного расширить щель — как раз, чтобы с трудом и проклятиями вылезти наружу и вытащить за руку Кейтлин.

На люке лежал прогнивший остов маленького автомобиля. Судя по следам, его притащили с дороги, чтобы перегородить выход до заката. Путники обменялись тревожными взглядами.

— Похоже, они еще опаснее, чем мы думали.

— Еще опаснее, чем *ты* думал, — уточнила Кейтлин. — Я-то с самого начала думаю, что они обосраться какая жуть!

— Есть еще одна проблема, — сказал Юэн, глядя на облака, почти полностью скрывающие солнце.

— Какая?

— Мы просидели там дольше, чем нужно. Сейчас полдень. У нас осталось часов шесть до темноты.

Кейтлин посмотрела на машину, которой их чуть было не заперли навеки в темноте, и снова на спутника.

— Оставаться тут точно нельзя. Нет гарантий, что они ночью либо не отковыряют люк, либо не замуруют нас вообще, притащив сюда какой-нибудь грузовик.

— Я думаю, надо идти по реке: так мы быстрее доберемся до Йорка, — бодро сказал Юэн.

— Ну, пошли.

— Подожди, сперва надо облегчиться.

Кейтлин не стала спорить, потому что самой хотелось того же. Но, когда они двинулись в сторону обрушившегося сарая, девушка внезапно почувствовала, как внутри нее тошнотворной волной разливается ужас.

— Юэн, стой! — слабым голосом произнесла она.

Мужчина с любопытством оглянулся на ее бледное лицо и тут уловил движение в тени одного из полуразрушенных зданий за спиной девушки.

— Твою мать! — прошептал он.

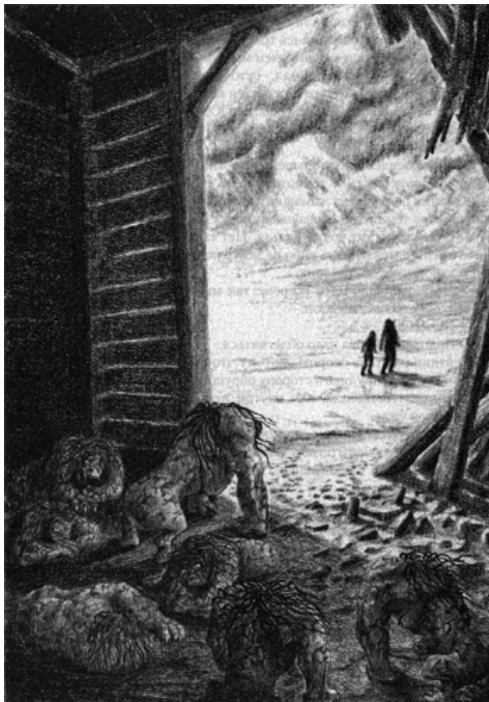
Кейтлин тоже заметила их в сарае, куда они направлялись, — огромные мускулистые туши растянулись в тени, в ожидании ночи. Глаза их мерцали в темноте, но звери лежали тихо: ждали, не подберется ли добыча поближе.

Юэн схватил Кейтлин за руку и потащил за собой к дороге. Когда они выбежали на заснеженный асфальт, за их спинами раздался многоголосый разочарованный вой.

* * *

Солнце опять спасло путешественникам жизнь. В тусклом свете, который просачивался из-за облаков, Юэн и Кейтлин бежали по шоссе до тех пор, пока не увидели покрытую снегом и льдом реку. Скатившись по берегу, они продолжили бег на восток.

Идти по реке оказалось гораздо удобнее, чем по любой дороге. Во-первых, на ней не было ржавых машин; во-вторых, хотя по обоим берегам тянулись разрушенные дома, все они стояли довольно далеко от них.

Времени на разговоры не было — почти весь день они провели на бегу. Мимоходом Юэн отмечал, как меняется пейзаж вокруг них. Он помнил, что Йорк был одним из самых больших городов на севере Англии, и догадывался, что во время войны по нему наверняка били прямой наводкой. И все-таки Марла утверждала, что здесь по-прежнему живут люди.

Несколько раз за день Кейтлин спотыкалась и падала, и Юэн как можно деликатнее помогал ей подняться. От раздражительности спутницы не осталось и следа, она снова стала напуганным подростком, бегущим от одной опасности навстречу другой.

Закат начался неожиданно быстро и застал их на реке. Юэн очень надеялся, что они успеют найти надежное укрытие, пока окончательно не стемнеет. Он подозревал, что слабое закатное солнце вряд ли представляет большую опасность для зверей, а значит — они наверняка уже выбрались из своего лежбища и взяли след беглецов. Наверное, скоро они с Кейтлин услышат жуткие завывания четвероногих демонов, гораздо более быстрых, чем люди.

Пробежав под мостом, путники увидели вокруг обгорелые руины домов и поняли, что вошли в Йорк. Уже в ночной тьме они миновали еще один мост, выгнувшийся над ними дугой, и тут, наконец, издали донесся голодный и кровавый вой.

Вцепившись в руку Кейтлин, Юэн собрал последние силы и, как мог, ускорился. Теперь вдоль реки тянулись каменные набережные, то и дело попадались лодки и кораблики, вмержшие в лед.

— Юэн, смотри! — прокашляла Кейтлин, показывая вперед.

Там возвышался белый мост, с обеих сторон которого виднелись крепкие каменные здания, и на этом мосту — хвала небесам! — мелькнул огонек, маяк надежды во мраке ночи. Однако дальше ходу не было: под мостом путь в старый город был перекрыт железными воротами, как будто естественным продолжением старинной каменной стены, окружавшей центр Йорка на суше.

— Помогите! — закричала Кейтлин, отчаянно пытаясь не отставать от Юэна, который вдруг побежал еще быстрее, и поражаясь, что после столь напряженного похода спутник не только стоит на ногах, но и тащит ее за собой.

Теперь им были видны человеческие силуэты, суесящиеся на мосту в свете коптящих факелов.

Сзади снова раздался утробный вой, и, даже не оглядываясь, Кейтлин поняла, что охотники совсем рядом: было отчетливо слышно, как их когти на бегу скрежещут об лед.

Мужчина и девушка уперлись в ворота. Ни бежать дальше, ни укрыться где-нибудь было нельзя. Беглецы повернулись лицом к темноте, озаренной оранжевыми отблесками факелов, и увидели, что звери выстроились полукругом и медленно приближаются, со всех сторон отрезая им путь назад.

— Адские псы! — раздался крик с моста над их головами, и тут же другой голос командовал:

— Огонь!

И действительно, с небес на чудовищ в буквальном смысле хлынул огонь: на них со свистом обрушились языки пламени, сея смерть и отпугивая уцелевших. Попад на лед и снег, огонь продолжал гореть, и Юэн понял, что это стрелы — длинные пылающие стрелы!

Кейтлин осела в его руках: от пережитого страха и облегчения она полностью обессилела. В это время сверху змеями спустились веревки, и громкий голос, словно звучащий с небес, провозгласил:

— Добро пожаловать в Йорк!

Глава 8

ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД

Взобравшись вместе с Кейтлин на мост, Юэн поразился тому, как много людей столпилось тут на морозе: человек двадцать мужчин и женщин, укутанных в теплую одежду; многие уже расходились, оглядываясь через плечо на незваных гостей. В руках у них были разнообразные луки, пластиковые или деревянные, за плечами висели колчаны, откуда торчали метровые стрелы с оперением из пластмассы. Зрелище было диковинное, и стражник, который помог им подняться, заметив удивление Юэна, спросил раскатистым басом:

— Что, не видал раньше такого?

Он был одет в поношенный маскхалат и запачканные грязью черные штаны, заправленные в длинные сапоги; на носках сапог кожа была протерта до дыр, и виднелись металлические подноски. Лицо стражника было скрыто капюшоном, на котором еще остались следы меховой оторочки, наружу торчала только седеющая борода. На шее мужчины болтались огромные защитные очки, а с пояса свисали залатанный кисет и пистолетная кобура. За его спиной стояла высокая седая женщина в длинной теплой куртке до пят. На левой стороне куртки, у самого сердца, был вышит белый крест.

— Кто вы такие? — спросила она громким, поставленным голосом.

— Меня зовут Юэн, а это — Кейтлин.

— Что вы здесь делаете?

— Убегаем от этих тварей, — сказала Кейтлин.

— Я ищу свою семью, — добавил Юэн, решив, что не мешало бы чуть развить тему.

— Вам повезло, — сказала женщина. — Демоны ада были посланы за вами, но Господь своей рукой привел вас к спасению.

— Да святится имя Его, — неожиданно вставила Кейтлин.

Юэн уставился на нее в недоумении, равно как и женщина со стражником, но Кейтлин стояла с самым непринужденным видом.

— Э-э-э... Аминь, — неуверенно добавил Юэн.

Женщина одобрительно кивнула и обратилась к стражнику:

— Альберт, проводи их в казарму Всех Святых. Там они заночуют, а утром первым делом — ко мне. — Отдав указание, она развернулась и пошла прочь.

— Слушаюсь, Ваше святейшество, — ответил стражник, почтительно склоняя голову вслед женщине, пока она не исчезла из виду.

Юэн обратил внимание, что за все время, пока она была рядом, стражник не осмелился поднять глаза.

— Очень умно, — сказал Альберт, когда они остались вдвоем, и подмигнул Кейтлин.

Девушка даже бровью не повела.

— В каком смысле? — спросила она.

— Ты же невероятная, — Альберт понимающе улыбнулся.

— Я крещена и воспитана в христианской вере, — возмущенно ответила Кейтлин, не обращая внимания на выпученные глаза Юэна.

— Да, конечно, тебе виднее, — в голосе Альберта послышалось сомнение.

— Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня, — отчеканила Кейтлин, глядя на стражника в упор.

Это явно возымело действие, и Альберт растерянно заморгал.

— Кто же вы и откуда? Пришли ночью, из пустоши, и адских псов привели...

— Мы же сказали: Кейтлин и Юэн, — спокойно ответила девушка.

— Ага, вот теперь мне все стало понятно! — проворчал стражник. И все же, теперь он смотрел на эту хрупкую девушку и ее спутника совсем другими глазами. — Идите за мной. Я отведу вас туда, где вы сможете спокойно спать до утра. — И Альберт двинулся по мосту на запад.

Когда он отошел на несколько шагов, Юэн взял Кейтлин под руку, будто бы с целью поддержать ее на ходу. Девушка сразу поняла, о чем ему не терпится спросить, и, не дожидаясь вопроса, прошептала:

— Меня действительно растили в христианской вере.

— Как и меня, много лет назад, — шепнул Юэн в ответ. — Только тогда мало кто принимал это всерьез.

— Зато сейчас верующих много. Подыграй мне, Юэн. Мне почему-то кажется, что иначе нам тут будут не очень рады.

На сей раз Юэну не хотелось спорить.

* * *

Мост плавно перетекал в каменную стену, по которой парами ходили часовые. Юэн заметил, что каждый патруль старался не терять из виду соседей. В руках у часовых были факелы: металлические прутья с горящей паклей на концах.

Они спустились со стены и направились в город. Юэн инстинктивно сбавил шаг и потянулся за автоматом. Альберт услышал и обернулся.

— Этого не нужно. В городе сейчас безопасно.

Оглядевшись, Юэн впервые заметил, что дома здесь сохранились намного лучше, чем в Карлайле и Глазго.

— Вас что, война не коснулась?

— Ну, я бы так не сказал... — ответил Альберт. — Просто она коснулась не зданий, а тех, кто в них жил.

— Это как? — не поняла Кейтлин.

— На город сбросили особую дрянь. Она тут многих извела, пока мы ее не приручили.

Мужчина замолчал, уставив взгляд в прошлое, а затем продолжил:

— Сначала не знали, как ее остановить, и чуть весь город не пожгли. А потом... Есть тут у нас один толковый мужик. Он кое-что придумал, и с тех пор дела пошли на лад.

— Что-то не видно следов пожара, — сказал Юэн, глядя на стену.

— За стеной ничего не осталось.

— А внутри все уцелело? — с любопытством спросила Кейтлин.

— Да, первым делом мы перекрыли старый город, превратили его в остров. — Альберт откашлялся, потом нехотя продолжил: — Зараженные не могли встать на ноги,

так что солдаты ходили по улицам и сжигали дома вместе с жителями.

— Какой ужас! — вырвалось у Кейтлин.

— Это война, барышня. Противоядия не было, а значит — не было и другого выхода.

— И все-таки вы выжили? — спросил Юэн.

— Да. Но лишь потому, что печатаваем каждое пустое здание, а все, что прется к нам снаружи, — уничтожаем.

Неприятный холодок скользнул по спине Юэна. Чтобы не подать вида, он неприступно продолжил беседу:

— Много людей тут у вас живет?

— Несколько сотен. Часть домов мы забрали под теплицы, но в основном город пуст.

— Зачем тогда патрули?

Юэн пожалел, что задал этот вопрос: Альберт сразу помрачнел.

— Затем, что надо, — пробурчал он, бросив на чужака подозрительный взгляд.

— Извините. Просто странно, что так много людей не спит по ночам...

— А что нам остается? Цена свободы — вечная бдительность, такая вот фигня...

Они прошли мимо увенчанной высоким шпилем церкви и остановились перед линией двухэтажных домов со ставнями на окнах. Альберт открыл ключом одну из дверей.

— Здесь будете спать. Это пустые казармы. Не выходите, пока за вами не придут. Вас тут никто не знает, а чужаков в Йорке не жалуют.

Юэн кивнул и вошел в дом вслед за Кейтлин.

Внутри пахло сыростью и запустением. Мебели не было, лишь матрасы, лежащие вдоль стен ровными рядами. В центральной комнате располагался кое-как сложенный камин, рядом — поленица, в которой лежали щепки, обломки мебели, куски покрашенных досок и несколько бревен. Кроме того, на первом этаже обнаружили еще три комнаты, включая ванную и кухню, такие же пустые. Когда-то их стены были обшиты деревянными панелями, но теперь все они оказались ободраны — видимо, пошли на растопку.

Вернувшись в комнату с камином, Юэн развел костер, и путники молча поужинали.

— Ну, здесь нас, по крайней мере, не съедят, — наконец заметила Кейтлин.

— Вроде нормальные люди, — отозвался Юэн.

— Похоже на то, — согласилась девушка, без особой, впрочем, радости.

Механически, словно во сне, она сняла сапоги, забралась в спальный мешок и свернулась там клубком.

Юэн вытянул ноги, наслаждаясь теплом и уютом. Засыпая, он услышал, как девушка мурлычет себе под нос какую-то мелодию.

* * *

При свете дня Йорк уже не был похож на сказочный средневековый город, каким он казался ночью. Выйдя из дома в компании Альберта и еще одного провожатого, путешественники сразу увидели то, чего не заметили в темноте: все здания в городе заросли вьющимся мхом, покрывавшим их, словно огромный ковер. Мох, намертво вросший в стены, шатром раскинулся над улицами, погрузив весь город в злое щепило.

изумрудные сумерки. В каждом доме первый этаж и половина второго были свободны ото мха, но покрыты толстым слоем не то саж, не то пепла. В таком виде Йорк чем-то напомнил Юэну родную подземку: лабиринт узких и мрачных коридоров.

— Что это такое? — спросила Кейтлин.

— Похоже на мох.

— Вот об этом я вчера и рассказывал, — сказал Альберт, который с утра казался приветливее. — Это и есть та самая дрянь, которую сбросили на город.

— На вас сбросили вьюнок? — Юэн едва сдержал улыбку.

— Ты, дядя, так не шути, — сурово сказал второй стражник. — И держись от него подальше: загнешься.

— Это точно, — подтвердил Альберт. — Он тут здорово сократил население. Если дотронешься или хотя бы вдохнешь споры — сожрет заживо.

— Ни хрена себе!.. — вырвалось у Юэна. — Что ж вы его не изведете?

— Видать, есть причины, — буркнул второй стражник. Альберт хмыкнул.

— Ладно, Чарли, давай будем полюбезнее с гостями города, — сказал он и повернулся к Юэну с Кейтлин: — Если мох поджечь, он начнет выделять споры. Чем больше мы жгли эту пакость, тем больше ее становилось. Но если его не трогать, то и он нас не трогает.

— То есть, просто растет по верхам? — спросила Кейтлин.

— Теперь — да. Как я говорил вчера, один наш умник придумал, как его укротить.

Альберт кнул пальцем в стену, покрытую толстым слоем серой пыли, похоже на пепел.

- Что это? — спросил Юэн.
- Сожженные и перемолотые споры.
- Вы же сказали, что они смертельно опасны.
- Это когда живые, — вступил в разговор Чарли. — А если их поджарить и перемолоть — все будет нормально.
- Да, — добавил Альберт, — и новый мох поверх них уже не растет. Наш умник говорит, что у него генетическая память.
- Ого! — Юэна искренне удивили познания такой глубины. — Что это за умник? Какой-то ученый с довоенных времен?
- Точно. Бывший врач. Хороший мужик, хоть не очень общительный.

Их путь лежал через зеленые туннели города и еще один мост над замерзшей рекой, к трем впечатляющих размеров каменным зданиям, стоящим в форме подковы, лицом к старинной башне на вершине холма.

Когда группа подошла к мосту, Юэн вдруг осознал, что нигде в городе не видел мха, покрытого снегом. Это действительно было странно, потому что и на реке, и на улицах, и на других поверхностях, не занятых кудрявой гадостью, лежал плотный белый покров.

- Почему на мху нет снега? — спросил он.
- А ты наблюдательный! — удивился Альберт. — Мох поглощает любую влагу и растет.

- Хорошо, что дождей больше нет, — добавил Чарли.
- Да уж, — согласился Альберт. — А то бы Йорк сразу накрылся...

К западу от здания, к которому они приближались, стоял крутой холм, увенчанный обрушенным средневековым фортom, блестящим изумрудным сиянием в лучах утреннего солнца. Мох на этом старинном здании, казалось, избежал экзекуции, которой были подвергнуты все дома в городе, но ни Юэну, ни Кейтлин не хотелось об этом расспрашивать.

Они вошли в левое из трех зданий. Альберт и Чарли провели гостей в пустую комнату, где штукатурка на стенах была покрыта паутиной из трещин и плесени. Окна в комнате были заделаны кирпичом, и все-таки в ней было холодно, и клубы пара от дыхания мерцали в тусклом свете электрической лампочки. Стражники ушли, хотя по звуку шагов было понятно, что один из них остался дежурить за дверью.

Кроме Юэна, Кейтлин и скамьи, на которую их посадили, в комнате был только розовый пластмассовый стул с треснутой ножкой.

Дверь открылась, и в комнату вошла высокая седая женщина, которая расспрашивала их накануне. Несмотря на возраст, лицо у нее было красивое, благородное, и обоим путникам бросилось в глаза, насколько она чисто и со вкусом одета.

Завидев женщину, Юэн встал. Кейтлин это показалось дико старомодным жестом, но ее спутник всего лишь хотел показать, что готов ко всему — хотя бы просто поздороваться.

- Доброе утро вам, путники, — бодро сказала женщина.
- И вам, — Юэн кивнул в ответ, задумавшись, уместно ли будет протянуть ей руку.
- Здравсьте, — сказала Кейтлин, выпрямившись на стуле, но не вставая.
- Меня зовут Дженнифер, — представилась женщина. — Я — епископ Йоркский.

Юэн недоуменно поднял брови и чуть было не прыснул от неожиданности. К счастью, женщина в этот момент смотрела на Кейтлин.

— Очень приятно, — ответила Кейтлин, слабо улыбнувшись.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули? — спросила епископ.

— Прекрасно, спасибо, — ответил Юэн. — Хотя не помешало бы пополнить запасы.

— Сначала о главном, — наставительно произнесла женщина. — Я хочу знать, откуда и куда вы бежали и как добрались до нашего города?

— Мы пришли из Карлайла, — сказала Кейтлин.

— Пешком?

— Да, на своих двоих. Другого транспорта не было, — отозвался Юэн.

Дженнифер помолчала, потом махнула рукой, предлагая Юэну сесть на скамью, сама же уселась на краешек розового стула. Неустойчивые ножки скрипнули под ее весом, и она слегка поерзала, чтобы занять удобную позу.

— И я должна вам поверить, что вы пришли пешком из Шотландии?

— Если честно, вы нам ничего не должны, — рубанул Юэн. — Но так оно и есть.

Епископ, похоже, удивилась его дерзкому тону: она пожевала губы и продолжила допрос:

— За вами гнались адские псы.

— Что это за звери? — с любопытством спросила Кейтлин.

— Наверное, мутанты. Так или иначе, название им подходит, потому что они явно не Господне творение.

— Разве не все живое на Земле сотворено Господом?

Епископ нахмурила брови, и Юэн забеспокоился, не перегнула ли Кейтлин палку.

— В Книге Бытия сказано, что на шестой день творения произвел Господь всех зверей, скотов и гадов земных. Но эти твари появились гораздо позже. Не исключено, что их создали люди в преступных лабораториях. Как же они могут быть творением Господним?

— Не знаю, — призналась Кейтлин: ответ Дженнифер был прост и логичен.

— Никак, — закрепила епископ свой успех. — Поэтому, каково бы ни было происхождение этих псов, имя адских они заслужили.

— Действительно, оно им подходит, — согласился Юэн. — Наверное, ничего страшнее я в жизни не видел. Даже в детстве, в фантастическом кино.

— Дети мои, сейчас на земле встречаются твари и пострашнее, — тон епископа смягчился, и она склонила голову набок.

Кейтлин внезапно поежилась и обхватила себя руками, но на вопросительный взгляд Юэна только тряхнула головой. Епископ продолжила самым приветливым и дружеским тоном:

— Вот поэтому мне трудно поверить в то, что вы преодолели такое расстояние пешком. Ведь от Шотландии до Йорка простирается снежная пустыня, и нет ни одного города.

— Да, — согласился Юэн. — Если, как вы говорите, тут есть твари и пострашнее, тогда я вас понимаю. Штука в том, что у нас, на севере, гораздо спокойнее. Не знаю, что уж тому причиной: холод, стена или то, что нас не бомбили.

— Расскажите мне о Карлайле, — попросила епископ.

Юэн ждал этого вопроса и даже, в каком-то смысле, рассчитывал на него.

— Это можно, — ответил он. — Только хочется, чтобы у нас вышел взаимовыгодный обмен.

— Чего ты хочешь взамен?

— Я ищу группу людей на машинах.

— Хотелось бы поточнее. Путники встречаются редко, но, кроме вас двоих, — все они на машинах.

— Вот как? — ответ Дженнифер явно озадачил Юэна.

— Неужели ты не знал?

— Чего?

— Что пешком тут никто не ходит.

— У нас на севере не встретишь машину на ходу: топлива нет, да и ездить особо некуда.

— А в Англии без них никак не выжить, — сказала епископ.

— Люди, которых я ищу, везут с собою пленных.

Женщина кивнула и произнесла будничным тоном:

— Раболовцы.

— Наверное, — ответил Юэн, пытаясь понять по лицу собеседницы, видела она их или нет.

— Вероятно, я смогу тебе помочь. Но сперва расскажи мне о Карлайле.

— Что вы хотите знать? — спросил Юэн.

— Все.

— Всего я не знаю. Я пробыл там всего несколько дней.

— Откуда же ты родом?

— Из Глазго.

— В Глазго тоже сохранилась жизнь?

— А как же... Я же сказал: насколько я знаю, Шотландию не бомбили.

— Тогда расскажи мне о Карлайле и о Глазго.

— За информацию о Карлайле вы обещали рассказать о тех, кого я ищу. Что я получу за информацию о Глазго?

Женщина помолчала, уставившись на Юэна и задумчиво постукивая ногтями по стулу.

— Я разрешу тебе торговать в городе и дам кредит на местном рынке.

— За рассказ о целом городе?

— Что еще тебе нужно?

Юэн притворился, будто размышляет над этим вопросом, хотя ответ у него уже был. Информация была ценным ресурсом, а сведения о поселениях севернее границы были особенно редки, так что он рассчитывал неплохо пожить.

— Мне нужна машина.

Дженнифер скривилась, на мгновение скинув маску епископа и став живым человеком, но быстро взяла себя в руки, и лицо ее стало бесстрастным, как прежде. Она кивнула:

— Я догадывалась, что ты попросишь об этом. Что ж, я могу распорядиться, чтобы для тебя подготовили машину, и даже заправлю ее топливом, если информация окажется особенно полезной.

— Я был бы разговорчивее, если б знал, зачем вам эта информация, — добавил Юэн.

В его голову закралось смутное подозрение. Он не был готов слишком много рассказывать о месте, которое столько лет было ему родным домом. Вряд ли епископ задумала что-то плохое, но осторожность никогда не помешает.

Дженнифер заметила, как нахмурился Юэн, и сразу поняла его сомнения. Чтобы возглавить христианское воинство Йорка, надо сперва научиться видеть людей насквозь.

— Я никому не желаю зла, Юэн, — мягко сказала она.

— Тогда зачем вам знать о северных поселениях?

— Хочу наладить с ними связь и торговлю.

Юэн кивнул. Вполне логичный ответ, но он догадывался, что это не все.

— А еще?

— От тебя ничего не скроешь, друг мой, — она улыбнулась впервые за день. — Связь и торговля — дело хорошее, но мне бы хотелось донести слово Божье до северных городов.

— Вы думаете, им оно нужно?

— Или у них в нем нехватка? — добавила Кейтлин, и епископ удостоила ее удивленным взглядом.

— Отвечу сразу на оба вопроса: я твердо верю, что слова Божьего не бывает слишком много, и хочу, чтобы имя Его снова славилось по всей земле, как прежде.

Юэн задумался о том, где был ее бог, когда смерть обрушилась на людей с неба, и как бы ему понравились чудовища, ныне населяющие землю?

— Люди вольны сами выбирать себе веру, — сказала Кейтлин, глядя при этом на Юэна.

Мурашки побежали по его спине: уже не в первый раз за время их знакомства он задумался, не читает ли она его мысли.

— Да, это так, — согласилась епископ, с интересом наблюдая за переглядками ее собеседников. — Однако слово Божье может подарить успокоение страждущему и приободрить верующего.

— Аминь, — заключила Кейтлин.

— Ну ладно, — Юэн решил, что самое время вмешаться. — Карлайл — это первое наземное поселение к югу от Глазго. Люди там живут в старых каменных домах с толстыми стенами: они служат им надежным укреплением.

— Это разумно, — кивнула Дженнифер.

— Люди в Карлайле делятся на две группы: одни живут в старом городе, другие — рейнджеры — ходят вдоль стены и следят за ее сохранностью.

— Этих мы не видели, — добавила Кейтлин.

— Да, они, в основном, сидят в замке.

— Есть ли в Карлайле лидер? — спросила епископ.

— Женщина по имени Марла.

— Она хорошая, — сказала Кейтлин, и детская наивность этих слов снова вызвала у Дженнифер улыбку.

— О делах лучше говорить именно с ней, — добавил Юэн.

— Как они принимают гостей?

— Лучше быть осторожнее. Марла рассказывала, что, когда она прислала сюда разведчиков, их обстреляли со стен.

Дженнифер нахмурилась.

— Это был не мой приказ и не мои люди.

Юэн вопросительно поднял брови.

— В этом городе, друзья мои, живут три общины, — растолковала епископ. — Христиане, военные и мусульмане в северной части.

— Кто же стрелял в разведчиков?

— Вероятно, военные. Они долгое время держали город на карантине.

— Думаю, если вы скажете, что я вас отправил, вас примут радужнее, — сказал Юэн.

— Ты разрешаешь нам прикрыться твоим именем? — осторожно уточнила Дженнифер.

— Да, а что тут такого?

— В наших краях люди не столь доверчивы.

Юэн пожал плечами и спросил:

— Что еще вы хотите знать?

— Как думаешь, какой товар им будет интересен?

Юэн ненадолго задумался:

— Что-нибудь для очистки воды.

— Вот как?.. — с интересом произнесла епископ.

— Да. Они добывают воду, растапливая речной лед, но очищать ее нечем. Приходится проверять каждое ведро дозиметром и потом кипятить.

— С этим мы, вероятно, сможем помочь, — задумалась женщина. — Что они могут предложить нам?

— Об этом лучше спросите самих жителей Карлайла. Но я думаю, что земля, не отравленная радиацией и пригодная для жилья, станет очень ценным товаром, если зима когда-нибудь пройдет.

— Это верно. Большое спасибо.

— Не за что, — сказал Юэн.

Он был рад, что ни один вопрос не касался военной стороны дела.

— Теперь о Глазго, — напомнила епископ.

Юэн кивнул.

— В Глазго я прожил всю жизнь. Сам город заброшен — на поверхности жить нельзя, слишком холодно. Гораздо холоднее, чем здесь.

— И вы живете под землей?

— Да, в старом метро. «Заводном апельсине», как его издавна называют.

— Где же вы берете еду и ресурсы?

— С этим трудно. Кое-что добываем наверху. Там до сих пор много ценного можно нарыть, если ты человек рискованный.

— В чем же опасность?

— У нас есть свои ходячие напасти, всякая мутировавшая нечисть. Но главная беда — холод и то, что все здания обветшали. Там легко сломать ногу и остаться навсегда.

— То есть, в Глазго больше возможностей для торговли?

— Полагаю, что так.

Кейтлин тоже кивнула с деловым видом. Юэн задумался, действительно ли она заходила так далеко на север или просто поддакивала по инерции.

— Похоже, ничего ценного от них ждать не стоит, — рассудила епископ, — но мы хотя бы можем устроить там миссию.

— Отчего же? У них есть кое-что, чего не водится в ваших краях.

— И что же это?

— Виски.

— Настоящий виски? — оживилась женщина.

— Совсем как в старые времена, — кивнул Юэн, немного греша против правды.

— Многие мои прихожане это оценят, — задумчиво признала епископ.

— Самый верный шаг — направить парламентариев к лидерам станций.

— В Глазго нет единого лидера? — удивилась женщина.

— Да, на каждой станции — свой, но все держат контакт друг с другом.

— Похоже, что туннели оказались идеальным укрытием...

— Это верно во многих смыслах, — Юэн сделал паузу, чтобы откашляться. — Метро пробито в скалах твердых пород, поэтому обрушений было мало, а те, что случились, мы легко заделали. Мы разводим кое-какую скотину, растим грибы, нашли съедобный мох, который может также заживлять раны...

— Как же, мох, — сухо отозвалась епископ.

— Не такой, как у вас. Самый обычный довоенный мох.

Дженнифер медленно кивнула и задала новый вопрос:

— Как мы отыщем вход в туннель?

— Для чужака это, наверное, непростая задача. Придется бродить по городу и искать знак метро. А найдя — стучать в гермозатворы и надеяться, что с той стороны вас услышат.

— Не очень радостная перспектива, — озабоченно сказала Дженнифер.

Юэн пожал плечами:

— Я могу подсказать дорогу, но почти все улицы забиты брошенными автомобилями. Где-то обрушены здания, где-то перекрыты дороги...

— Допустим, у меня есть карта города...

— А она у вас действительно есть?

Епископ кивнула, и Юэн задумался. С одной стороны, отметив на карте действующий вход в метро, он поставит под угрозу туннели и их обитателей. С другой — без его помощи найти ворота, не задраенные наглухо много лет назад, будет почти невозможно.

— Я могу отметить вход, — осторожно вымолвил он. — Еще могу проложить по карте безопасный маршрут через город, если в нашей машине будут запасы еды.

— Значит, договорились.

Епископ встала и подошла к двери. Высунув голову наружу, она очень тихо что-то сказала стражнику, стоящему с той стороны; потом вернулась и снова села на стул.

— Моя очередь, — начала она.

Юэн подался вперед, устроившись на самом краешке скамьи. Кейтлин перестала выковыривать из подошвы ботинка засохшую грязь и уставилась на пожилую женщину.

— Я знаю, кого вы ищете, но это все, что я знаю.

Юэн разочарованно откинулся назад; Кейтлин вспыхнула от гнева.

— Подождите! Я не хотела вас обмануть, — воскликнула женщина, подняв руки в примирительном жесте. — Да, я знаю, кто они, и слышала о том, что они вытворяют в

плохо защищенных поселений. А еще я могу отправить вас к человеку, которому известно гораздо больше.

— И дать нам все, что обещали, — напомнила Кейтлин.

— Да, конечно. Я держу слово, — ответила Дженнифер.

Юэн кивнул:

— Тогда несите свою карту. Потом мы сходим к вашим торговцам, а затем уж — к этому человеку.

— Так тому и быть, — постановила епископ.

* * *

После того как Юэн сделал отметки на небольшой, но очень подробной карте, принесенной Альбертом, все четверо вышли на улицу и пошли на север, где над рекой возвышалось большое здание. Там, внутри, располагался рынок. Дженнифер помогла Юэну собрать припасы на две недели вперед и щедро одарила его патронами для автомата.

Машина была уже подготовлена и стояла за рынком, в ответшалом кирпичном гараже с большими воротами. В гараже было еще несколько машин в разном состоянии; над самыми изношенными корпели ремонтники — мужчины и женщины, ровесники Юэна. На бетонном полу и на металлических верстаках лежали автомобильные запчасти.

Юэну и Кейтлин достался хорошо прокачанный «лендровер». Кузов его почти по всему корпусу укрепили листами обшивки, снятыми с других машин, а вместо стекол в окна вставили потрескавшиеся листы прозрачного пластика, затянутые крепкой железной сеткой. Над салоном тоже хорошо поработали. Два передних кресла — для водителя и пассажира — сохранились на своих местах, но задних не было, вместо них красовались две стальные скамьи, приваренные вдоль бортов. Боковые дверцы были заварены намертво. Влезть в машину можно было только через хорошо укрепленную заднюю дверь или через люк в потолке. Что особенно радовало — в дальнем углу салона стояла небольшая печка.

Юэн одобритительно кивнул, и тут раздался вопрос, после которого он почувствовал, как пол уходит из-под ног:

— Надеюсь, ты хорошо водишь?

Юэн как раз собирался пойти учиться, когда грянула война. Видимо, Дженнифер все поняла по его лицу и улыбнулась:

— Какой толк от машины, если ты не умеешь водить?

— Я умею, — сказала Кейтлин.

Юэн расплылся в улыбке и торжествующе посмотрел на епископа, которая казалась растерянной.

— Ну что ж... Раз так — в добрый путь, — наконец, промолвила она.

— Вы как будто не рады, — не удержался Юэн.

— И удивлены, — добавила Кейтлин.

— В самом деле, — согласилась женщина. — Я собиралась преподать вам основы вождения в обмен на небольшую услугу.

— Какую?

— Когда вы пойдете к человеку, о котором я говорила, вы, вполне вероятно, встретите моего сына, Дэниела. Уже скоро год, как я не видела его и не говорила с ним. С

тех самых пор, как он женился.

Она помолчала, на минуту превратившись из грозного лидера общины в самую обычную мать, полную тревог за своего ребенка.

— Мне бы очень хотелось снова наладить контакт, или хотя бы один раз поговорить с ним. Мне больше нечего вам предложить, но если вы передадите ему письмо, я буду перед вами в долгу.

Епископ вынула из кармана конверт, сложенный вдвое и скрепленный по краям степлером.

— Это очень личное. Прошу вас, не открывайте.

— Конечно, не будем, — сказал Юэн. — Вы нам здорово помогли, и я с радостью передам ему письмо.

— Я сделала то, что угодно Господу, Юэн. Не больше и не меньше.

— В любом случае, большое спасибо.

Пожилая женщина молча кивнула:

— Что ж... Тогда я отведу вас к воротам и покажу, где искать нужного вам человека.

Ступая след в след за своей провожатой, Юэн и Кейтлин вышли из здания и снова пошли под зеленым шатром из мха.

— Еще одна просьба, Юэн: будешь передавать моему сыну письмо — старайся, чтобы никто этого не видел. Его нынешние приятели меня не сильно жалуют.

При этих словах Кейтлин, шедшая в двух шагах позади, напряглась. Ее внутренний голос забил тревогу, а в последний раз, когда она его не послушалась, девушка осталась жива только благодаря Юэну.

Глава 9

ВОЙНА

Епископ подвела гостей к воротам. Вернее, к ржавому железному занавесу в самом центре стены, разрезавшей пополам широкую улицу. Кивнув стоящему рядом охраннику, она без лишних слов подняла занавес, и перед Юэном и Кейтлин открылась уходящая вдаль дорога с заросшими мхом домами по бокам. Они шагнули на потрескавшийся, покрытый снегом асфальт. Епископ и стражник, оставшиеся за воротами, смотрели им в спину.

Над головой мха не было, зато понизу он дополз почти до самого асфальта, поэтому Юэн и Кейтлин шли осторожно, ровно по середине, стараясь держаться подальше от опасного растения.

Девушка взяла Юэна за руку, и он чуть не подскочил от неожиданности.

— Ты заметил, чего тут не хватает? — спросила она.

Юэн удивился:

— Э-э-э... нет. И чего же?

— Детей, — ответила Кейтлин, наблюдая за его реакцией.

Юэн вдруг понял, что она права: за все время пребывания в Йорке путники не видели и не слышали ни одного ребенка, мало того — вообще никого моложе Юэна.

— Наверное, их держат где-то в безопасном месте?..

— Может быть, хотя это все равно странно: от детей всегда шум и беспорядок, а тут слишком тихо и спокойно...

С этим трудно было поспорить. Даже в «Заводном апельсине», при всей унылости послевоенной жизни, дети были шумной, визгливой, шkodливой и непоседливой бандой. Прятать их от чужих глаз долгое время было бы просто невозможно.

— Ну, и как ты думаешь, где они?

— Не знаю, Юэн. Мне почему-то кажется, что их тут вообще нет.

— В таком большом поселении этого решительно не может быть!

Кейтлин пожала плечами.

— Обними меня, — вдруг попросила она.

— Зачем? — опешил Юэн, но все же обнял ее за плечо и прижал к себе.

— За нами наблюдают. Пусть не думают, что мы что-то подозреваем.

Юэн внимательно посмотрел на спутницу сверху вниз. В ответ она улыбнулась — вымученно и тревожно.

— Думаешь, мы в опасности?

Девушка кивнула.

— Не волнуйся, в случае чего я тебя прикрою.

— Не сомневаюсь. Это случалось уже не раз. Куда больше меня волнует, кто прикроет тебя самого?

Юэн открыл было рот, чтобы сказать еще что-нибудь утешительное, но девушка жестом остановила его и показала вперед.

Перед ними, перегордив улицу, лежала на боку перевернутая фура, и в ее крыше была вырезана дверь. А рядом стоял человек в залатанном сером бомбере и кожаных

пштахах, не сводящий глаз с нежданных гостей.

— Кто вы такие и что вам нужно? — спросил человек.

По пути к воротам епископ сказала, что им нужен имам Хусейн. Юэн слышал слово «имам» впервые, но Кейтлин, казалось, оно было знакомо. Теперь Юэну пришла пора удивляться снова: его спутница улыбнулась человеку у дверей и сделала шаг вперед.

— *Ассалам алейкум*, — сказала она, и человек поднял брови почти что в ужасе. Придя в себя, он потрясенно вымолвил: «Салам», и Кейтлин тут же заговорила снова:

— Нам нужно поговорить с имамом.

— Э... Ладно, я... Идите за мной, — неуверенно пробормотал стражник, переводя взгляд с Кейтлин на Юэна и обратно.

Юэн молча кивнул и попытался скрыть улыбку при виде его растерянности.

* * *

Эта часть города не сильно отличалась от той, с которой они распрощались у железных ворот. Повсюду над улицами висел легким саваном тонкий слой мха, погружая их в зеленые сумерки.

Стражник шепотом советовался о чем-то со своим напарником и повел гостей к часовне, стоявшей на севере, напротив громадного обгоревшего здания.

— Похоже, люди часто обживают старинные церкви, — с интересом заметила Кейтлин.

— Потому что они — надега, — объяснил Юэн, который уже задумывался об этом. — В то время строили на века, камня на стены не жалели. Где найдешь лучшее укрытие?

— Вот это верно, — включился в разговор стражник. — Когда началась война, выжили в основном те, кто укрылся в подвалах, склепах и старых церквях.

— Наверное, камень не пропускает радиацию? — предположила Кейтлин.

— Что-то вроде того, — дружелюбно подтвердил стражник. — На нас бомбы не бросали, а вот на Шеффилд — да. И от Лидса, как говорят, одна дыра в земле осталась.

Стражник подвел их к небольшой боковой двери, сделанной из крепких темных досок и обитой ржавым железом.

— Это Чертова дверь. Не знаю, почему, но, сколько себя помню, столько ее так называют.

— Это чтобы черт мог бежать из церкви, — сказал Юэн.

— Серьезно? — удивился стражник.

— Так мне говорили. Причем изначально она была нужна совсем не для этого, хотя я и не помню, для чего, а потом уже так повелось...

— Век живи — век учись, — стражник широко улыбнулся и трижды постучал в дверь.

— Вы, случайно, не знаете человека по имени Дэниел? — вдруг спросила Кейтлин.

Стражник опять растерялся и ответил не сразу, изумленно уставившись на девушку.

— Что-то сегодня сплошные сюрпризы. Это было мое имя до тех пор, пока я не принял ислам. А что?

— И ваша мать...

— ...епископ Йоркский? Да, — коротко ответил стражник. — Но здесь ее не сильно любят, так что вы о ней лишний раз не заикайтесь.

Дверь чуть приотворилась, уткнувшись в наледь, затем изнутри раздалось женское бормотание, кто-то уперся плечом и как следует надавил, после чего дверь широко распахнулась.

— Фаид! — Женщина в проеме улыбнулась и погладила стражника по щеке.

— Привет, Фэрри, — ответил тот, нежно взяв ее за руку.

— Это кто? — спросила Фэрри, кивнув в сторону Юэна и Кейтлин.

— Они к твоему отцу.

— Заходите, а то замерзнете, — дружелюбно сказала Фэрри и шагнула в сторону, чтобы пропустить всех троих в церковь.

Уже с порога Юэн заметил удивительную особенность этого здания: так тепло ему не было с самого детства. Стены и пол были нагреты, и даже воздух был теплым и мягко обволакивал лицо. Пожалуй, для двух путников, плотно укутанных по-зимнему, было даже слишком жарко. Вслед за Фаидом, они сняли шарфы и перчатки, а потом и расстегнули плащи.

Юэн не выдержал:

— Почему у вас так тепло?

Фэрри улыбнулась:

— Отец был когда-то водопроводчиком. Когда у нас стало поспокойнее, он первым делом починил старый котел в церкви.

Юэн не верил своим ушам.

— Тут что, центральное отопление?

Фэрри гордо кивнула.

Только теперь Юэн заметил, что внутреннее убранство церкви, хоть и обветшав с годами, было лишено следов плесени и сырости — вечных спутников жилых помещений в послевоенной Англии. Краска на стенах не облупилась, кое-где висели ковры, почти не тронутые временем.

— Сколько же труда для этого нужно! А чем вы топите?

— Никакого труда, — раздался низкий голос из глубины здания.

В дневном свете, падающем из окон, возник невысокий худой человек. На нем был легкий халат, спускавшийся ниже колен, а голову украшала вязаная шерстяная шапочка.

— Система стояла нетронутой с войны. Когда цивилизация рухнула, металл обесценился, вот про нее и забыли. Так что, по сути, мне пришлось только добавить воды.

— Мой отец, имам, — объявила Фэрри.

Лишь когда имам подошел ближе, стало заметно, что он — уже старик с изборожденным морщинами лицом и седой бородой. Он улыбался тепло и приветливо, но зубов во рту почти не было.

— Добро пожаловать в нашу мечеть!

— Это самое... Салам, — наугад произнес Юэн, надеясь, что правильно запомнил слово.

Старик еще шире растянул свою беззубую улыбку и сердечно пожал Юэну обе руки.

— Проходите, гости дорогие, — восторженно сказал он и приглашающе повел рукой в сторону главной залы.

Детали архитектуры явно выдавали в мечети бывший христианский храм, однако поверх стен висели домотканые ковры с текстами на незнакомом Юэну языке. Никакой мебели в зале не было, лишь на полу в несколько слоев лежали ковры. Недалеко от двери находилась ниша в стене, отгороженная висящим ковром: специальное место для моления. Вокруг было тепло, тихо и очень уютно.

— Мое имя Хусейн. А вот вас я раньше не видел, хотя был уверен, что знаю в Йорке всех.

— Меня зовут Юэн, а ее — Кейтлин. Мы пришли ночью, из Карлайла.

— Ах, так вы и есть ночные гости?! — воскликнул старик, улыбнулся Юэну и внимательно посмотрел на Кейтлин. Та слегка отодвинулась, прячась за спину спутника, что было совсем на нее не похоже, и снова взяла его за руку.

— Ну что ж, вот вы и здесь. Что же вам нужно от старика?

— Мне сказали, что вы поможете найти людей, похитивших мою семью.

— Твою семью похитили?

— Да, люди в противогазах на грузовике.

— Где это случилось? — спросил Фаид из-за спины Юэна.

— В Глазго. С неделю назад.

— В Глазго? — воскликнула Фэрри.

— Вы проделали большой путь! — покачал головой имам.

— А вы бы не сделали то же самое? — спросил Юэн.

— Пожалуй, да, — задумчиво произнес старик. — Что ж, я действительно знаю, куда ты ищешь и где их можно найти.

— Откуда ты знаешь о них, отец? — спросила Фэрри.

— Трудные времена приводят странных союзников, — ответил имам. — Мне нужны были лекарства и материалы для ремонта, а в первые годы после войны найти их было непросто...

— Черный рынок? — спросил Фаид.

— Хуже, намного хуже, — отозвался имам. — Однако давайте не будем поминать старое. К тому же близится час молитвы... Прошу вас, идите за Фаидом и Файрузой: они отведут вас туда, где мы встретимся позже.

Вслед за человеком, которого раньше звали Дэниелом, Юэн и Кейтлин вышли из молельни и спустились по лестнице в бывшую церковную крипту, которую имам превратил в жилище для себя и своей семьи.

— Располагайтесь как дома, — сказал Фаид. — Я вернусь с имамом после молитвы.

— Спасибо, — сказал Юэн.

— Фаид! — позвала Кейтлин, когда мужчина был уже на пороге. — У нас кое-что есть для тебя. — И она дернула Юэна за руку.

— Если это от матери, я даже знать не хочу!

— Подожди, дорогой, — вмешалась Файруза. — Хотя бы посмотри, что она прислала. Какой от этого вред?

— Фэрри, от нее вечно одни неприятности.

— Но мать у тебя всего одна, — сказала та и вышла из комнаты.

Фаид помялся в нерешительности, затем покорно вздохнул, повернулся к Кейтлин и протянул руку. Юэн передал Кейтлин сложенный и скрепленный конверт, и девуш-

ка медленно положила его в ладонь Фаида.

— Прочитаю после молитвы, — сказал он и исчез за порогом.

В комнате, где остались Юэн и Кейтлин, было чуть прохладнее, чем в молельне наверху. Зато тут стояли старые кожаные кресла, а на полках вдоль стены выстроились книги, между которыми лежала всякая всячина.

Далекие звуки шагов и гул людей, собиравшихся в молельню со всех концов этой части города, навевали дремоту. Вскоре Кейтлин смежила веки, а затем и Юэн сдался и погрузился в сон.

* * *

Проснулся Юэн от прикосновения чьей-то руки и от запаха тушеного мяса. Над ним, улыбаясь, склонился имам Хусейн; одной рукой он тряс гостя за плечо, а в другой держал керамическую плошку, откуда поднимался ароматный пар.

— Ешь, пожалуйста, — сказал старик, протягивая плошку.

Юэн потряс головой, прогоняя сон, сел прямо и принял угощение из рук имама.

— Спасибо, — благодарно сказал он.

Рядом, на диване, Кейтлин жадно уплетала за обе щеки свою порцию; подняв голову над своей плошкой, она довольно улыбнулась Юэну полным ртом.

Мужчина тоже накинулся на варево из курицы, грибов и какой-то травы. Имам охотно пояснил, что это крапива. Впрочем, Юэну было все равно — главное, что вкусно. Он вдруг почувствовал, как много сил отнял у них с Кейтлин марш-бросок от Карлайла до Йорка.

Имам уселся напротив Юэна и терпеливо ждал, пока гости управятся с едой. Затем забрал плошки и ушел с ними в соседнюю комнату, но тут же вернулся, неся два пластиковых стакана с водой, и снова сел рядом.

— Теперь о деле, — сказал он Юэну. — Люди, которых ты ищешь, опасны. Ты готов идти за ними дальше?

— Конечно!

— Ну а ты, девочка? — спросил имам, повернувшись к Кейтлин. — Может, останешься с нами?

Та заморгала.

— Э-э... да. Конечно, это не моя семья, но я в долгу перед Юэном.

— Чем же ты ему так обязана?

— Жизнью, — просто ответила девушка.

— Тебе не обязательно идти со мной, — вдруг сказал Юэн: он вдруг подумал о том, что здесь Кейтлин сможет найти себе уютное пристанище.

Поразмыслив немного, девушка покачала головой, видимо в очередной раз доверившись чутью:

— Я пойду с Юэном. Но за предложение спасибо.

Имам кивнул, грустно глядя на девушку.

— В таком случае перед вами лежит коварный путь в места, куда нынче не ходит никто, — мрачно произнес он.

— Так-так, — покорно сказал Юэн.

— Люди, которых ты ищешь, пришли с юга, где дела очень плохи, — объяснил имам. — Они впервые появились в наших краях пять лет назад. Мелькали на горизонте, рыскали вокруг города, но близко не подходили.

- Откуда вы знаете, что они именно те, кто мне нужен? — спросил Юэн.
- Говорят, таких групп несколько, но все они возвращаются в одно и то же место.
- И что же это за место? — спросил Юэн.
- Лондон.

Как будто огромная гора обрушилась на плечи Юэну. До Лондона были сотни миль. Даже на машине епископа путь будет долгим и трудным.

Кейтлин, казалось, испытывала те же чувства: она внезапно посерела от беспокойства.

— Вам не дойти туда пешком, друзья мои, и не добраться по дорогам, — продолжил имам.

— Тогда как?

— Самолетов нынче нет, и, судя по тому, что рассказывают про обитателей рек и океанов, к ним тоже лучше не приближаться...

Юэн решил подождать, пока старик насладится драматической паузой. А вот Кейтлин не хватило терпения.

— Как? — спросила она, и в ее голосе мелькнули нотки отчаяния.

— Среди бродяг и старателей ходят слухи — подчеркиваю, только слухи, — что туда ходит поезд по железной дороге.

— Seriously? — спросил Юэн.

— Так говорят.

— Как до него добраться? — прищурилась Кейтлин.

— К сожалению, я не знаю, — сокрушенно ответил старик. — Но зато знаю женщину, которая вам поможет, если выполнит наше старое соглашение.

— Какое соглашение?

— Когда-то мы торговали с ней, и за ней остался должок, — имам явно не хотел вдаваться в подробности.

— Так ей и сказать?

— Этого должно хватить. Когда-то мы были друзьями.

— Где нам ее найти?

— Вот это самое трудное. Она живет в Донкастере.

— К югу отсюда, — вступила Кейтлин, заметив, что Юэну это название ни о чем не говорит.

— К югу? Там, где все плохо?

— На юге плохо везде, Юэн, — подтвердил старик. — Но Донкастер — это такое место, которое даже плохие твари обходят стороной.

Мужчине вдруг стало неловко за свое невежество.

— Почему?

— Потому что оттуда не возвращаются.

— И именно там живет ваш друг? — с недоверием переспросил Юэн.

— Да. Ее зовут Сара, а большего я не скажу. Если она жива, то поможет вам. Если нет — возвращайтесь, и мы подумаем, как быть дальше.

Юэн задумался.

— Что вы хотите за свою помощь?

— Ничего, — ответил старик, примирительно подняв руки. — Пророк, мир ему и благословение Аллаха, учил нас щедро делиться с теми, кто попал в нужду.

Юэн настороженно посмотрел на имама. Он был убежден, что ничего в этой жизни не делается просто так и что если сейчас старик ничего не просит взамен, значит, придется платить потом. Впрочем, выбирать не приходилось...

— Спасибо, имам Хусейн. Вы — очень щедрый человек.

— Если Сара жива, вы найдете ее в замке под названием Конисбро, на окраине Донкастера.

Старик протянул Юэну картонку с аккуратно начерченным планом местности. На другой стороне красно-зелеными буквами возвещалось о том, что «Корн Флейкс» — лучшие кукурузные хлопья в мире.

Путешественники встали.

— Еще раз сердечное вам спасибо, имам, — сказал Юэн.

— Не за что, — ответил старик, провожая гостей до двери, но у самого порога вдруг остановился и посмотрел на них очень серьезно.

— Прошу вас, друзья: если получится, не заходите в сам Донкастер. Старайтесь также держаться подальше от Лидса и Шеффилда. Каждое из этих мест проклято по-своему, а на вашем пути и без того с избытком опасностей.

После этого он вывел их на улицу.

* * *

Нехорошие предчувствия Кейтлин сбылись, едва они дошли до ворот, ведущих к нейтральному коридору перед христианской частью города. Откуда-то из-за спины раздался троекратный автомобильный гудок, и стражники, уже открывшие дверь в потолок опрокинутого автобуса, мгновенно закрыли ее снова, взлетели на горы коробок по бокам и направили стволы в сторону коридора.

Из мечети послышался топот, и шестеро человек окружили Юэна, схватили его за руки и надели старые, но крепкие наручники. Кейтлин не успела ничего сделать: на нее тоже набросились. Связав обоих, им зажали рты веревками, надели на головы воющие мешки, куда-то потащили и бросили в помещение, где пахло сыростью и землей.

— Лежите тихо, — сказал один из нападавших. — Тут всюду мох. Шевельнетесь — содохнете.

Несколько часов они пролежали в темноте, а снаружи доносились топот бегущих людей, встревоженные голоса и певучие молитвы. Поначалу пленники пытались освободиться от веревок, но нападавшие сработали на совесть, и вскоре Юэн и Кейтлин бросили эти попытки и дальше просто лежали на холодном полу.

Юэн уже потерял счет времени, когда за стеной раздалась глухая звуки перестрелки. Потом ухнуло несколько взрывов, один из них — такой силы, что земля под ними содрогнулась. Автоматные очереди послышались ближе, мерный такт отбивали выстрелы из дробовика.

Кейтлин прижалась к Юэну. Девушка не издавала ни звука, но Юэн чувствовал, как ее трясет.

За дверью послышались голоса, и кто-то подергал за ручку.

— Заперто! — донесся женский голос. — Скорее узнай, у кого ключ!

Раздался торопливый перестук убегающих ног и затих вдали.

— Лежите, я сейчас вас выпущу, — сказал из-за стены женский голос, и Юэн подумал: «Уж не епископ ли возглавила спасательную операцию?»

Еще один взрыв, на этот раз ближе, сотряс землю, и вслед за ним вдалеке послышался пронзительный крик боли, заглушивший даже монотонную перестрелку. Топот бегущих ног послышался снова, на этот раз он приближался, пока не замер у самой двери. Потом заскрежетал ключ в замке, и дверь со скрипом отворилась.

Юэна взяли за руку.

— Встань, — на этот раз говорил мужчина, и Юэну показалось, что это имам.

Он попытался повернуться, чтобы было удобнее вставать, но чужие руки удержали его на месте.

— Нет. Вставай прямо напротив меня. Ни шагу в сторону.

Юэн замер, вспомнив про убийственный мох. Потом с трудом, преодолевая боль в затекших мышцах, поднялся. Невидимый человек удержал его на ногах и снял мешок. На Юэна смотрело напряженное и усталое лицо имама. Рядом с ним Файруза с почерневшим лицом и блестящими глазами помогала встать Кейтлин.

Тесная комната, куда их затолкали, была почти вся покрыта мхом, как зеленым одеялом, но мох этот был другим: вверх из ровного покрова тянулись стебли, на которых поблескивали набухшие от влаги семена.

— Скорее, надо убираться отсюда! — сказал имам и вывел Юэна из комнаты, придерживая его за плечо.

За дверью имам освободил Юэна от кляпа и наручников. Юэн размял запястья и оглянулся на Кейтлин. На ее щеке багровел синяк и виднелись следы засохшей крови: те, кто схватили их, не особо церемонились с девушкой. Она отважно улыбнулась, но Юэн заметил, что руки у нее дрожат.

Они стояли в коридоре, который раньше был частью офисного комплекса, но теперь стены были покрыты сажей и серым порошком, проверенным средством против мха. Ни одна деревянная дверь не уцелела, и через пустые проемы бывших офисов в коридор лились изумрудные сумерки.

— Спасибо, что спасли нас, — сказал Юэн. — Но что тут у вас творится?

Имам Хусейн с дочерью переглянулись, затем посмотрели на Юэна и Кейтлин.

— То есть, вы не знаете? — спросила Файруза.

— Чего не знаем?

— Поговорим на ходу. Здесь оставаться опасно, — сказал имам и первым пошел по коридору к лестнице, ведущей вверх.

— Чего мы не знаем? — с вызовом повторил Юэн.

— Вы отдали Дэниелу конверт. Вы знали, что там? — спросил имам.

— Неужели все это из-за письма? — поразилась Кейтлин.

— Нет, мы не спрашивали, — отозвался Юэн.

Имам и Файруза опять мрачно переглянулись.

— Что? — спросил Юэн. — Что происходит?

— Минуту, — сказал имам.

Они как раз дошли до лестницы. Рядом, в конце коридора, стоял железный шкаф. Фэрри вынула из него рюкзаки и оружие и отдала их Юэну и Кейтлин. Лицо ее ничего не выражало, но Юэн заметил, что глаза у нее покраснели от слез.

— Пожалуйста, расскажите, что случилось, — умоляюще попросил Юэн.

Файруза вдруг схватила его за руки и пристально посмотрела в глаза.

— Кто дал тебе это письмо, Юэн?

— Его мать, епископ.

— Опиши ее, — попросил имам и пошел вниз по лестнице.

Юэн задумался, пытаясь восстановить в памяти образ пожилой женщины.

— Высокая, худая, седая. Всегда в чистой и красивой одежде.

Имам кивнул:

— Да, это она.

Фэрри сгорбилась, отпустила Юэна, а затем повернулась и пошла вслед за отцом.

— На улицах надо быть осторожнее. Пойдем окольными путями, пока не доберемся до военного лагеря у собора, — чуть не плача, сказала она.

Юэн по-прежнему ничего не понимал и повернулся за помощью к имаму.

— В конверте были живые споры мха, — имам, казалось, был подавлен. — Фаид вдохнул их, как только распечатал письмо, Юэн.

— Господи! — послышался сзади голос Кейтлин.

Только теперь до Юэна дошло случившееся.

— Мох напал на него?

— Он сам стал мхом. С живыми спорами все происходит до ужаса быстро. Фаид даже не успел с нами попрощаться...

Юэн похолодел от мысли о том, что Дженнифер сделала с родным сыном и как близко от смерти находились они с Кейтлин, когда несли конверт через полгорода и когда лежали связанные в подвале рядом с живыми спорами мха.

— Простите, я не знал, — хрипло произнес он, спускаясь по лестнице за Файрузой, хотя и понимал, насколько пусты сейчас эти слова.

— Разве ты мог узнать и выжить? — грустно улыбнулся имам.

Выйдя из здания, они перебежками добрались до ближайшей линии домов, прошли ее насквозь и двинулись на юго-восток. В какой-то момент они оказались на открытой улице и, вслед за Фэрри, бросились ничком на асфальт.

Неподалеку, за стеной, спорили два христианских солдата.

— Ничем хорошим это не кончится, — сказал один.

— Ты так думаешь?

— Я знаю.

— Ну и зачем тогда приперся, Альберт?

— Так она же сказала: прийти всем до одного! Тупой, что ли? Попробуй, поспорь с ней.

— Значит, пускай насильно обращают в свою веру, а мы будем сидеть, сложа руки? Вот так ты думаешь? — голоса стали удаляться, продолжая разговор на ходу.

— Нет, брат, я вообще ничего не думаю. В наши дни иметь собственное мнение опасно, — ответил Альберт.

— Тут ты, может, и прав, Берти, но все равно это не дело: похищать всех, кто приходит в город, дурманить их и обращать в свою веру. Ты подумай, епископ дело говорит!

— Ну, я тебе так скажу... — Больше ничего разобрать было нельзя; Файруза осторожно заглянула за стену и показала жестом, что путь свободен.

Они перебежали дорогу и укрылись в тени еще одной линии домов, с террасами.

— Отец, ты был прав: они их используют, — сказала Фэрри.

— Нас? Для чего? — спросила Кейтлин.

— Епископ была в ярости, когда ее сын принял ислам, — объяснил имам.

— Он сделал это ради меня, — сказала Фэрри. — Я не хотела и не могла отказаться от своей веры, и тогда он отказался от своей ради нашей любви.

— По правде говоря, он не особенно верил в бога, ни в исламского, ни в христианского. Он просто очень любил мою дочь.

Файруза отвернулась, пряча глаза, но не смогла подавить горького и безысходного рыдания.

— И теперь они утверждают, будто вы насильно обратили нас в мусульманство? — спросил Юэн.

— Видимо, да, — ответил имам. — Епископ уже давно обвиняла нас в этом, но без доказательств ничего не могла предпринять.

— То есть, получается, она все подстроила? — изумился Юэн. — Но откуда она знала, как вы поступите с нами? И что мы вообще отдадим письмо?

— Наверное, она и сама не знала, как все сложится, — ответила Файруза, осторожно идя по первой по заросшему мхом палисаднику.

— Идите по снегу! — сказал имам, замыкающий цепочку, и подстраховал Кейтлин, чтобы она не упала в мох. — Она хорошо понимает фанатиков, потому что сама фанатик.

— Что вы имеете в виду? — спросил Юэн.

В вопросах религии он был беспомощен. В его жизни в Шотландии религия была делом десятым. Впрочем, после войны многие забыли о церковных канонах: на первый план вышли проблемы выживания. К тому же бог, допустивший планетарную катастрофу, резко утратил популярность. В первые послевоенные годы еще шли пересуды о том, удалось ли спастись религиозным лидерам, но прошли десятилетия, от них не было известий, и все решили, что раз уж прожили все это время без них, то как-нибудь проживут и дальше...

— Фанатики моей общины хотели забить вас камнями до смерти, — грустно сказал имам.

— Камнями? — Юэн вытаращил глаза. — Забить камнями?

— Какая-то дикость... — поморщилась Кейтлин.

— Действительно, дикость. Поэтому мы вас и вытащили оттуда, — согласился имам. — Я не сторонник мести. Наоборот, я учу любить ближнего своего. Но это трудно даже в хорошие времена, а нынче времена нехорошие.

Юэн посмотрел на спину женщины, которая молча уводила их подальше от опасности, и подумал, сколько же в ней отваги и самоотречения! Чужаки невольно стали пособниками в убийстве ее любимого мужа, а она за это спасает им жизнь. Он понял, что восхищается ее храбростью и верностью идеалам отца.

Фэрри остановилась перед старой каменной стеной, поверху которой шла ржавая металлическая изгородь, и безучастно сказала:

— Вот и стена.

Юэн не мог подобрать слова, чтобы выразить все свои чувства, и просто кивнул, а вот Кейтлин молчать не стала:

— Я никогда не забуду, чего вам стоило помочь нам!

— Вы принесли в мою жизнь боль и страдания, и дальше все будет только хуже, — сказала Файруза. — Я не желаю вам зла и не хочу, чтобы вас убили по воле этой хитрой мерзавки, но и простить не могу.

Кейтлин грустно кивнула и оглянулась на Юэна. В это время заговорил имам.

— Никто не ходит на юг пешком, это почти верная смерть. Но если вы останетесь здесь, смерть будет еще вернее, — он положил руки им на плечи. — Да хранит вас Аллах от всякого зла в этих дьявольских землях!

Затем старик взял за руку Файрузу, и они ушли, не говоря больше ни слова и не оборачиваясь. Юэн же и Кейтлин забрались на стену и окинули взором жуткие обугленные развалины за пределами старого Йорка. Несколько минут оба молчали, потрясенные увиденным и произошедшим, а потом мужчина произнес:

— Ну что, двинулись?..

Глава 10

БЕГСТВО

Спуститься со стены оказалось на удивление легко: с железной изгороди прыгнули на камень, оттуда — на заснеженную улицу.

Дома за границей старого города сохранились далеко не так хорошо, как внутри. Те, что уцелели во время пожаров, были снесены тяжелой техникой или разрушены. Под ногами скрипел снег, все вокруг было в сугробах, и холодный ветер обещал подкинуть добавки. Аккуратно ступая по неровной земле, Юэн и Кейтлин направились через развалины к кучке уцелевших зданий.

Далеко за их спинами, в беспокойном городе Йорке, снова разгорелась перестрелка. Над стеной и над крышами домов всколыхнулась струя пламени. Юэн и Кейтлин переглянулись и ускорили шаг.

Приблизившись к уцелевшим домам, они увидели, что это не более чем выгоревшие бетонные коробки без крыш: можно укрыться от глаз обитателей Йорка, но нельзя оставаться надолго. Ледяной ветер завывал в пустых дырах окон, как будто пел жуткую колыбельную остаткам былой цивилизации.

— Надо снова выйти к реке, — сказал Юэн, изучая карту имама.

Кейтлин дрожала от холода, обхватив себя руками, и выглядела жалко.

— Выходит, Юэн, ничего не меняется? — печально спросила она.

— В каком смысле?

— Ну вот, была война, все выжжено дотла, мир уничтожен, а люди по-прежнему рвут друг другу глотки за то, чего, может, и вовсе нет.

Юэн грустно кивнул:

— Я думаю, это часть человеческой природы. Возможно, худшая ее часть.

Покинув ненадежное убежище, они пошли на восток и почти сразу наткнулись на замерзшую реку, незаметную за домами. Как только путники ступили на твердый лед, начался легкий снегопад, и ветер поднял по реке поземку, как будто рябь на водной глади. То там, то тут виднелись вмерзшие в лед катера, чьи владельцы когда-то пытались уйти от войны по реке. Теперь от них остались только ржавые жестянки да пожелтевшие кости, торчащие из снега.

Повернувшись спинами к Йорку и к ветру, мужчина и девушка поплелись вперед, петляя вместе с рекой в сторону юга, навстречу всему, от чего их пытались уберечь.

* * *

Они двигались быстрым шагом около часа, после чего река разделилась на два рукава. Юэн решил пойти по тому, что шире, и вскоре путники услышали приглушенное журчание. Юэн взял в руки автомат. Кейтлин, заметно нервничая, шла за ним, глядя в ту сторону, откуда доносился звук.

— Давай сойдем с реки, — вдруг сказал Юэн, снова закинул автомат за плечо и вышел на левый берег, утыканный скелетами деревьев и кустов.

Кейтлин пошла за ним; страх в ней сменился любопытством.

— Что там такое?

— Не знаю. Но если это то, что я думаю, лучше нам стоять на твердой земле, — ответил Юэн.

Ступая по берегу, они обошли странный бугор посреди реки, и тут Юэн замер, и на губах его заиграла улыбка.

— О... — сказала Кейтлин, не особо удивившись.

Бугор оказался замерзшей запрудой. С южной ее стороны лед подтаял и провалился, и там, внизу, куда уходили острые клыки сосулек, весело журчала вода.

— Первый раз вижу на поверхности воду, — сказал Юэн.

— На юге ее много, — как бы между прочим заявила Кейтлин.

— Неужели там нет льда?

— Как же нет... Все им затянута, — ответила девушка. — Все, кроме рек. По крайней мере, в большинстве случаев они уже больше похожи на реки.

Юэн не мог в это поверить. Кейтлин пожала плечами:

— Тут же север, ближе к Арктике...

Юэн переварил информацию и пошел вниз по течению.

— Как думаешь, мы сможем и дальше идти по льду? — спросила Кейтлин.

Вместо ответа Юэн огляделся по сторонам, выдернул из снега подходящую палку, вытащил нож и обстругал сучья. Затем он спустился к реке и постучал концом палки по льду. Звук получился глухой.

— Должен выдержать. Если бы вода была рядом, звук был бы другим.

Кейтлин осторожно вышла на лед, и они двинулись дальше.

Когда путники покинули Йорк, спускались сумерки, а теперь уже заметно стемнело. Дальше идти было опасно: с каждой минутой становилось все труднее смотреть под ноги. В поисках укрытия они набрали на старую баржу, вмерзшую в лед посреди реки. На первый взгляд посудина казалась ветхой, но лед держал ее крепко, и крыша из стеклопластика прекрасно выдержала испытание временем.

Юэн залез на борт и помог подняться Кейтлин. Вокруг, насколько хватало глаз, лежали пустые белые поля, грозно и призрачно мерцающие в свете луны, пробившейся сквозь тучные облака.

Юэн прикладом сбил с двери висячий замок, затем достал пистолет — оружие, более подходящее для узких коридоров, — и шагнул в темноту салона.

Когда-то это была прогулочная баржа, и сразу за маленьким камбузом, где стояли нетронутый чайник, сковорода, кофейник и несколько чашек, располагалась широкая закрытая палуба, уставленная пластиковыми скамьями у сохранившихся окон.

Печки не было, а разводить огонь на палубе казалось слишком опасно, поэтому они, не сговариваясь, молча вынули из рюкзаков спальные мешки.

— Я пойду, все проверю, — сказал Юэн.

— А я забаррикадирую дверь, — отозвалась Кейтлин.

Баррикадировать особо было нечем, зато замок с внутренней стороны уцелел, поэтому девушка просто заперла дверь и связала ручки полотенцем, найденным на камбузе.

Тем временем Юэн отыскал туалет и вторую палубу, в точности похожую на ту, где они устроились на ночь, но нигде не нашлось ничего полезного. Он вернулся и залез в спальный мешок, положив рядом автомат, а пистолет спрятав в мешке. Кейтлин до-

стала из рюкзака расческу, на которой не хватало половины зубьев, и попыталась распутать волосы. Юэн долго наблюдал за ней, потом, наконец, сказал:

— Первый раз вижу тебя за этим занятием.

Девушка скривилась, вычесывая из волос комки грязи.

— Это потому что я его ненавижу!

Юэн лег и закрыл глаза. Он слышал, как Кейтлин забралась в свой мешок, и уже очень скоро ее дыхание стало размеренным и ровным, как у спящего.

А вот Юэн уснул не скоро, лежа на полу заброшенной баржи посреди замерзшей реки в сотнях миль от дома, от семьи и от жизни, которую он отвоевал у жестокого мира.

Всю свою взрослую жизнь он слышал истории о землях к югу от Шотландии: белоснежных пустынях, усеянных опасными тварями, злыми людьми, ядерными отходами и чудовищными мутантами. Его никогда сюда не тянуло, он вообще был не любитель путешествий и загадок. Век бы не путешествовал.

Кстати о загадках: Кейтлин. Было в ней что-то не от мира сего, какая-то тайна, которую даже разгадывать не очень хотелось. Что-то подсказывало, что за этими голубыми глазами прячется гораздо больше, чем полагается для девушки ее лет. Она многое знала, и речь тут не только о таинственных прозрениях, но и о самом обычном, бытовом знании мира — даже тут она порой клала старшего товарища на лопатки. Да, он неплохо умел сражаться, чинить оружие и выживать: в туннелях Глазго длинные ночи, а заняться там особенно нечем. Зато Кейтлин хорошо знала мир за границами Шотландии и, видимо, по личному опыту. Он так и не решился задать ей этот вопрос, но... А если она — раболовец?

Юэн вздохнул, повернулся, пытаясь устроиться поудобнее, — и вдруг обнаружил себя лицом к лицу с Кейтлин: глаза ее были открыты и смотрели прямо на него. Мужчина сначала смутился, а потом испугался: внутренний голос шепотом поинтересовался, не читает ли она его мысли?

— Не спится? — спросила девушка. Он мотнул головой.

— Ничего, это бывает. Повернись спиной.

Юэн неуверенно отвернулся и почувствовал, как Кейтлин придвинулась к нему вплотную. Ее рука легла на его широкое плечо. Рядом с ним девушка казалась очень хрупкой, но — странное дело! — ему стало уютнее и спокойнее. Нет, у него нет ни сил добиваться от нее признания, ни желания знать, какого черта она делала в разрушенном доме в Карлайле.

Последнее, что он успел подумать, прежде чем провалиться в сон: «Какая-то у нас странная дружба...»

* * *

Красный и злой, первый луч рассвета пробудил обоих путников сразу, ворвавшись через окно. Кейтлин замычала и ушла с головой в свой спальный мешок, превратившийся в бесформенный ком. Юэн, напротив, потянулся и вылез наружу, аккуратно выглядывая в окно.

За ночь над рекой образовалась легкая морозная дымка, мерцавшая теперь в ярких лучах рассвета. Откуда-то на берег стремительно спикировала птичка и стала мерить лапами снег в поисках пищи. Юэн, затаив дыхание, наблюдал за этим чудом, но вдруг его восхищение сменилось ужасом: небольшой сугроб рядом с птицей словно

взорвался изнутри, мелькнули чешуйчатое тело, зубы, когти, перепачканная в крови морда — и птица исчезла в пасти хищника.

Зверь уселся, довольно жуя добычу. Он был размером с небольшую собаку, хотя внешне больше напоминал кошку, только в крепкой чешуе и с длинным белым мехом. А еще у него были желтые глаза рептилии и короткая, но широкая морда.

Доев, зверь поднялся на четыре коренастые лапы и растворился в снежном пейзаже. Юэн не мог отвести глаз с того места, где он только что лежал, потом потряс головой и запаковал спальные мешки. Когда Кейтлин вернулась, он уже завтракал.

— О, спасибо! — сказала девушка, увидев, что ее спальный мешок уже собран.

— Не за что, — ответил Юэн и протянул ей кусок сушеного мяса.

За ночь на окнах собралась влага. Теперь она замерзла, и каждая льдинка блестела на утреннем солнце.

— Красиво, — сказала Кейтлин с набитым ртом.

Когда путники вышли из баржи, их тут же окатила волна холода — только теперь стало понятно, насколько теплее было внутри. Внезапно Кейтлин остановилась, глядя под ноги, потом села на корточки и очистила из-под снега маленькое железное кольцо, прикрепленное к чему-то на манер ручки. Девушка подняла голову на Юэна, тот жестом попросил ее подождать, снял с плеча автомат и кивнул.

Кейтлин дернула за кольцо, но дверца (если, конечно, это была она) не открылась. Где-то с минуту Юэн наблюдал за потугами спутницы, потом отложил в сторону автомат и пришел к ней на помощь. Вдвоем они победили оковы снега и льда, дверь подавалась, открыв крохотный схрон. Юэн пинком отбросил дверцу назад, заглянул внутрь и восторженно присвистнул. Там лежали две закрытые пластиковые бутылки с водой,

рядом устроились коробок с надписью «Спички штормовые», мобильный телефон и светло-желтый дозиметр.

— Ух ты! — сказала Кейтлин, схватила коробок и потрясла его, но тут же расстроено опустила руки: оттуда не послышалось ни звука.

Юэна больше интересовал дозиметр. Он был сантиметров 15 в длину, узкий, с цифровым дисплеем. Мужчина покрутил прибор в руках, но так и не понял, где у него батарейки. На обороте не было ни винтов, ни шурупов, только буквы на пластике с гордостью сообщали, что прибор водонепроницаем. Юэн огорченно посмотрел на Кейтлин. Та как раз решила открыть коробок и расплылась в улыбке: на пол из него вывалился комок ваты, и тут же внутри загремели спички.

— Отлично! — воскликнул Юэн, радостно вскинув руки вверх. Желтый дозиметр тут же пискнул, так неожиданно, что он едва не выронил его. Юэн посмотрел на прибор, но дисплей не подавал признаков жизни. Для верности мужчина повторил свой радостный жест: поднял руки к небу. Попав на солнце, прибор снова слабо пискнул.

Юэн повернул дозиметр к солнцу. Экран заморгал, и через какое-то время на нем проявились буквы: «НИЗКИЙ ЗАРЯД БАТАРЕИ».

— Какая чудная вещица! — сказала Кейтлин на вздохе, слегка подпрыгивая. — И дорогушая!

— Я знаю, — ответил Юэн, бережно держа дозиметр, словно тот был стеклянным. — Причем чем южнее, тем от него больше пользы.

Кейтлин достала бутылки с водой и мобильный. Под бутылками лежали две плитки шоколада, на которые она даже не взглянула, и сложенный вчетверо лист бумаги. Девушка аккуратно развернула его, Юэн встал рядом, и они вместе прочитали найденную записку:

Дорогой Джон!

Оставляю тебе спички и кое-какие припасы. Счетчик совсем новый, но почему-то не пашет, так что его тоже оставляю. Я увезла детей на лодке к матери. Будем ждать тебя там. Мы тебя любим и целуем.

Мэнди.

Юэн поглядел на Кейтлин и по ее глазам понял, что девушка чувствует то же, что и он.

— Думаю, Джону это уже не понадобится...

Кейтлин кивнула, положила записку на место и, навалившись всем весом, закрыла дверцу.

— Я понесу его в руке: пускай зарядится, — сказал Юэн, махнув дозиметром.

— Тебе так долго придется идти. Лучше отдай мне, у тебя же автомат, — предложила девушка.

— Да, правильно, — согласился Юэн.

— Как думаешь, Мэнди бросила дозиметр, потому что не поняла, как он работает? — спросила Кейтлин.

— Думаю, да, — ответил Юэн, наблюдая за ее реакцией.

Девушка печально улыбнулась, представляя себе растерянную женщину с детьми, потом передернула плечами и отвернулась.

Покинув баржу, приютившую их на ночь, они пошли дальше, вниз по течению замерзшей реки. И чем дальше они продвигались, тем больше беспокоил Юэна лед под ногами. То тут, то там слышался треск или стон, а через два часа путники вышли к месту слияния двух рукавов. Тут уж Юэн решил высказать свои опасения вслух:

- Я думаю, Кейтлин, дальше по льду идти опасно.
- Согласна. Звук стал совсем другой, и иногда мне кажется, что лед пружинит.
- Давай попробуем продержаться как можно дольше: все-таки по реке идти легче, чем по берегу? — добавил он, и девушка покорно кивнула.

Они сошли с реки у моста, в местечке под названием Кэйвуд (так было написано на указателе, стоявшем на берегу). К тому времени лед стал совсем тонким и местами был покрыт тонким слоем воды.

Осторожно забравшись на берег, путники внимательно осмотрели разрушенную деревню, лежащую перед ними. Юэн, не скрывая удовольствия, взял в руки дозиметр и помахал им вокруг себя, проверяя уровень радиации.

Надпись на дисплее изменилась: теперь она гласила не «НИЗКИЙ ЗАРЯД БАТАРЕИ», а «БЕЗОПАСНЫЙ УРОВЕНЬ».

- Я думала, тут будут не только буквы, — протянула Кейтлин, глядя на дисплей.
- А это как я захочу, — сказал Юэн и нажал на резиновую кнопку рядом с экраном.

Надпись исчезла и сменилась цифрами: «0,075 мбэр»; Юэн нажал снова, и вновь на дисплее загорелось «БЕЗОПАСНЫЙ УРОВЕНЬ».

- Если надо быстро убегать, то чем проще, тем лучше.

Кейтлин кивнула.

Судя по ее виду, деревню Кэйвуд разрушили не бомбежки. Скорее, ее стубили морозы, бури и пожары, вызванные крахом цивилизации, потянувшей за собой на тот свет заодно и систему противопожарной безопасности. По мосту, у которого они вышли на берег, тянулась дорога, и Юэн прикинул, что она ведет примерно в нужном им направлении. Сверившись по компасу, он показал на юго-запад:

- Пойдем туда.
- По дороге? — с сомнением спросила Кейтлин.

Дорога не была запружена погибшими автомобилями, как шоссе от Карлайла до Йорка, но все равно, брошенные остовы машин и грузовиков торчали то тут, то там, насколько хватало глаз.

— Теперь что по дороге, что не по дороге — по-всякому опасно, — ответил Юэн. — Тут хоть указатели есть...

* * *

По дороге и впрямь шагалось легко, и сгнившие автомобили почти не мешали. По пути Юэн видел еще двух котоподобных существ и показал их Кейтлин. Существа почти: не обращали внимания на путников и, казалось, полностью погрузились в поиски пищи в заснеженных полях.

Путники двигались привычным быстрым шагом, и через час дорога резко повернула на юг. Юэн остановился, сверился с компасом и уткнулся в карту. В это время Кейтлин заметила указатель с надписью: «A1 (Север, Юг) Донкастер» и обратила на нее внимание спутника. Мужчина кивнул, и они двинулись в ту сторону.

Дальше долго шли без происшествий. Прошли под бывшим железнодорожным мостом, где застрял навеки длинный поезд с надписью «Virgin» на борту; видели еще несколько снежных кошек и даже самого обычного кота, чья жизнь, судя по его виду, была полна страха, боли и унижений. Наконец, после еще одного резкого поворота на запад, у голого перелеска, путники очутились на развязке с просторным шоссе и остановились на мосту, глядя на застывший плотный поток из ржавых автомобилей.

— Неужели везде так? — грустно спросила Кейтлин.

— Везде, где я был.

Девушка уныло вздохнула и вдруг спросила:

— Юэн, а что с дорогой?

Мужчина посмотрел на шоссе, но ничего необычного не заметил. Асфальт, конечно, потрескался, но выглядел довольно крепким. Пожав плечами, он недоумевающе взглянул на спутницу.

— На ней нет снега, — пояснила она.

И тут Юэн понял, что она права: сугробы громоздились на машинах, но на асфальте не было ни снежинки.

— Понятия не имею, но нам это только в плюс. Идти будет легче.

— Нет, Юэн, стой! — закричала Кейтлин и ухватила его за рюкзак. — Так не бывает, чтобы все вокруг под снегом, кроме дороги!

Юэн нахмурился. Конечно, она говорила дело, но как же ему хотелось, чтобы хоть раз в жизни все было просто!

— Вспомни, что питается влагой? — не отставала от него девушка.

— Йоркский мох...

— Вот!

— Да, только что-то его не видно. Давай подойдем поближе?

— Только осторожно, Юэн! — умоляюще сказала девушка.

Они спустились с моста, подкрались к обочине шоссе и тут увидели, что вся поверхность дороги покрыта какой-то маслянистой пленкой. Юэн подобрал палку и ткнул в асфальт, но тут же бросил ее и с криком отскочил: раздался мягкий хлопок, и от поверхности дороги поднялось и повисло в воздухе облако спор. Вне себя от ужаса, путники бросились прочь от дороги, падая в снег и карабкаясь на четвереньках, и успокоились, только забравшись на какой-то перекошенный забор, вдали от темного облака, висящего над шоссе.

Недалеко, среди белоснежного поля, сидело котоподобное существо и с любопытством наблюдало за ними. Отдышавшись, Юэн повернулся к девушке:

— Да уж, по дороге пусть епископ ходит...

И они зашагали по полю.

На ходу Юэн оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на снежную кошку, но ее уже не было. Укрыться зверю было негде, и мужчина решил, что он исполнил тот же фокус с исчезновением, который он наблюдал утром, из окна баржи. Он мысленно поблагодарил небеса за то, что чертовы твари такие маленькие, и пошел по следам Кейтлин, уткнувшись лицом в шарф так, что под шляпой видны были только глаза. Но через двадцать минут им пришлось остановиться: впереди лежал узкий проход между шоссе и четырьмя полузамерзшими прудами. Кейтлин встала как вкопанная, и на лице ее отразилась тревога.

— В чем дело? — обеспокоенно спросил Юэн, разглядывая пруды.

— Не знаю. Может быть, и ни в чем...

Однако она не двигалась с места. Юэн ждал, но ничего не происходило.

— Ну что, другой дороги нет. Разве что в обход, через поля. — И он показал вдаль, где, с той стороны прудов, виднелись заснеженные деревья и кусты.

Кейтлин чувствовала, что любой путь небезопасен, но надо было как-то идти вперед, и она, скрепя сердце, шагнула на узкую полоску снега. Юэн пошел следом, сам весь как на иголках, постоянно озираясь по сторонам.

Они уже миновали первые два пруда, когда он заметил, что льдины на поверхности воды пришли в движение. Потом лед в середине пруда вдруг проломился, и на поверхности показалась чья-то голова, до жути похожая на человеческую. Два глаза уставились прямо на путников. Те, оцепенев, застыли на месте. Так они и смотрели друг на друга, после чего голова вновь скрылась под водой, а льдины заколыхались, как будто под ними в сторону перепуганных людей направилось какое-то массивное тело.

Юэн схватил Кейтлин за руку, собираясь рвануть назад — туда, где спасение было ближе. Но от того, что он увидел, когда оглянулся, сердце ушло в пятки, а ноги разом ослабели: в самом начале прохода, на безопасном расстоянии от пруда, сидели полукругом десятка три снежных кошек и смотрели на него и Кейтлин оч-чень нехорошими глазами.

Девушка больно ущипнула его и побежала. Опомившись, Юэн помчался за ней, на бегу снова схватил за руку и потащил за собой. Снежные кошки немного помаялись, а потом, сообразив, что добыча вот-вот уйдет, бросились в погоню.

Юэн знал, что им не уйти, но спасение пришло с неожиданной стороны. Тварь из пруда плыла туда, где они только что стояли, и достигла этого места одновременно со стаей снежных кошек. Из воды вырвалась омерзительно жирная, толстокожая туша. Вблизи голова твари больше напоминала тюленью, но ее огромные руки были совсем человеческими, если не считать перепонки между пальцами.

Юэн и Кейтлин бежали, что было сил, не оглядываясь, и не видели, как озерная тварь схватила нескольких снежных кошек и нырнула с ними под воду; остальные бросились врассыпную. Те кошки, что по дурости выскочили на дорогу, взвыли от боли: ядовитые алкалоиды мгновенно просочились через их чешуйчатую кожу. Но уже через мгновение вой стих, и тела хищников беззвучно задержались в облаке пыли от засохших спор.

Кейтлин неслась, не разбирая дороги. Взлетев на вершину холма, она чуть было не съехала вниз, к реке.

— Стой! — крикнул Юэн и рванул ее за пояс, так что ноги девушки по инерции повисли в воздухе. Не удержав равновесия, мужчина рухнул в снег, вместе со спутницей. Кейтлин упала прямо на него, и Юэн ощутил на своем лице ее жаркое дыхание.

Он осторожно откатил девушку в сторону, поднялся на одно колено и подобрал автомат. Несколько снежных кошек по-прежнему подбирались к ним, но теперь уже медленно и с опаской. Остальные вновь сбивались в стаю на той стороне, не решаясь перейти пруды. Видно, это были хищники-одиночки, которые собираются вместе лишь по особым случаям, когда попадется слишком крупная жертва.

— Надо перейти реку, — сказал он, пытаясь отдышаться. — По мосту или по льду?

— По льду, — не задумываясь, ответила Кейтлин. — Лучше промокнуть, чем сгнить во мху.

Юэн достал из рюкзака провод и, привязав один конец к ее правому запястью, командовал:

— Вперед!

— Подожди! А если ты провалишься?

— Брось меня и иди дальше. Все равно тебе меня не вытащить.

Она кивнула.

Лед стонал и скрипел под ногами. Они шли медленно, стараясь держаться как можно ближе друг к другу, на длину провода. Подо льдом, прямо под их ногами, ощущалось течение. У берегов, где лед был совсем тонким, вода виднелась даже на поверхности.

Юэн уже ступил на берег и протянул руку Кейтлин, когда лед на середине реки громко затрещал. Крепко держась за мужчину и карабкаясь вверх, Кейтлин оглянулась и увидела жирную руку с камнем: пробив полынью во льду, она снова исчезла.

— Ходу! — крикнул Юэн. Путники бросились бежать вдоль шоссе и не останавливались, пока из кармана мужчины не раздался тревожный писк.

Юэн вынул дозиметр и повернул его к солнцу. Через несколько мгновений батарейки чуть подзарядились, и на дисплее тускло показалась надпись: «ОПАСНО!», а затем — «СМЕРТЕЛЬНАЯ ДОЗА ЧЕРЕЗ 17 мин 52 с».

— Твою мать! — выругался Юэн, бросил рюкзак на землю и вырвал оттуда два защитных костюма, доставшихся от Марлы. Один из них он бросил Кейтлин, чертыхаясь, залез во второй и натянул респиратор. Девушка сделала то же самое.

— Надо бежать! Назад нельзя, и я не знаю, насколько далеко бьет это излучение! — прокричал он ей.

И они опять побежали.

* * *

Источником радиации оказались остатки электростанции, торчащие среди заснеженных груд угля, некогда утолявших ее голод. Объект был уничтожен тактической ядерной боеголовкой: от восьми башен охлаждения остались только поломанные зубья из оплывшего бетона, все прилегающие здания тоже были разрушены.

В затуманенных окулярах показался соседний город, которому досталась та же судьба, но они все бежали и бежали, пока не поняли, что шоссе перекрыло им путь: на очередной развязке от него отходили еще две дороги, заросшие все тем же мхом.

Юэн остановился. В костюмах было жарко, и он весь вымок от пота: на холоде, в снегу, это могло стоять ему жизни. Разглядывая развязку и думая, что делать дальше, мужчина достал дозиметр. На дисплее мерцало: «БЕЗОПАСНАЯ ДОЗА». Оглянувшись, он не увидел ни снежных кошек, ни следов озерной твари.

Юэн снял респиратор.

— Думаю, пора вылезать из этих душегубок, — сказал он Кейтлин, и они осторожно сняли защитные костюмы. Потом Юэн сложил их и упаковал в рюкзак, вместе с респиратором. Кейтлин уже успела спрятать свой респиратор и ждала, когда он закончит.

— Там была еще одна дорога. Под мостом на шоссе, — сказала девушка, показывая назад.

— Пойдем поглядим, — Юэн повернулся и пошел обратно по своим следам.

Долго оставаться на холоде было нельзя: мокрая одежда высасывала все тепло из тела, и Юэн уже начал замерзать. Кейтлин было ничуть не лучше, но никакого укрытия вблизи не наблюдалось.

Дойдя до моста, по которому проходило шоссе, они и в самом деле обнаружили под ним небольшую дорогу, точно так же запруженную остовами машин, но зато покрытую снегом.

— Здесь безопасно, — сказал Юэн и первым отважно ступил на обочину.

К югу от них раскинулись поля, на севере и западе виднелись развалины большого города. Протиснувшись между двумя тесно вставшими автомобилями, Юэн протянул руку девушке, и тут со стороны города донесся знакомый вой. Кейтлин побелела и застыла на месте, глаза ее округлились от страха.

— Не волнуйся, — успокоил Юэн. — У нас есть еще полдня, чтобы убраться отсюда.

Ближе к вечеру, когда они шагали через поля на юг, с севера приплыли тяжелые свинцовые тучи, а потом мир внезапно исчез: начавшийся без предупреждения буран погрузил все вокруг в беспросветную белую мглу. Хотя Кейтлин и Юэн держались недалеко друг от друга, каждый из них внезапно оказался в полном одиночестве посреди бешеной метели.

— Стой на месте! — заорал Юэн, стараясь перекрычить ветер, и медленно двинулся туда, где девушка была минуту назад.

Ему повезло; она стояла там же, обхватив себя руками и дрожа не то от холода, не то от страха.

— Все в порядке? — крикнул он, сам себя едва слыша.

Кейтлин потрясла головой.

— В чем дело?

Она придвинулась к нему и прокричала в самое ухо:

— А вдруг сейчас они выйдут? Солнца-то нет!

Этот вопрос застал Юэна врасплох. Их положение внезапно показалось ему совсем безрадостным: мало того, что они промокли, попали в буран и сбились с пути, так еще, возможно, по их следам идет свора адских псов!

Юэн осознал, что у него нет ни малейшего представления о том, что теперь делать. Все, что он мог сейчас предложить, — попытаться найти какое-то укрытие или вырыть небольшую пещеру в снегу. Однако в мокрой одежде это была бы верная гибель.

Кейтлин увидела ужас и растерянность на его лице и поняла, что, если немедленно что-нибудь не сделать, они погибнут. И что-то вдруг как будто проснулось в ней.

Лицо девушки потеряло всякое выражение, а зрачки расширились так, что глаза потемнели. Схватив Юэна за руку, она куда-то потащила его через снег с такой силой, какой он в ней не подозревал.

Юэн слепо бежал за ней через метель, и ветер кричал в его ушах, как тысяча чертей, пока Кейтлин вдруг не остановилась. Мужчина увидел впереди какой-то смутный силуэт и, шагнув вперед, уперся в большой, обитый железом фургон. Буран ненадолго ослаб, и Юэн сумел разглядеть на его крыше трубу и поднимающиеся из нее клубы дыма.

Обойдя фургон и остановившись перед закрытой железной дверью, Кейтлин громко постучала в нее кулаком и, когда та отворилась, пролив на путников немного света, без чувств упала на порог. Юэн бросился к ней и оказался у самых ног огромного человека в бронежилете, выставившего вперед дуло дробовика.

— Кон ту сан? Ром или гаджо?[3] — спросил человек, уставившись на Юэна, облепленного снегом.

— Что? Не понимаю! — прокричал тот.

— Полэса романэс?[4] — спросил еще раз великан, потом заметил Кейтлин, поставил дробовик в угол и помог Юэну занести ее в фургон.

Уже за порогом он остановился и сказал, на этот раз по-английски:

— Заходи, но не шуткуй. Ты в мой дом, я шутки не люблю.

Юэн кивнул и шагнул навстречу свету, теплу и вкусным запахам готовящейся еды. Дверь за его спиной захлопнулась, оставив яростный буран далеко позади.

Глава 11

ЦЫГАНЕ

В фургоне было так натоплено, что Юэн, ворвавшийся с мороза, почувствовал, как у него горит лицо.

— Меня звать Джорджем, а для своих — Джорди, — сказал здоровяк. — Одежку снимай, запаришься.

Юэн начал выбираться из стоящего колом плаща.

— Юэн, — представился он и кивнул в сторону девушки, привалившейся к стене. — А это Кейтлин.

Джорди скрылся в дальней части фургона, отгороженной занавеской. Юэн успел понять, что запах еды исходит из кастрюли, бурлящей на железной печке. Рядом стояла женщина лет двадцати с чем-то, которая помешивала варево в кастрюле и с любопытством разглядывала незваных гостей.

Без лишних церемоний сбросив плащ прямо на пол, Юэн содрал с себя шарф и шляпу и нагнулся над Кейтлин. Девушка была без сознания, но на ее щеках уже выступил румянец. Он аккуратно снял с нее плащ, шарф и перчатки и присел рядом, глядя ее по волосам и одновременно — с любопытством глядя по сторонам. Неожиданно Юэн понял, что фургон очень похож на тот, в котором они с Кейтлин ночевали на границе с Шотландией. Только этот, конечно, был обжит и обустроен: деревянная мебель отполирована до блеска, всякая полезная утварь лежала на полках и висела на стенах, а на приподнятой платформе у дальней стенки стояла мягкая кровать с подушками и одеялами.

— Твоя милашка? — вдруг спросила женщина, без тени улыбки.

Юэн улыбнулся, даже не зная, как ответить на этот вопрос, и помотал головой.

— Ой, что-то ты не уверен, — едко произнесла женщина.

— Она — мой друг.

— Как скажешь, — недоверчиво бросила та и отвернулась к кастрюле. — Меня зовут Лайла, я — жена Джорди.

Юэн кивнул. Хотя здоровяк был как минимум лет на двадцать старше Лайлы, таким союзам уже давно никто не удивлялся. В отличие от довоенных лет, выбирать особо не приходилось.

— Согреваться будем? — весело воскликнул Джорди, выходя из-за ширмы с двумя жестяными кружками в руках. Одну из них он протянул Юэну: — До костей проберет!

— Что это? — спросил Юэн.

— Попробуй, гаджо.

Юэн задумался, что означает слово «гаджо», но спрашивать не стал. Он взял в руки кружку, принялся и мгновенно узнал запах. Залпом осушив кружку, мужчина задержал драгоценный напиток на языке, наслаждаясь вкусом, и только потом проглотил. Тепло тут же растекалось по всем его внутренностям. Вкус был мягкий и богатый и не шел ни в какое сравнение с тем самогоном, что пили в Глазго.

— Ну, что скажешь? — здоровяк ухмыльнулся во весь рот, явно довольный произведенным эффектом.

— Довоенный, что ли?

— Спрашиваешь! — Джорди улыбнулся, довольный произведенным эффектом. — Лучший в мире шампань-коньяк!

— Это ж за сколько ты его купил? — удивился Юэн, все еще поглаживая Кейтлин по волосам.

— Ай, где купил! Нашел! — объяснил хозяин. — Вот продаю — задорого.

Джорди подмигнул Юэну и протянул ему вторую кружку.

— Ракло свою угости, — сказал он, кивнув на Кейтлин.

Посмотрев на девушку, Юэн увидел, что она очнулась и тихо смотрит на него. И от этого взгляда по его спине побежали мурашки снова. Кейтлин улыбнулась уголками губ, взяла в руки кружку, немного отхлебнула и скривилась.

— Фу! — сказала она, а потом решительно выпила все до дна и тут же выпучила глаза и закашлялась.

— Ты раньше коньяк не пила? — удивился Джорди.

— Ага, каждый день пила, — с трудом проговорила девушка, давясь от кашля. — Больше уже не могу.

Джорди засмеялся, и Лайла за его спиной тоже улыбнулась, впервые с момента их появления.

— Ужин скоро будет. Твоим новым друзьям тоже хватит, — сказала она мужу.

Кейтлин принохалась к запаху, висевшему в воздухе, и даже Юэн услышал, как бурчит у нее в животе. Девушка хихикнула от удовольствия и попыталась встать, опираясь на спутника.

Лайла снова выглянула из-за плеча Джорди и улыбнулась при виде Кейтлин:

— Ай, красавица!

Кейтлин покраснела и украдкой взглянула на Юэна. Тот сделал вид, что не заметил ее смущения, откашлялся и повернулся к Джорди, чем возмутил ее до предела.

— Как же вы тут живете? В чистом поле, вдали от людей...

— Никак, — улыбнулся хозяин фургона. — Мы здесь только бурю переживаем. Завтра кончится — уедем.

— Совсем как цыганский табор, — сказала Кейтлин, и Лайла хмыкнула, услышав эти слова.

— Не совсем как, — значительно произнес Джорди. — Он самый и есть.

* * *

Ужин, поданный на колотой, но чистой эмалированной посуде, с ложками из нержавеющей стали, оказался вкусным до утомления. Юэну казалось, что он никогда не ел такого сочного мяса; он словно парил в окружении запахов и вкусов, половины которых не мог распознать.

Ели молча. Кейтлин прикончила свою порцию первой и расплылась в широкой детской улыбке, когда Лайла положила ей добавки.

— Не стыдно тебе? Девочка совсем голодный, — упрекнула хозяйка Юэна, но тот лишь промычал в ответ, увлеченный едой. А потом внезапно понял, чем Джорди и его жена отличались от других людей, живших на поверхности: у них не было этого общего для всех голодного взгляда. И теперь Юэн знал, почему.

— Очуметь, как вкусно! — похвалила Кейтлин. — А что это?

— Рагу, — ответила Лайла, не вдаваясь в подробности.
— Это понятно, а что в нем?
— Мясо, травы, грибы — их Джорди нашел. Картошку у Дерби накопили.
— Свежее мясо? — удивился Юэн.
— Очень свежий, только повисел немножко, еще лучше стал, — ответил цыган, и Юэн тут же забеспокоился насчет происхождения этого мяса. Должно быть, его лицо выдали эти мысли.

— Что ты, брат, не волнуйся, это свинина, — успокоил его Джорди. — Это гаджо все подряд готовы кушать, но не рома! Нам это зачем?

— Да, вокруг еда много, ты только ехай! — улыбаясь, сказала Лайла.
— Выходит, вы все время переезжаете? — спросила Кейтлин.
— Это самый хороший жизнь сейчас, — сказал Джорди, и Лайла согласно кивнула.
— Лучше нас никто не кушает.

— Вы исследуете пустые города и деревни? — сказал Юэн.
— Ну а как же! — начал объяснять Джорди, точно малому ребенку. — Там столько добра лежит, никому не надо! А мы возьмем — и никто не обидится.

— Здорово! — оценил Юэн. — Вы нигде не подъедаете все до конца, потому что кочуете с места на место. Отлично придумано!

— Очень давно придумано, — вставила Лайла. — Рома кочуют, сколько живут. Джорди покивал, улыбаясь.

— Значит, вы тут все дороги знаете? — Юэн был рад возможности выяснить, куда его занесло.

— А как же! Но об этом утром, — ответил Джорди. — Твой девушка сейчас уснет. Юэн оглянулся на Кейтлин, и та встретила его довольной и сонной улыбкой. Он снова повернулся лицом к Джорди и Лайле и неожиданно для себя сказал:

— Спасибо.
— Не за что, брат. В такую погоду как не помочь человеку! — сказал цыган.
— Вы лучше спать ложитесь, — добавила его жена. — Джорди, огонь притуши.
Она встала, подошла к кровати, опустилась на колени и достала снизу скрученный валиком матрас.

— Хотите, спите в своих мешках, хотите — под одеялом. Одеяла теплые, в теплом фургоне лежали.

— Спасибо, нам бы два одеяла, — сказал Юэн.
— Два нет, только одно лишнее.

Впрочем, Юэн был на все согласен. В конце концов, какая разница, на чем спать, если спишь в тепле и под надежной крышей? Матрас, набитый хлопком и перьями, был тугим и теплым, а пуховое одеяло, как показалось Юэну, пахло лавандой, хотя он не мог понять, где цыгане ее раздобыли.

— Только все с себя снимите, пусть одежда высохнет, — сказала Лайла и затушила лампу, стоящую у печки.

Фургон погрузился в темноту, которую нарушали только отблески пламени из закрытой печки. В них можно было разглядеть смутные очертания предметов, но не больше.

Лайла задернула занавеску, отгородив кровать от той части фургона, где устроились Юэн и Кейтлин. Юэн услышал, как супруги раздеваются и залезают под одеяло. Он повернулся, чтобы перекинуться парой слов с Кейтлин, но девушка, к его удивле-

нию, уже свернулась клубочком под одеялом, а ее грязная и мокрая одежда висела на приоткрытой двери стенного шкафа.

Казалось, что она уже спит, поэтому Юэн тоже разделся, оставив на себе лишь длинные кальсоны — необходимую вещь в условиях такого климата. На таком мягком ложе он не спал с тех пор, как покинул Глазго, и сон пришел почти мгновенно.

* * *

Юэн парил над дорогой и смотрел вниз — туда, где ехали три избитых, поцарапанных, но все еще крепких грузовика, обшитые железными листами, на которых белая краска местами была изъедена ржавчиной. Казалось, машины излучают страх и боль людей, сидевших внутри, — людей, оторванных от своих семей, лишившихся дома, увезенных черт знает куда и черт знает зачем.

Они почти достигли конечной остановки; Юэн уже видел впереди длинное приземистое здание с толстыми бетонными стенами, испещренными колючей проволокой. Его охраняли хорошо вооруженные люди.

Грузовики затормозили у огромных ржавых железных ворот; охранники обогатились на несколько бутылок самогона, и ворота с дьявольским скрипом открылись. За ними располагалась пустая сортировочная станция. Мерцающий флуоресцентный свет отражался в рельсах.

Первыми из грузовиков вышли охранники в противогазах. Прикладами автоматов они распахнули задние двери кузовов, и оттуда высыпали перепуганные люди. В их толпе Юэн разглядел знакомые лица: женщину, девочку и мальчика, дрожащих от холода. Дети казались напуганными, их лица осунулись; у Джулии был синяк на щеке, а один глаз заплыл.

Мужчина хотел дотянуться до близких, дотронуться, дать понять, что он рядом и скоро спасет их, но что-то держало его, не давая пошевелиться, а слова застревали в гортани.

Пока пленники толклись на морозе, по рельсам, задним ходом подъехал поезд, в голове которого изрыгал дым и искры бронированный паровоз. Железные вагоны были выкрашены в черный цвет, на крыше каждого, в укрепленном гнезде, сидел вооруженный охранник.

Рабов, словно скот, затолкали в тесные вагоны, где не было ни тепла, ни света, ни воды, и даже воздуха, казалось, хватит не на всех. При виде стен, перепачканных кровью и мочой прошлых пассажиров, дети начали плакать. Тех, кто мешкал на пороге, охранники безжалостно поторавливали прикладами. Большинство из них прятали лица за противогазами, в холодных глазах остальных не было ни следа сочувствия.

Пленники из всех трех грузовиков набились в один вагон. От тесноты негде было присесть, все стояли, упершись друг в друга. Потом железные двери закрылись, и скрип петель потонул в криках ужаса: оживший поезд медленно тронулся с места, похожий на огнедышащее чудовище, пожирающее рельсы перед собой.

Юэн рванулся вперед, пытаясь освободиться от невидимой силы, приковавшей его к месту, — но напрасно. Все, на что он был способен: зависнув в воздухе, извернуться и посмотреть, что его держит. И то, что казалось бесформенной могучей массой, вдруг преобразилось в хрупкий силуэт. На мужчину в упор смотрела Кейтлин, и хотя он был и больше, и сильнее, Юэн не мог сдвинуть ее с места. Девушка буравила его глазами, ярко-голубыми на бледном лице, и, когда она заговорила, по всему телу мужчины по-

бежали мурашки:

— Я — не то, чем кажусь!

Юэн проснулся в панике, запутавшись в одеяле, и не сразу понял, где находится, понял только, что не может пошевелиться.

— Тихо, тихо, — сказал знакомый голос. — Все в порядке, ты в безопасности.

Юэн заставил себя успокоиться, и тут же кто-то распутал коварное одеяло. Точная ножка легла на бедро мужчины, тонкие руки нежно обняли его за плечи, и все вокруг заполнил запах Кейтлин.

Образы из сна еще были живы в его воображении, и вызванный ими гнев еще не унялся, но он вдруг почувствовал, что рядом с ним лежит женщина. Что-то заньюло внизу живота, и он обернулся к девушке, но в тусклом мерцании огня из печки увидел только контур ее головы на своем плече. Юэн хотел что-то сказать, но Кейтлин положила палец ему на губы.

— Тихо. Спи. Сейчас не время, — мягко сказала она.

Юэн закрыл рот, и мысли его снова закрутились вокруг тайны этой то ли женщины, то ли ребенка. А она все перебирала пальцами его волосы, прогоняя этой немудреной лаской муку, принесенную сном.

В душе Юэна было так пусто, а Кейтлин была так близко... Он потянулся к ней, но девушка отодвинулась, и он скорее догадался, чем увидел, что на губах ее снова играет таинственная улыбка.

— Спи, Юэн. Только на этот раз — без снов, — сказала она, и мужчина провалился в забытьё.

* * *

Юэн проснулся от звука закрывшейся двери и сразу почувствовал аромат еды. От всего, что случилось ночью, остались какие-то смутные обрывки воспоминаний, и копать в них ему не хотелось.

Кейтлин, погруженная в свои мысли, стояла у железной печки и помешивала что-то скворчащее на сковородке. Лайла сидела на кровати, полностью одетая, и натягивала ботинки. Джорди, очевидно, только что вышел из фургона.

Юэн потянулся, чем сразу привлек внимание женщин.

— Доброе утро, соня! — весело сказала Кейтлин и хитро подмигнула ему.

— Как спалось? — спросила Лайла.

— Доброе утро, — ответил Юэн и сел. — Снилось что-то странное...

— Да, это мы поняли, — ответила цыганка. — Так кричал, что мы даже проснулись и...

Тут Кейтлин приподняла брови и выпучила глаза; Лайла заметно смутилась и сменила тему.

— Сегодня покажем вас людям, — сказала она, завязывая шнурки.

— Разве тут есть еще люди? — спросил Юэн.

Лайла удивленно уставилась на него:

— А ты думаешь, мы едем одни? Что мы, глупые?

Юэн растерянно посмотрел на Кейтлин, почувствовав в этих словах намек, но девушка сделала вид, что ничего не заметила, и вывалила содержимое сковородки на большое блюдо.

— Завтрак! — радостно объявила она.

— Э, Джорди так не услышит, — сказала цыганка и заорала: — Джорди, жрать!

Юэн встал и проворно оделся, пока женщины раскладывали по тарелкам жареные грибы, лук и свинину. Потом наполнил свою тарелку и уже поднес вилку ко рту, когда дверь распахнулась и на пороге появился Джорди, обдав помещение волной холода. Все вздрогнули.

— Джорди, мать твою, закрой дверь! — огрызнулась Лайла.

Цыган подчинился, снял сапоги и красноречиво посмотрел сначала на гостей, а потом — на разложенный матрас. Вздыхнув, Юэн отложил тарелку, быстро свернул матрас и сложил одеяло. Вернувшись к еде, он проглотил все в один присест, затем, повинувшись внезапному импульсу, порывшись в рюкзаке и протянул Лайле пачку мятного чая.

Женщина улыбнулась.

— Это что же такое? — спросила она. Открыла пачку, понюхала и одобрительно по-кивала.

— Мятный чай, — сказал Юэн.

— Несколько лет мяту не видела.

Цыганка вынула из шкафа чайник, налила в него воды из пластиковой баклажки и поставила на печку. Затем она сняла с крючка под крышей алюминиевый заварочный чайничек, бросила туда несколько листьев и села на кровать в ожидании, когда вода закипит.

— Цура ждет, — сказал Джорди, присев рядом с женой.

— Мог бы и раньше сказать, — недовольно пробурчала та. — Помой посуду, пока нас не будет.

Она повернулась к Кейтлин:

— Цура хочет тебя видеть, Кейтлин. Зачем — не знаю, у нее спроси.

— Цура — это кто?

— Она у нас главная, — ответил Джорди, собирая тарелки.

— А... — сказала Кейтлин. — Ну, тогда ладно.

Она оделась и вышла вслед за Лайлой на мороз, а Юэн остался мыть посуду, потому что Джорди явно не собирался делать это сам.

* * *

За ночь буран стих, но шесть фургонов, выстроенные кругом, были наполовину занесены снегом. Фургон Цуры стоял прямо напротив, с другой стороны круга, и Кейтлин пошла по следам Лайлы, чтобы не замочить ноги.

Дверь фургона распахнулась навстречу, и пожилая, но крепкая женщина приветливо обратилась к ним:

— Доброе утро, девочки!

— Доброе утро, Цура! — отозвалась Лайла.

Кейтлин молча улыбнулась. Когда они дошли до двери, Лайла развернулась и пошла к себе. Цура хитро улыбнулась Кейтлин и протянула руку, чтобы помочь ей забраться в фургон.

— Ей тут не нравится, — доверительно прошептала она.

— Почему? — удивилась Кейтлин: она не заметила в старухе ничего страшного или неприятного.

— Не любит Лайла слышать правду-матку, — ответила та.

Она говорила гораздо правильнее, чем Джорди и Лайла, и почти без акцента.

— А... — протянула Кейтлин и подумала, что мало кто на свете любит слышать «правду-матку», но вслух ничего не сказала.

Цура снова улыбнулась:

— А ты — девочка себе на уме, я смотрю.

Она подмигнула Кейтлин и закрыла за ней дверь.

Внутри фургон сильно отличался от того, где жили Лайла и Джорди. Стены были расписаны пейзажами: рассветы, закаты, зеленые поля и осенний лес. На полу лежал роскошный зеленый ковер, кровать пряталась за синей бархатной занавеской, а в воздухе был разлит аромат масел и трав. У стены напротив печки возвышался большой стол с железными бортами, уставленный склянками, горшками и коробками; у отодвинутого стула стояла маленькая ступа с пестиком внутри. Рядом, у целого набора мензурок, обретались разделочная доска, несколько ножей и небольшая спиртовка.

— Вы что, ученый? — подозрительно спросила Кейтлин.

— Вроде того, — ответила старуха. — Училась в Эдинбурге на травника, лет пятьдесят назад. Очень пригодилось, когда медицины не стало.

— Вот как... — протянула Кейтлин. — А что такое «травник»?

— Тот, кто делает лекарства из природных ингредиентов: растений, минералов и тому подобного. Никакой синтетики. Чаю хочешь?

— Спасибо, я выпила в фургоне у Лайлы.

— По-нашему будет *вардо*, — сказала старуха. — И все-таки выпей, я настаиваю.

Она уже наполнила две чашки из чайника. Передав одну Кейтлин, старуха отошла к кровати, отодвинула занавеску, кинула на пол две подушки и села, жестом пригласив девушку устраиваться рядом.

Кейтлин была немного смущена такой заботой и непривычным комфортом, в котором жили эти вечные странники. На языке вертелся вопрос, но она никак не могла подобрать верные слова.

— Как же вы...

— Не берем лишнего, все время передвигаемся, исследуем развалины и торгуем, — перебила Цура.

Кейтлин удивленно моргнула.

— Как вы поняли, о чем я хочу спросить?

— Я вижу людей насквозь, а это был один из двух очевидных вопросов.

— Какой же второй? — улыбнулась девушка.

— Почему я захотела говорить с тобой наедине. Откуда идем? — спросила Цура.

— Э-э... Из Карлайла.

— Правда? — спокойно поинтересовалась старуха.

— Да, мы пришли оттуда.

— Я не про вас двоих спросила, а про тебя.

Цура улыбнулась девушке и отхлебнула чаю, ожидая ответа. Кейтлин запаниковала: старая цыганка снова застала ее врасплох. Впредь надо быть осторожнее.

— Не хочу говорить об этом, — сказала она и уставилась в свою чашку.

— Я так и думала, — ответила старуха все тем же невозмутимым тоном.

Кейтлин подняла взгляд и прищурилась.

— Почему это вы так думали? — спросила она с вызовом.

Цура снова улыбнулась и кивнула:

— Ага, значит, есть-таки жало у нашей пчелки!

Кейтлин привстала. Теперь ей уже было неуютно. Девушка не понимала, почему чутье не подсказало ей, что опасность так близко, и от этого нервничала еще больше.

— Ой, да расслабься! — махнула рукой старуха. — Я не хочу тебе зла. Просто я любопытная.

Кейтлин замерла, но сестра не торопилась.

— Сядь, тебе говорят! — в голосе Цуры зазвучали стальные нотки. — Если б я хотела, я бы уже тебя отравила.

Кейтлин посмотрела на свой недопитый чай и скривилась: Цура была права, но спокойнее от этого не стало.

— Вот именно. Так что сядь, и давай поговорим.

— Я видела ночью, как ты пришла, — объявила старуха, когда девушка вновь устроилась напротив нее. — Да, это было странное зрелище.

— Как вы могли видеть? Ведь был жуткий буран... — не поняла Кейтлин.

— Как раз в тот момент наступило затишье, — улыбнулась Цура.

— Но что вас заставило выглянуть в окно?

— А-а-а, вот это самое интересное, — сказала старуха. — Понимаешь, я тебя ждала.

Кейтлин открыла было рот, но тут же и захлопнула его.

— Я думаю, ты — такая же, как и я, с довольной улыбкой сказала Цура. — У тебя хорошее чутье. Порой ты знаешь то, чего знать не должна бы. Так?

Девушка осторожно кивнула.

— И я такая же. С детства была такой. Я жила в прекрасное время, в самые веселые и тучные годы человечества.

— Самые слепые и эгоистичные годы, — качнула головой Кейтлин. — Ваше поколение оставило нам от мира одни руины.

— Это верно, но какая красивая была жизнь! — мечтательно произнесла Цура. — Воздух пел на тысячи голосов, и каждый верил, что у него есть судьба и право на жизнь.

— А разве это не так?

— Конечно нет. Верить можно, во что угодно, но у большинства людей нет никакой особой судьбы.

Старуха снова отхлебнула чаю.

— Но ведь у каждого своя жизнь, — заспорила девушка. — Разве это не есть судьба?

— Не путай судьбу с обычной жизнью. Просто жить может каждый.

— Так... — Кейтлин явно слегка запуталась.

— Судьба рождается двумя путями, и они редко пересекаются, — произнесла Цура, удобно откинувшись на подушку. — Либо ты сам творишь свою судьбу, живя в полную силу, осознавая каждый свой шаг и всегда действуя по собственной воле, либо все происходит иначе. Гораздо печальнее.

— То есть?

— То есть, твою судьбу решает кто-то другой, — сказала старуха, беззаботно пожав плечами.

Кейтлин задумалась:

— Кто-то или что-то?

— Ой, только не выдумывай за меня! Я говорю не про бога и не про какие-то мистические силы. Кто-то — то есть, другие люди или, порой, обстоятельства — они тоже могут определять судьбу человека.

Девушка подумала и нехотя согласилась:

— Похоже на правду.

Цура одобрительно кивнула, и Кейтлин вдруг осенило.

— Так вы думаете, что у меня есть судьба?

— Правильно, доча моя. Мало того: я думаю, что твой случай — особенный. Твоя судьба определена другими, но при этом ты сама ее вершишь.

Кейтлин вдруг съежилась, словно кошка перед прыжком. Глаза Цуры победно заблестели.

— Угадала, да?

— Может быть. Не знаю!

— Пожалуйста, Кейтлин, расскажи, как ты нашла нас.

Девушка вздохнула и решила, что таиться нет смысла.

— Иногда я заранее знаю, что будет. То есть, это не совсем я: какая-то часть меня, до которой я не могу дотянуться...

Цура понимающе кивнула.

— Предчувствие?

— Типа того. Приходит непонятно откуда.

— И ты никогда не ошибаешься, так?

Кейтлин долго молчала, потом покачала головой. Цура восхищенно присвистнула:

— Редкий случай!

Неизвестно почему, Кейтлин снова съежилась.

— Не волнуйся, доча. Я не так сильна, как ты. Бывает, что-то чувствую или знаю, где опасно, но моих людей это не очень тревожит.

Девушке было трудно в это поверить. Она привыкла не распространяться о своем даре, потому что люди шарахались от нее, и бывало так, что страх толкал их на неприятные поступки.

— Цыгане давно привыкли иметь дело с провидцами и мистиками, — продолжала старуха как ни в чем не бывало. — У них таким людям почет и уважение. Они меня выбрали вскоре после войны, когда я была моложе.

— Из-за вашего дара?

— Нет, из-за того, что я умею готовить лекарства. В нашем дивном новом мире это бесценное умение, — объяснила Цура. — А когда они поняли, что я чувствую, куда не стоит заходить, а где, наоборот, есть чем поживиться, это только прибавило мне популярности.

— Ничего себе! То есть, им нравится, что вы знаете и видите больше, чем они?

— Не то чтобы нравится, нет. Но они это ценят.

— Типа, это удобно?

— Да. Я же не использую свои способности им во вред — да и вообще никому, если на то пошло. За то и ценят.

Девушка мечтательно улыбнулась, но почти сразу же на ее лице отразилась решимость.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Кейтлин: твой путь лежит с Юэном, а не с нами.

Кейтлин кивнула.

— Что он ищет?

— Свою семью.

— Он потерял их до войны?

— Нет, их похитили недавно, в Глазго.

— Ах, вот оно что...

Кейтлин вопросительно подняла брови.

— Вы что-то знаете об этом?

— Конкретно про Юэна — нет. Хотя могла бы и догадаться, что городского потянет в пустоши только большая беда...

Цура долила себе чаю и вздохнула:

— Я знаю, что людей похищают. Это происходит по всей стране с тех пор, как зима ослабила хватку.

— Много таких банд?

— Немного, но хватает. И всегда одна и та же история: прячут лица, приезжают на трех грузовиках.

— Знакомая картина.

Цура покивала.

— Что будешь делать, когда он найдет семью?

Кейтлин отвела взгляд.

— Так-так, — произнесла старуха. — А ты не думаешь, что он староват для тебя? Нет, конечно же: кого и когда это останавливало?

Кейтлин удивленно посмотрела на нее.

— И все-таки, мой вопрос остается в силе. Что ты будешь делать?

— Не знаю. Наверное, что подскажет...

— ...чутье? — перебила Цура.

Кейтлин кивнула.

— А что оно сейчас тебе подсказывает, доча?

— Что я должна быть рядом с ним. Что настанет момент, когда я буду нужна ему.

Цура помолчала, изучающе разглядывая девушку, а потом спросила:

— Но это ведь не все, так?

Кейтлин таинственно улыбнулась, и от этой улыбки по спине Цуры вдруг побежали мурашки.

— Да. Почему-то я знаю, что мне он будет нужен гораздо больше, чем я ему.

Цура не могла избавиться от странного чувства, что в словах гостьи скрывается какой-то подвох.

— Ты же не сделаешь его семье ничего плохого, правда? — осторожно спросила она.

От возмущения Кейтлин чуть не опрокинула свою чашку.

— Нет, что вы! Никогда!

Цура поверила ей, но ее странное чувство никуда не делось.

— Я думаю, ты идешь кривой дорогой, Кейтлин, и я тебе не завидую. У самой-то семья есть?

Девушка пожала плечами.

— Никогда их не видела, — просто ответила она.

— Обычное дело в наши времена. Так откуда ты?

На лбу Кейтлин, между бровями, пролегла морщинка.

— А что?

— Я пытаюсь понять тебя, доча. Такие, как мы с тобой, встречаются редко.

Но Кейтлин не спешила отвечать.

— Наверное, друзей у тебя было мало? — сделала еще одну наводящую попытку старуха.

Девушка покачала головой и, наконец, честно призналась:

— Я и сама не знаю, откуда я. Помню, что жила под землей, где было светло и тепло, но тогда я была совсем маленькой и не помню деталей. Помню только, что потелась.

Цура придвинулась и вновь наполнила опустевшую чашку Кейтлин до краев.

— Потерялась?

— Да. Большую часть жизни я провела в лондонской Подземке, а тамошние туннели ни светом, ни теплом похвастаться не могут.

— Никогда не была в Лондоне, — покачав головой, сказала Цура.

— Ну и правильно. В этом городе полно кошмарных тварей, да и радиация прет отовсюду...

— Как же тебя занесло в Карлайл? — спросила старуха.

— Об этом я никому не рассказывала, — неохотно ответила Кейтлин.

— Мне тоже можешь не рассказывать, если не хочешь. Это не так важно. — И Цура ободряюще улыбнулась девушке.

Кейтлин молчала.

— Ладно, — засмеялась старуха, — храни свои секреты! Пожалуй, ты мне все-таки нравишься, Кейтлин. И дело не в том, что ты рассказала, — из тебя ничего клещами не вытянешь, а в том, чего *не сказала*.

— В смысле?

— Ты никому не желаешь зла, так ведь? — с теплотой в голосе произнесла старуха.

— Конечно нет, — согласилась Кейтлин, удивляясь, что об этом вообще надо говорить.

— Этого мне вполне хватит, доча.

Кейтлин задумалась, не объяснить ли все-таки Цуре, как из Лондона она попала в Карлайл, и тут в дверь постучали. Хозяйка слегка раздраженно цокнула языком и встала, жестом попросив девушку оставаться на месте.

Холодный воздух и мелкие снежинки ворвались в вардо, и Кейтлин охватил озноб.

— В чем дело? — спросила Цура.

— Да опять непогода, — слышался голос Джорди.

Кейтлин увидела, как старуха кивает кому-то.

— А ты, должно быть, Юэн? — спросила она. — Не стой на пороге, проходи.

Она отошла в сторону, открыла дверь пошире, и двое мужчин зашли в фургон, отчего он слегка покачнулся.

— Есть еще плохие новости, — мрачно произнес Джорди, явно упиваясь моментом.

— Ты собираешься поведать мне о них или так и будешь стоять, пока нас всех не заморозит?

Мужчина сдуслся, как проколотый воздушный шарик, и обиженно выпятил нижнюю губу.

— Теперь ты похож на Сэмюэла, — сказала старуха и повернулась к Кейтлин: — Сэмюэлу семь лет.

Девушка фыркнула и от неожиданности прикрыла рот рукой. Джорди выпятил грудь в наигранном возмущении.

— Ну, если тебе не интересно... — сказал он, повесив фразу в воздухе.

— Говори уже. Похоже, дело важное.

— Темные псы, — сказал цыган.

— Ах ты, черт!.. Близко?

— Мы с Юэном нашли следы. Они шли за ними ночью и теперь ходят вокруг кругами.

— Все понятно. Твари любят легкую добычу, а самая легкая — это те, кто ходят пешком. — Цура неодобрительно посмотрела на Юэна, и тот согласно кивнул:

— У меня не было выбора.

— У тебя-то, может, и не было: девочка рассказала мне про твою семью. Но раз уж ты потащил ее с собой, мог бы и позаботиться немного о том, чтобы бедняжку не съели! — с укором сказала старуха.

Джорди немного воспрял от того, что внимание старухи переключилось на другого, и, выглянув из-за ее плеча, помахал Кейтлин.

— Хватит! — сказала старуха и шутливо ткнула цыгана в живот. — Ладно, сегодня останемся здесь. Скажи людям, пусть готовятся: ночь будет жаркой. А ты, Юэн, останься. Я хочу побольше узнать о твоих приключениях, — велела Цура.

— Я пойду с тобой! — неожиданно сказала Кейтлин. Она вскочила и натянула плащ и ботинки.

Юэн заметил, как Джорди вопросительно посмотрел на Цуру и та кивнула в ответ. Авторитет этой старухи среди цыган явно был очень высок.

Когда Джорди и Кейтлин вышли в снежную мглу, Цура с улыбкой повернулась к Юэну:

— Что ж, добро пожаловать в мое вардо.

— Спасибо, — ответил мужчина, разглядывая роскошный интерьер, склянки, колбочки и пучки трав. — Вы — врач?

— Да, в каком-то смысле. Я — травница.

— А-а, у нас в Глазго есть такой человек. Учился до войны в университете, теперь потихоньку передает знания.

— Правда? — спросила Цура. — Не знала, что кто-то еще практикует, кроме меня.

— Его зовут Иоганн, — сказал Юэн. — Он немец, хотя сейчас по нему уже не скажешь.

— А поточнее? Что за тип?

— Сложно сказать, он кочует со станции на станцию. Говорят, где-то у него есть склад запасов, и там же он готовит лекарства, но где именно, я не знаю.

— Надо бы как-нибудь навеститься в Глазго.

— Берегитесь этих... Как вы их называете? Темных псов.

— Да, темных псов. Большие твари, которые выходят по ночам.

— Они гнались за нами от Карлайла до Йорка, — сказал Юэн.

— Они повсюду, Юэн. Обычное дело.
— Жуткие создания.
— Особенно если идешь пешком и в темноте, — спокойно сказала Цура и угостила Юэна чаем. — Ну что ж, Расскажи о себе, пока Джорди и остальные готовятся к веселой ночи.

* * *

Кейтлин шла за Джорди, который обходил фургоны, за ночь занесенные снегом. Цыган стучал в каждую дверь и всем говорил одно и то же:

— Остаемся на ночь. Сдвигайте фургон.

Фургонов было шесть, и в каждом, кроме тех, где жили Цура и Джорди с Лайлой, были семьи с детьми. Предупредив одну семью, они шли к следующей, а в это время кто-то выбирался из фургона и пересаживался в кабину.

Вардо были большими: два метра в ширину и шесть в высоту, на ходовой части от дальнобойных фур. Внешне они выглядели очень по-разному: всевозможных цветов, одни обшиты простыми железными листами, другие украшены резными панелями; разумеется, самая богатая резьба, с цветочным орнаментом, была на жилище Цуры. Из каждого фургона торчала труба дымоотвода, а в передней части располагалась кабина, укрепленная стальными листами и железной сеткой. Посмотрев на колеса, Кейтлин с изумлением увидела шины, но, приглядевшись, поняла, что они из цельной резины.

— Откуда у вас колеса?

Джорди остановился и посмотрел, куда она показывала.

— Отовсюду, — ответил он. — Снимаем со старой машины, плавим, железо вынимаем и делаем колеса из резины. Трудновато, за-то на века.

Цыган явно гордился этими плодами тяжелого труда.

— Цепь на него надень — везде проедет! Хочешь, дам поводить? — неожиданно спросил он.

Кейтлин улыбнулась и кивнула.

— Тогда пошли греть машину.

В кабине у водительского сиденья стоял какой-то странный агрегат, на который Кейтлин оставилась в полном изумлении.

— Что это? — спросила она, разглядывая котел, трубки и колеса.

— Не видала раньше паровой двигатель?

— Это паровой двигатель?!

— А то что же? Вот эти руки делали!

— Очуметь!

— Ага, и топливо повсюду! — Джорди расплылся в улыбке.

— Почему же все остальные так не делают?

— Боясь высунуть нос из норы, — с насмешкой ответил цыган. Потом встал на колени и начал возиться с котлом, разжигая огонь.

Когда дрова в топке занялись, мрачная и холодная кабина озарилась отблесками танцующего пламени. Джорди подул на пламя, чтобы оно равномерно охватило все дрова под котлом, и Кейтлин села на водительское место.

— Что теперь делать?

— Пока ничего. Час будем ждать, пока поднимется пар, — Джорди улыбнулся. — Сегодня тепло будет, и вода для бани согреется.

— Ого! — воскликнула Кейтлин. — У вас и баня есть?

— Ты спрашиваешь! Но мы моемся, только когда котел запущен.

— А мне можно с вами? — обрадованно спросила она.

Джорди кивнул.

— Только снега в бак натааскай.

Закрыв топку, он вынул из-за водительского сиденья широкую лопату и бросил ее в снег.

Кейтлин вылезла наружу и с удивлением увидела, что внутри круга из фургонов кипит бурная деятельность. Шестеро детей помогали родителям наполнять снегом баки на крыше фургонов. Другие рыли подкопы под фургоны, где хранились запасы еды и дров. Старший, долговязый юноша, застенчиво ухмыльнулся девушке, неся ведро снега в свое вардо. Кейтлин вежливо улыбнулась в ответ, а затем повернулась к Джорди.

— Заберись на крышу и вывали в бак снег из ведра, — приказал цыган. Он подсадил девушку, и через минуту Кейтлин уже стояла на крыше фургона. Не удержавшись, она огляделась вокруг, на панораму полей. На севере виднелась деревня, от которой они бежали ночью, а еще ближе, к югу, — другая.

— Дэррингтон, — произнес Джорди, протягивая ей еще одно ведро.

— Что?

— Ты на Дэррингтон смотришь. Говорят, славное было место. А теперь там полно темных псов.

— Экая досада.

Пока грелись двигатели, прошел почти час. Все это время в баки кидали снег, и к тому времени, как над фургонами образовалось целое облако пара, баки были наполовину полны растаявшей водой.

Затем все пообедали густым супом. Ели снаружи, рассевшись на ступеньках у своих вардо. Потом снова взялись за лопаты, и еще час кидали в баки снег.

Кейтлин увидела Юэна, который помогал Цуре управляться с фургоном, и помахала ему рукой. Мужчина махнул в ответ. Казалось, труд приносит ему только радость.

Когда двигатели как следует разогрелись и водители расселись по кабинам, Джорди пропустил вперед Кейтлин. Сев на водительское место, девушка поняла, что управлять фургонами необычайно просто: скоростей было всего три, включая задний ход, и переключались они рычагом. Кроме него имелся еще огромный руль и ручной тормоз, встроенный в пол.

— Не спеши. Поверни руль направо и толкни рычаг вперед, — сказал Джорди, затем высунулся из люка в крыше кабины, вложил два пальца в рот и оглушительно свистнул.

Вардо, накренившись, вгрызлось в снег большими, натянутыми в цепи колесами.

— Тихо, тихо. Мы не едем далеко, только выберемся из завала, — сказал цыган.

— Столько трудов, чтобы проехать несколько метров! — разочарованно сказала Кейтлин.

— Будет больше трудов, если нас занесет. Я понимаю, редко встретишь машина на ходу. Покатаемся завтра, — ободряюще сказал Джорди. — Про тормоз не забудь.

Кейтлин потянула на себя тугой ручник, но не смогла сдвинуть его с места. Она взялась двумя руками — тоже никакого эффекта. Джорди, наблюдавший за ее мучениями, без малейших усилий дернул рычаг и помог девушке вылезти из кабины.

Снегопад прекратился, но с севера дул сильный ветер, и на горизонте собирались, словно перед атакой, грозные тяжелые облака.

— Может, зайдём внутрь? — предложила Кейтлин, которую уже слегка потряхивало от холода.

— Не, вы вдвоем ночуете у Цуры. Цура говорит, что ей скучно одной.

— Все в порядке, — ответила Кейтлин. — И потом, у нее места больше.

— Да, — согласился цыган. — Ну, хватит стоять, приближается буря.

* * *

Юэн уже сидел у печки в штанах и рубашке и казался слегка смущенным.

— Не хотите принять душ на ночь? — спросила Цура.

— Я хочу, — сказала Кейтлин.

— Одну минуту, сейчас все устроим, — захлопотала старуха. — Хочешь раздеться — возьми полотенце из шкафа.

Одевшись потеплее, хозяйка исчезла за дверью. Кейтлин стала раздеваться и заметила, что Юэн покраснел.

— Что такое? — спросила она.

Мужчина привстал и забормотал:

— Да я просто... Ну, то есть... Я не привык так...

— Привыкай, — сказала девушка и озорно усмехнулась.

Само собой, Юэн уже повидал на своем веку голых женщин, но эта девушка как-то странно и необъяснимо влияла на него. Он изо всех сил старался смотреть в другую сторону, пока она закутывалась в полотенце.

— Юэн, — Кейтлин взяла его за подбородок и повернула к себе лицом. — Если девушка хочет, чтобы на нее смотрели, воспитанный дядя не будет сидеть сычом. А то она решит, что с ней что-то не так.

— Прости, с тобой все так. Ты — само совершенство... — замялся Юэн. — То есть, нет... Ты очень красивая...

Она улыбнулась ему знакомой таинственной улыбкой, и в этот момент дверь открылась, и на пороге появилась Цура.

— Душ готов, доча. Юэн, дай полотенце. Я ополоснусь по быстрому, а потом и ты выходи.

Юэн бросил старухе второе полотенце, и женщины вышли.

Душ был оборудован в одном из вардо и представлял собой конструкцию из деревянных перегородок, медных труб и ведер с продырявленным дном, свисающих с труб. Снизу лежал потрескавшийся резиновый коврик. Кейтлин повесила полотенце на загородку и встала под ведро, в ожидании воды.

Цура покрутила рычажки на стене, и из ведер полилась горячая вода. Стоять в облаке горячего пара среди белоснежных просторов было неописуемым блаженством.

* * *

Моясь, Юэн очень старался соблюсти приличия, хотя он заметил, что, кроме него, никто не парится на эту тему. Но он все равно все норовил отвернуться лицом к стене. В душевом вардо было тесновато, а народу туда набилось порядком: банный день касался не только Юэна и Кейтлин. Мылись сменами, и Юэн с Кейтлин. Семьи из соседних фургонов весело махали друг дружке, болтали между собой, и он своей стыдливостью только веселил женщин.

Потом, когда они сели ужинать за стол Цуры, травница не упустила случая поддеть гостей.

— Мы давно не стыдимся друг друга, Юэн, — с улыбкой сказала она. — Какой тут стыд? Тела у всех одинаковые, и видимся мы каждый день.

— Просто я не привык к такому, — смущенно пробормотал мужчина.

— Ничего страшного. Это так старомодно, что даже трогательно.

Кейтлин хихикнула.

— Тихо! — укоризненно сказала Цура девушке. — Веди себя прилично, доча.

Цура ничуть не удивилась, узнав о том, что произошло в Йорке, и даже сказала, что открытая война между общинами — лишь последняя глава в длинной и очень скучной книге их отношений. Она согласилась с мнением имама насчет того, что Донкастер — опасное место, и сказала, что в Шеффилде давно никто не живет. Потом хотела еще что-то добавить, но вдруг подошла к двери и посмотрела в глазок.

— Стемнело, голуби мои, — кротко сказала она, после чего исчезла за занавеской. Вновь появившись, старуха несла два помповых ружья, одно из которых отдала Кейтлин, а Юэну кивнула на его автомат, стоящий в углу. Мужчина взял свое оружие и убедился, что оно заряжено и готово к бою.

— Псы скоро явятся, — сказала Цура.

— Они смогут сюда пробиться? — занервничала Кейтлин.

— Нет, вряд ли. И не такие пытались. Да мы их и не подпустим, — успокоила старуха. — Кейтлин, доча, иди со мной в первую смену, потом пойдет Юэн, а я вернусь под утро, хорошо?

Юэн и Кейтлин кивнули, после чего Цура и девушка оделись и вышли из вардо. Юэн остался один. До него доносились голоса из-за стены: судя по всему, Цура и Кейтлин забрались в кабину и завели какой-то тихий разговор.

В фургоне было тепло. В маленькой кованой печке потрескивали угли. Юэн прошелся взад-вперед, изучая книжную полку Цуры, но тут были только специальные книги о химических и целебных свойствах всяких растений, и ему стало скучно. Мужчина присел на кровать и сам не заметил, как уснул.

Тем временем Цура и Кейтлин присоединились к другим цыганам, собравшимся в круг в самом центре лагеря. Джорди всех распределял по местам и сменам.

В центре круга стоял старый дизельный генератор, от которого тянулись провода к большим прожекторам, установленным на столбах у каждого вардо. Кейтлин вопросительно посмотрела на старуху.

— Темные псы боятся света, — объяснила Цура. — Мы от них отбиваемся, потому что бережем наш старый генератор: в такие ночи он очень помогает.

— Только посвети, и они убегут?

— Далеко не убегут, но и близко не сунутся. Беда в том, что техника старая, может сломаться, вот мы и дежури́м посменно — вдруг генератор полетит...

— И часто он ломается? — спросила Кейтлин, нервно закусив губу.

— Нам и одного раза хватит, — мрачно ответила старуха, но, увидев тревогу в глазах девушки, добавила: — Да ты не волнуйся. Наши вардо крепко сбиты, их так просто не возьмешь. До сих пор никто не прорывался внутрь, даже в темноте.

Кейтлин покрепче вцепилась в ружье, и это ее слегка успокоило.

— В Йорке их называют адскими псами, — сказала она.

— С них станется! — презрительно ответила старуха, и было непонятно, кого она имеет в виду.

* * *

Первая смена прошла без происшествий. Проекторы зажглись только один раз, когда Джорди боковым зрением заметил какую-то тень. Но это оказалась лишь снежная кошка — одна из тех, что гнались за Юэном и Кейтлин накануне. При виде ее Цура сплюнула на снег.

— Кто это такие? — спросила Кейтлин.

— У нас даже имени для них нет. «Уроды» — только так и зовем.

Девушка была явно разочарована ответом, и, заметив это, старуха пояснила:

— В конце войны много всякой гадости выползло из лабораторий. Тут все сработало: и генетические опыты, и вирусы, и радиация... А может быть, и все сразу. Всех называть — фантазии не хватит. Не жди от них добра и обходи стороной — вот и все, что нужно знать.

— Они за нами гнались.

— На крупную добычу они охотятся только стаями, а встретится такой один — добрейшее существо! Лживые твари!

Дальше все было тихо. Снаружи выл ветер, но от парового котла по кабине расплывалось тепло. Грозные облака еще не накрыли табор, когда Цура объявила, что пора сменяться, и отправила Кейтлин в фургон, будить Юэна.

Тот вольготно раскинулся на кровати Цуры, ровно и размеренно дыша. Кейтлин сняла плащ и ботинки, сложила их вместе с ружьем на полу у двери, подкралась к Юэну, положила руку ему на грудь и легонько потрясла. Мужчина дернулся, откатился в сторону и выхватил из-за пояса нож. От неожиданности Кейтлин упала на пол и затравленно уставилась на лезвие. Узнав девушку, Юэн выдохнул.

— Прости... — начал он.

— Нет, это я виновата. Надо было шуметь побольше, чтобы ты услышал, — перебила его Кейтлин и встала. — А в наше время всегда надо быть начеку.

— Ну... Вообще, в гостях у этих ребят я себя чувствую спокойно. А ведь когда-то цыган считали изгоями и ворами.

— Почему? — изумилась Кейтлин.

— Не знаю. Наверное, обычные люди их боялись, потому что те не были похожи на них: все время кочевали, говорили на непонятном языке, жили по непонятным обычаям... И вот теперь они живут в сытости и достатке — а все потому, что продолжают держаться своих традиций. А весь так называемый цивилизованный мир гикнул... Что, настала моя смена?

— Да, — зевнула Кейтлин, мечтательно глядя на мягкую кровать.

Поддавшись внезапному порыву, Юэн вскочил, поднял ее и положил на кровать, еще хранившую тепло от его тела. Глаза девушки странно расширились. А потом Кейтлин вдруг улыбнулась и показала ему язык, на мгновение превратившись в хитрую девчонку. Юэн опять растерялся.

Он оделся, сунул в карман «Глок», закинул на плечо автомат и обернулся к постели:

— Спокойной ночи и сладких снов!

Но Кейтлин уже уснула и без его указаний.

Когда Юэн добрался до кабины, где его ждала Цура, ветер усилился не на шутку.

— Красавица наша уснула? — спросила старуха.

Мужчина кивнул, немного сконфуженный ее улыбкой.

— Значит, слушай, — начала цыганка. — Сиди в кабине и не вылезай, что бы ни случилось. Стреляй во все, что не похоже на человека, и все будет хорошо. Я вернусь часа через четыре — все равно подолгу не сплю.

Она вышла, и Юэн запер за ней дверь, но очень удивился, когда через несколько минут Цура вернулась, держа в руке дымящуюся кружку.

— Поставь ее на котел и не пей, пока не начнешь засыпать.

— Что это? — с любопытством спросил Юэн.

— Кофе. Только Джорди не показывай: сразу потырит, — она широко улыбнулась и исчезла.

В кабине было тепло, и мысли Юэна блуждали где-то далеко. Глядя на снежный буран за окном, он видел своих детей, сценки из их мирной жизни в туннелях под Глазго. Потом попробовал думать о жене, но, как ни старался, как ни перебирал в памяти события, пережитые ими вместе, не смог в точности представить себе ее лица — его черты все время плыли, ускользали от него...

«Нехороший знак», подумал Юэн, но тут же какой-то голос внутри завопил: «Ну давай, признай, наконец, что никогда не был с ней особенно счастлив!» Юэн подернул плечами, прогоняя этот голос, и отхлебнул горький кофе.

Он уже пробовал этот напиток, правда, еще до войны. В разрушенном Глазго кофе был редкостью, и когда удавалось нарыть где-нибудь скудные запасы, они разлетались сразу, даже по безумной цене. Главными покупателями, разумеется, были старики.

«Барские причуды», — подумал Юэн, глотнул еще раз и перекопился от горечи. Нет, было совершенно непонятно, что они в нем нашли...

* * *

Первая атака была всего лишь проверкой на вшивость.

Юэн заметил темные фигуры, крадущиеся по снегу, метрах в десяти от вардо, и заорал: «Свет!», а сам схватил автомат и взял тварей на мушку. Яркий луч прожектора пронзил темноту сразу же после его крика, и генератор натужно запыхтел от напряжения.

Три темных пса, почти подобравшиеся к фургону, взвыли и пустились наутек, поднимая фонтаны снега. Мужчина смотрел им вслед, пока они не исчезли в темноте, за пеленой снегопада.

— Все хорошо? — раздался голос Джорди.

— Да! — отозвался Юэн. — Пока...

— Дальше будет... берегись... так что лучше... — Резкий порыв ветра заглушил половину слов, и Юэн открыл дверь, чтобы лучше слышать.

Так ничего и не поняв, он хотел было переспросить, но вспомнил, что Цура запретила вылезать наружу. Ему, конечно, хотелось знать, что сказал Джорди, но еще больше хотелось остаться живым и невредимым.

Жутковато сидеть одному в темноте, когда твои союзники — только тепло котла и холод оружия. Юэн был как на иголках: любая тень, любое шевеление — и он хватался за автомат, чтобы через минуту снова поставить его к ноге, когда выяснялось, что это лишь ветер ревится на воле.

Вторая атака поразила Юэна дерзостью и внезапностью.

Он не закрыл дверь в кабину на засов, понадеявшись на то, что звери не сунутся на свет и что Джорди со своей позиции заметит их приближение. Но тот, видимо, как раз в этот момент решил укрыться от снегопада. И вот тогда-то дверь и распахнулась.

Черные жилистые лапы ухватились за борта, и чудовище просунуло морду в проем. Юэн крутанулся на сиденье, схватил автомат и направил его прямо в распахнутую клыкастую пасть. Оттуда несло тухлятиной, но глаза зверя казались до ужаса разумными. Юэн нажал на спуск, но вместо выстрела прозвучал лишь сухой щелчок: патрон перекосило. Вот этот сволочной огнестрел! Никогда нельзя на него надеяться; нож, только нож!

Схватив Юэна за ноги, чудовище вытащило его на снег и повалило на спину. Краем глаза мужчина увидел, что вокруг стоят другие твари, скрытые ночной темнотой. Он откатился влево, едва увернувшись от клыков, целивших ему в шею, бросил бесполезный автомат и встал на четвереньки.

Чудовище развернулось и атаковало снова, но на этот раз Юэн был готов. Выхватив нож, он дернулся влево, отбивая свободной рукой толстую жилистую лапу. Когти промахнулись всего чуть. Зверь рыкнул и обернулся к своей жертве, лязгнув клыками в сантиметрах от лица Юэна. Тот поднырнул под тварь — в нос ударил запах гнили и мокрой земли. Вскинув правую руку с ножом, он пропорол зверю брюшину от ребер до самой мошонки. Испустив оглушительный рев, пес откатился назад, а потом как-то совершенно по-человечески попытался зажать кошмарную рану, из которой уже вываливалась наружу дымящаяся трубка, своей лапицей. Морду исказила гримаса боли и ненависти. И глядя в переполненные злобой глаза чудовища, Юэн вдруг понял, что эти жуткие создания произошли не от животных...

Скуля и рыча, тварь поползла назад, в темноту, оставляя за собой на снегу широкую кровавую полосу. Юэн выхватил свой «Глок», готовясь стрелять, но это не потребовалось: темный пес с трудом преодолел еще пару метров, а потом кувырнулся, задержался и издох.

Но радость победы была недолгой: очередной порыв ветра разогнал снежную пелену, открыв глазам Юэна еще десяток темных псов у границ лагеря. Трое из них с воем бросились на него, как будто летя над снегом.

Страх вернулся и чуть не сшиб его с ног, словно пудовой гирей. Чувствуя горечь во рту, Юэн отчаянно рванулся к спасительной кабине фургона, ясно осознавая, что не успеет.

И в этот момент зажегся свет: Джорди повернул прожектор и открыл огонь по темным псам. Они взвыли, обожженные не столько пулями, сколько ярким светом, и бросились врассыпную, рыча от злости и досады.

Дрожа, как перепуганный мальчишка, Юэн заставил себя успокоиться и нашарил на снегу автомат. Он кивнул Джорди, который налаживал на своей крыше второй прожектор, и забрался в кабину, а там, уже никем не видимый, долго еще сидел, качаясь из стороны в сторону, пока ужас и адреналин не рассосались в его теле.

Темные псы больше не возвращались. Вскоре Юэна сменила Цура, и он, совершенно разбитый, с облегчением поплелся в вардо. Скинув одежду, мужчина рухнул на кровать, рядом с Кейтлин, и провалился в глубокий сон.

Он не знал, что той ночью плакал во сне и разбуженная девушка долго гладила его по волосам и напевала что-то нежное, пока рыдания не утихли.

* * *

На рассвете, когда Цура вернулась с вахты, так и не увидев ни одного темного пса, она обратила внимание, что Юэн спал, положив голову на живот Кейтлин, хотя оба были одеты. Их дружба явно перерастала во что-то большее, и старуха не сомневалась, что зачинщица этого — Кейтлин.

«Удачи вам», — подумала она без малейшего осуждения. Цура знала, что Юэн ищет свою семью, и надеялась, что он их найдет, но все-таки, как ей казалось, это было очень маловероятно. Она никогда не видела жену Юэна и не испытывала к ней никаких чувств. А вот Кейтлин — хорошая девочка, хотя и слишком скрытная. Да такая

ли уж и девочка она? Старуха хорошо разбиралась в людях, смотря не на внешность, а сразу внутрь, и в случае с Кейтлин поняла сразу: эта не так юна, как кажется.

Стараясь не разбудить спящих, старуха принялась тихонько готовить завтрак. Недели назад цыганам удалось выменять пару десятков яиц. Бросив их в воду, чтобы проверить на свежесть, Цура решила, что сделает грибной омлет.

Юэн и Кейтлин проснулись от вкусного запаха.

Поняв, где он находится, Юэн быстро встал на ноги, хотя двигаться совсем не хотелось. Кейтлин приходила в себя дольше: она почти не спала с того момента, как Юэн вернулся с бурной смены, и теперь, сев на кровати, терла веки, словно налитые свинцом.

— Что случилось ночью? — спросила она.

Юэн ответил, не поднимая глаз:

— Меня чуть не убил темный пес.

— Как это? Ты что, вышел из кабины?

— Забыл запереть дверь.

— Дурак! — крикнула Кейтлин и заехала ему кулаком в плечо; потом, разгорячившись, заехала еще сильнее.

— Эй, ты чего? — удивленно сказал мужчина и отодвинулся от нее подальше.

— Ну, будет вам, голуби! — ласково сказала Цура. — Каждый порой ошибается.

— Ведет себя как мальчишка, — пробурчала Кейтлин. — Как будто он один во всем мире...

— Джорди говорит, ты прикончил одного из псов в поединке, — сказала Цура, следя за реакцией Юэна.

Тот молча кивнул, уплетая омлет.

— Ты не понимаешь, что это значит? — спросила старуха с загадочной улыбкой.

Юэн пожал плечами.

— Ты убил темного пса, Юэн. Один на один. На земле. Никто из наших такого не делал. И не слышал, чтобы кто-то мог сделать, — объяснила Цура. — Джорди говорит, что ты раскромсал его ножом. Он уверен, что ты и всех остальных бы порвал на куски, если бы он не вмешался.

Юэн вздрогнул, и Кейтлин взяла его за руку.

— Если бы он не вмешался, меня бы уже не было, — буркнул мужчина.

— На самом деле, все это понимают. Но тебе все равно придется в героях походить. Людям нужны такие примеры. Нужна надежда, что мы выберемся, что выживем. Что отвоюем у этих тварей наш мир.

Юэн скептически покачал головой.

— Надежда — это сильная штука, — продолжила Цура. — Только благодаря ей мы боремся, благодаря ей все еще и не сдаемся.

Юэн, наконец, набил рот омлетом и ответил, не прекращая жевать:

— Тут-то все понятно. Только герой из меня никакой.

Кейтлин засмеялась, но, поймав удивленный взгляд мужчины, закрыла рот рукой:

— Извини.

Цура тоже улыбалась.

— Что? — спросил Юэн, слегка раздраженный таким пристальным вниманием к себе.

— Ты покинул безопасность и уют и отправился в морозные, смертоносные пустоши на поиски своей семьи, не зная, куда их забрали и есть ли шанс вернуть их домой, — сказала Цура.

— А по пути нашел время, чтобы спасти меня, — добавила Кейтлин.

— Так поступил бы каждый, — смутился Юэн.

— Нет, так поступили бы очень немногие, — возразила старуха. — Остальные думают, что это легко, а как доходит до дела — находят тысячу оправданий, чтобы остаться дома, в тепле и безопасности. — И она стала перечислять насмешливым тоном, загибая пальцы: — Я не знаю, куда они пошли. У меня нет припасов. У меня есть долг перед сообществом. Мир полон опасностей, там творятся всякие ужасы... В общем, этот список бесконечен.

— А как потом спать по ночам, зная, что ты ничего не сделал? — задумчиво спросил Юэн.

Кейтлин, наблюдавшая за ним, довольно улыбнулась и принялась за еду.

— Надеюсь, ты этого никогда не поймешь, — мягко сказала Цура и протянула ему кожаный шнурок, на котором висел серебряный диск в виде колеса телеги. — Это тебе, Юэн. Скромный подарок большому человеку.

Юэн собрался было отнекиваться, но Цура не дала ему сказать и слова:

— Я не часто дарю подарки и обижаюсь, когда от них отказываются.

Она улыбнулась, и Юэн решил не возражать.

— Раз так — спасибо. Красивая вещь.

Старуха ласково потрепала его по щеке:

— А теперь быстро доедайте. Наши хотят вас видеть.

Позавтракав, они оделись, помогли хозяйке вымыть посуду, отчистили снегом сквородку и вышли из фургона. В центре лагеря уже собрались люди.

У кабины, где Юэн принял бой, снег был заляпан черными и багровыми пятнами, но мертвого чудовища там уже не было: цыгане утащили тушу. При виде Юэна все захлопали.

Покраснев, мужчина поднял руки, чтобы остановить неожиданную овацию, но люди стихли, только когда заговорила Цура.

— Пока вы спали, мы собрались и приняли решение. Мы направляемся в Донкастер, но по пути сделаем небольшой крюк и доставим вас в Конисбро.

— Спасибо, — сказал Юэн и улыбнулся всем собравшимся. — Но зачем вам терять время? Мы и сами доберемся.

Эти слова были встречены хором протестующих голосов:

— Да нам нетрудно!

— Все равно по пути!

— Пешком идти замучаешься!

— Куда девчонку-то потащишь?

Цура подняла руки, и шум стих.

— Как видишь, решение уже принято. Заодно посмотрим, чем там, в Конисбро, можно поживиться, — подмигнула она.

— А далеко дотуда?

— Полдня пути, пешком или на вардо, так что ты ничего не теряешь, — ответил Джорди.

— Спасибо, — повторил Юэн и улыбнулся.

Цыгане тоже заулыбались и, не сговариваясь, дружески похлопали друг друга по плечу и разошлись по своим фургонам.

— Помогите мне разогреть котел, — попросила Цура, и Юэн с Кейтлин пошли за ней.

Час спустя они были уже в пути, и Джорди, верный своему слову, посадил Кейтлин за руль. Она управляла огромной машиной, тащившейся по толстому снегу, и лицо ее светилось детским восторгом.

Фуругоны ехали очень медленно: мощности двигателей хватало только на то, чтобы приводить их в движение, о скорости мечтать не приходилось. Зато ни снег, ни грязь не считались препятствиями: вардо везде прокладывали себе дорогу. Это было тем более кстати, поскольку цыгане не признавали ни дорог, ни шоссе. Они тащились напрямую через поля, безо всяких усилий проламываясь через деревья и кусты.

В вардо Цуры был компас, который она прикрепила к приборной доске перед водительским креслом; по нему она прокладывала курс, ориентируясь на далекие объекты. Юэн спросил старуху, как она выбирает маршрут, и та, смеясь, ответила, что колесит по стране уже не первый десяток лет и может ездить тут вслепую.

Вокруг, в отличие от севера, были одни равнины, а потому горизонт казался дальше. Порой Юэну мерещилось вдалеке какое-то движение, но он не мог разобрать, что это было. К полудню они проехали затопленный карьер по левому борту, и чье-то массивное тело нырнуло в глубину при их приближении, пустив по воде приличную рябь. Справа стояла разбомбленная деревня: даже сквозь снегопад видны были кратеры.

Вскоре показалась река, первая настоящая река, которую Юэн видел за последние двадцать с лишним лет: она вырвалась из плена и стремилась вперед, унося с собой потрескавшиеся льдины. Заметив удивление мужчины, Цура сказала:

— У нас с каждым годом теплеет.

* * *

Конисбро был построен на холме и, очевидно, знал лучшие времена. Большая часть города теперь превратилась в завалы почерневшего щебня на краю кратеров, заполненных снегом, льдом и водой. Под ними, у подножия холма, у самой реки, возвышалась сторожевая башня средневекового замка, окруженная потрепанной, но все еще крепкой каменной стеной. Из-за стены поднимались струи дыма от костров и доносился далекий стук молотка.

Юэн зачарованно глядел на замок: ему казалось, что из ворот вот-вот покажутся гарцующие рыцари.

— Странное дело, — заметила Цура. — После войны люди в деревнях вернулись туда, где укрывались от опасности их предки: в старые церкви, замки и тому подобное. А вот стеклянные офисные здания и панельные многоэтажки никому не сдались...

— Мы, в Глазго, ушли в подземку.

— Но тоже не все, — грустно сказала старуха. — Наверное, когда в туннели набилось достаточно народу, охранники просто заперли двери?

Юэн не раз наткался на груды скелетов у входов в метро и пытался представить себе отчаяние, которое чувствовали в те последние дни люди, оставшись наверху, вда-

ли от любимых. Он ничего не ответил, но Цура заметила на его лице грусть.

— Старые здания — отличное укрытие, — продолжила она. — Подземные склепы и толстые стены спасали от осколков, радиации и холода. А когда, уже после войны, началась ежедневная борьба за воду, топливо и еду, эти постройки давали своим жителям много преимуществ.

— Их ведь для того и строили изначально, — сказал Юэн.

— У нас была такая цивилизация, что мир казался крохотным... — задумчиво произнесла Цура. — А спасли нас, в конце концов, стены, поставленные далекими предками...

Тут Юэна посетила внезапная мысль, и он поспешил ее озвучить:

— А что делали цыгане в первые годы?

— Выжили немногие. Сгинули от бомб, эпидемий и прочих ужасов войны. А самые умные и проворные ушли в поля, подальше от всех.

Она вздохнула и повела плечами, как будто на нее вдруг свалился огромный груз.

— Первое время нас косили болезни, голод, холод и черный дождь — он часто шел после ядерных бомбежек.

— А как выкарабкались вы с вашим табором?

— Многие из наших умели работать по металлу. Однажды, недалеко от деревни Пикеринг, мы нашли одно интересное сооружение, — Цура говорила, не отрывая глаз от старого железнодорожного моста, по которому она собиралась проехать. — Это было паровозное депо. Развлечение для туристов, — сказала она и улыбнулась сама себе: до того нелепо звучало сейчас это слово. — Там мы построили фургоны из того, что было под рукой, и пустились в путь. Встречали других цыган — передавали им чертежи. Так и повелось. Теперь все цыгане Британии путешествуют в таких фургонах. Все-го по стране сейчас разъезжает таборов двадцать.

Впереди все было завалено щебнем и булыжниками, и дальше Цуре пришлось ехать к замку по дорогам, на которых, как ни странно, не было ржавых автомобильных остовов.

— Вы живете лучше всех. Даже лучше, чем в Глазго, — сказал Юэн.

— Мы кочуем, Юэн. От одного хлебного места к другому. Первые люди тоже так жили.

— Тоже возродили из пепла старые традиции?

— Нет, только не мы, — Цура расплылась в улыбке. — Мы испокон веку так живем. Нас за это гоняли отовсюду и во все времена. Даже сейчас раболовцы все норовят застать нас врасплох, да затащить в свои норы...

Вардо забралось на холм, и перед ними раскинулся старинный замок. Там, где стены обветшали и обрушились, они были построены заново и укреплены железными скобами или панелями. За долгие годы железо успело основательно проржаветь, и казалось, будто вся стена забрызгана кровью.

Сверху открывался вид на внутреннюю территорию замка: все пространство занимали грубые двух-или трехэтажные постройки, сделанные из старых грузовиков, грузовых контейнеров и прочего хлама. Вблизи уже ничего не напоминало Юэну о средневековье, кроме сторожевой башни: она смотрела на этот ржавый муравейник сверху вниз, как последний оплот гордости и чести, одна почти не изменившись со стародавних времен. Конечно, если прикрыть глаза рукой так, чтобы не было видно уро-

длинного укрепления из контейнеров на самом ее верху.

Дым поднимался над всем поселением, струясь из труб или трещин в прохудившихся потолках. На стене стояли вооруженные люди и наблюдали за их приближением.

Вдруг Юэн расплылся в детской улыбке, и Цура засмеялась, потому что сразу угадала его мысли: из ворот замка выехали два человека на лошадях и рысью поскакали к фургонам.

Глава 12

ДРУИДЫ

Цура остановила вардо и вышла из кабины, поджидая всадников.

— Юэн, золото мое! Будь добр, полезай на крышу и покажи им, что у тебя автомат, — попросила она тихо, но серьезно.

Это был мудрый ход: иногда демонстрация силы полезнее, чем ее применение.

Лошади выглядели более сытыми и здоровыми, чем люди на их спинах. Цура рядом с ними казалась карлицей. Перекинувшись парой слов со старухой, всадники резво спешили, и завязалась оживленная беседа. Юэн не слышал, о чем они говорили, но, заметив радостные улыбки на лицах гостей, расслабился.

Всадники снова забрались на лошадей и помахали цыганам, высыпавшим из других фургонов. Видя, что те машут в ответ, Юэн и сам решил не отставать. Цура махнула ему рукой, чтобы слезал, и довольно крикнула:

— Они уже седьмой год живут без врача. Значит, я тут дорого стою!

Хотя Юэн был рад за нее, он все же заметил:

— Наверное, странно быть целителем и искать выгоду в чужих несчастьях...

Цура засмеялась:

— Да, я понимаю, как это выглядит со стороны. По правде говоря, меня не волнуют их проблемы и болезни.

Юэн удивленно уставился на старуху.

— Мир жесток, Юэн. Я рада помочь другим — но лишь в обмен на то, что нужно нам. Каждый выживает по-своему, и я не исключение.

— Неужели вам все равно? — спросил Юэн. — Это жестоко.

— Я бы так не сказала. Подумай, сколько людей сейчас страдают или нуждаются? А сколько ты знаешь целителей?

Она замолчала, следя за тем, как удивление на лице Юэна сменяется пониманием.

— Вы переживаете только за тех, кто кочует с вами? Кто это заслужил?

— Именно так. Пусть животное докажет, что оно — человек; пусть человек докажет, что он чего-то стоит. Это суровый принцип, и я не всегда его придерживалась. Сразу после войны я пыталась спасти всех подряд.

— И что изменилось?

— Выходила одну компанию, а они меня связали и насиловали несколько дней кряду.

От того, как спокойно старуха об этом говорила, Юэну стало не по себе.

— Я сбежала, но с тех пор не могла рожать.

— Я... — начал Юэн.

— Не надо ничего говорить. Ты тут ни при чем, да и для меня все это былем порося. Но к людям я с тех пор отношусь... Сам понимаешь.

— Тогда почему вы...

— Почему я взяла в табор тебя с девчушкой?

— Ну да... Почему?

— Я вижу в ней себя, Юэн. Себя молодую.

* * *

Перед замком было поле, покрытое плотно утоптанном настом; цыгане направили туда свои вардо, поставили их кругом и собрались в его центре. Затем взрослые стали разгружать фургоны, а дети — ставить между ними фанерные щиты, чтобы остался только один проход, ведущий в лагерь и обратно. Под навесами, воздвигнутыми на тонких металлических рейках, были расставлены столы.

Пока взрослые раскладывали товары, дети, радостно гомоня, вытащили из-под фургонов вязанки веток и дров и разложили в центре лагеря большой костер. Старший из них, мальчик лет четырнадцати, украдкой поглядывавший на Кейтлин, поднес факел, зажженный от топки, и костер занялся.

Гости табора заворуженно наблюдали за этими кипучими приготовлениями, и Юэн даже не сразу заметил, что девушка держит его за руку.

На столах появился широкий ассортимент: Джорди выставил небольшой настольный пресс и россыпи патронов разного калибра, Цура — ряды горшочков, склянок и мешочков с травами и лекарствами. Одна семья вытащила дизельный генератор и подсоединила его к зарядному устройству для аккумуляторов, которых у них накопилось во множестве. У другой семьи оказались приличные запасы довоенной выпивки — от виски до пива: и полупустые бутылки, и новые, нераспечатанные. На пятом столе был разложен всяческий раритет: рулоны папиросной бумаги в пластиковой упаковке, фольга, герметичные пакеты, инструменты и кухонная утварь. Шестой стол, за которым сидела семейная пара стариков, ровесников Цуры, был завален книгами и музыкальными инструментами.

Под веселый треск костра табор внезапно зажил собственной жизнью, словно и не было жуткого и опасного мира за его стенами. Джорди, шагая по крышам, установил по периметру прожекторы, освещавшие подходы к лагерю; еще два луча света были направлены внутрь. Из громкоговорителя на одном из вардо заиграла симфоническая музыка, разливаясь эхом по снежным просторам, до самого замка.

Обитатели замка, до сих пор стоявшие на стене и наблюдавшие за табором, вдруг хлынули из ворот, и каждый нес что-то в руках: живую курицу, ржавую лопату, набор ножей, аккумулятор, яйца, свежие веточки мяты, саженцы — все, что было более-менее ценного. Когда первая волна достигла лагеря, Юэн и Кейтлин переглянулись и залезли на крышу фургона Цуры, чтобы не потеряться в толкотне.

Процесс налачился бойко; цену своим товарам бродяги определяли на ходу, глядя на возможности покупателей. Торговались яростно, но честно: у цыган встречались редкие и ценные предметы, и они меняли их на то, чего не могли добыть сами: дюжина яиц за быструю зарядку для аккумулятора, две дюжины — за новый аккумулятор, проверенный на глазах у покупателя. Книга уходила за две большие свеклы, которые цыгане для верности обводили дозиметром.

День клонился к закату, первые покупатели — в основном, довольные — вернулись из лагеря в замок; поток запоздавших все еще тянулся, но редел на глазах. Прожекторы горели, пока последний клиент не добрался в целости и сохранности до замка, и только тогда цыгане стали паковаться.

Вечером, когда столы были убраны, все обитатели табора ужинали вместе, сидя вокруг большого костра. Дети танцевали, и все хотели узнать побольше о Кейтлин и Юэне. Если дружно и плотно, а спали крепко, и видели хорошие сны. Ложась в кровать, Цура слышала, как Кейтлин спросила засыпающего спутника:

— Юэн, ты ведь меня никогда не бросишь?

Тот, осоловевший от впечатлений, еды и тепла фургона, сказал, не вдумываясь:

— Никогда...

Он уже спал, когда Кейтлин ответила сама себе, не зная, что старуха слышит:

— Тогда и я тебя никогда не брошу...

* * *

К рассвету облака рассеялись, и под ярким солнечным светом снег казался ослепительно чистым одеялом, покрывающим землю. Юэн и Кейтлин выбрались из вардо в темных очках и подошли к Цуре и Джорди, которые степенно беседовали с двумя вчерашними всадниками. Сначала разговор шел о том, что нужно жителям замка и что из этого цыгане могут привезти в следующий раз. Потом Цура представила своих гостей:

— Это странники, которым временно с нами по пути. Юэн, Кейтлин: это Сэм, а это Карл.

Двое из замка почтительно поклонились Кейтлин и пожали руку Юэну. Карл, прекрасно подходивший под свое имя, был совсем маленького роста, почти карлик, но, казалось, смотрел на всех сверху вниз.

— Цура говорит, вы ищете Сару? — спросил он необычно низким голосом для такого крохотного человека.

Юэн кивнул:

— Нас направил сюда имам из Йорка.

— Имам? — удивился Карл.

— Да, имам Хусейн.

— Хусейн? Это такой, чуть повыше меня?

— Пакистанец? — вмешался Сэм.

— Да, он самый, — подтвердил Юэн.

— Не знал, что его зовут Имам, — покивав, сказал Сэм.

Карл только закатил глаза и повернулся к Юэну и Кейтлин.

— Сары сейчас нет в замке. Она в Донкастере, у друидов.

— У вас тут что, друиды? — спросил Юэн, улыбаясь шутке.

Карл и Сэм смотрели на него без тени улыбки.

— Они серьезно в это верят, Юэн, — сказал Карл.

— С ними лучше не связываться, — добавил Сэм.

— Почему?

Мужчины замаялись и осмотрелись, нет ли поблизости лишних ушей. Но Цура, видя их неловкое положение, ответила первой:

— Они возродили древнее поверье. Но вот беда: поверье такое древнее, что в точности о нем никто ничего не знает.

Юэн не понял, что она имеет в виду.

— Настоящие друиды жили тысячи лет назад. От их народа, кельтов, не осталось никаких летописей... Ничего письменного. А мода на друидов осталась.

— То есть, теперь они выдумывают, что хотят? — спросила Кейтлин.

— Не совсем. До войны были люди, называвшие себя друидами. Их верование было основано на древнеримских текстах, которые каждый мог трактовать по-своему.

— Ну, а я что говорила? — самодовольно сказала девушка. — Выдумывают, что хотят.

— Выходит, что так, — с улыбкой согласилась Цура.

— Но если много людей верят во что-то, это же правда? Для них? — вступил в дискуссию Джорди.

— Нет, это называется согласованная реальность. Или массовая галлюцинация, — сказала старуха. — Это значит, что все эти люди — доверчивые дураки.

— Вот вам и вся религия, — сказал Сэм и сплюнул на землю, но тут же, спохватившись, виновато поглядел вокруг.

— Тогда зачем их бояться? — спросил Юэн. — За что вы их так не любите?

— Они верят в то, что могут исцелить землю и облегчить страдания ее обитателей, — басом произнес Карл.

— Вот как? Они что, ученые?

— Вот уж нет, — мрачно сказала Цура.

— Тогда я не понимаю. Как они собираются исцелить и облегчить?

— Магией, — загадочно сказал Сэм.

— Ну ты как ляпнешь... — снова закатил глаза Карл.

— Тогда чем? — спросила Кейтлин.

— У друидов была странная вера, — сказала Цура. — Например, лучшим подарком богам они считали человеческую жизнь.

— Что-то мне подсказывает, что они не делали им деток, — отозвался Юэн.

Цура покачала головой.

— Они приносят людей в жертву?

Все четверо кивнули. Кейтлин придвинулась ближе к Юэну, и он приобнял ее.

— И никто ничего не делает? — возмутилась девушка.

— Вера — сильное оружие, как и страх, — ответил Карл. — Друиды используют и то, и другое.

— А почему Сара с ними? Она что, разделяет их веру? — спросил Юэн.

Мужчины засмеялись.

— Нет. Она их забалтывает. Следит, чтобы сидели в своем болоте и не тянулись к нам на огонек.

— Как ей это удается?

— Сара продает им омелу, — сказал Сэм. — Она очень важна для каких-то друидских обрядов, а у них почему-то не растет.

— И скоро Сара вернется? — спросила Цура.

— Дня через два-три, — ответил Карл. — Можете подождать, если хотите.

— Думаю, так мы и поступим, — сказала старуха Юэну. — Мы подождем вместе с вами.

— Или, если хотите, можете остаться в замке, — предложил Карл.

— Спасибо за предложение, — ответил Юэн, — но мы останемся с Цурой, раз уж она решила задержаться.

— Мы сообщим, когда Сара вернется. Если только она сама не придет к вам раньше.

Все пожали друг другу руки и разошлись.

Вечер в цыганском таборе прошел тихо, без приключений, только несколько человек явились из замка, чтобы обменяться какими-то мелочами.

После ужина Юэн и Кейтлин помогли Цуре вымыть посуду, и вскоре старуха, уставшая за день, отправилась спать. Гости тоже не стали засиживаться: все-таки шанс выпастись в покое и безопасности выпадает не часто. Паровой двигатель выключили, но маленькой печки хватило, чтобы согреть весь фургон, и в тепле их сморило почти мгновенно.

* * *

В голове звенело, по фургону гулял ветер, снежинки падали на лицо.

Продрав глаза, Юэн выбрался из спального мешка и закрыл дверь. Затем он взял с полки фонарь Цуры и посветил на замок: он был цел. Мужчина повернулся проверить, не разбудил ли холод Цуру. Занавеска была отдернута, постель — в беспорядке.

Цуры в фургоне не было.

Юэн постоял немного, пытаясь собраться с мыслями, и вдруг понял, что стоит на том самом месте, где вчера уснула Кейтлин. Охваченный внезапной паникой, он огляделся: обеих женщин и след простыл, но — что не на шутку его встревожило — их сапоги, плащи и рюкзак Кейтлин были на месте.

Быстро одевшись, Юэн собрал вещи и пошел будить Джорди. Он так колотил в дверь фургона, что поднял на ноги не только всех цыган, но и часовых на стене замка: они направили на табор прожектор, чтобы убедиться, что все в порядке.

— Юэн, чего шумишь? — спросил всклокоченный спросонья Джорди, едва появившись на пороге. Но, увидев бешеные глаза и бледное лицо Юэна, он и сам заволновался:

— Почему такой дурной?

— Цура и Кейтлин пропали. Они не у тебя?

Джорди покачал головой и огляделся: вокруг уже виднелись лица людей из других фургонов.

— Эй, ромалэ, кто видел Цуру и девчущку?

По дружному гулу было понятно — никто.

— Ай, это плохо! — сказал Джорди и взял сапоги и плащ, которые молча протянула ему Лайла. — Рассказывай, что было.

— Я проснулся. Было холодно. — Юэн замолчал; больше рассказывать было нечего.

Джорди замер, не надев до конца сапог.

— Лайла, ну-ка, глянь его. Что-то не так.

Та вышла вперед и внимательно посмотрела в глаза Юэну, повернув его лицом к свету.

— Одурманили его. Газом или чем-то еще.

— Так я и думал...

Джорди встал, попрыгал на снегу и достал откуда-то странное ружье, какого Юэн раньше не видел. Цыган поймал взгляд Юэна и объяснил на ходу, направляясь в центр лагеря, где уже собирались люди:

- Снайперский винтовка, у солдат был до войны. Сам для него патроны делаю.
- Хорошая, наверное?
- Хороший или нет — другого такого пока не видел.

Послышался конский топот, и в свете прожекторов в лагерь на лошади ворвался Карл с дробовиком в руке, а следом за ними — пятеро мужчин из замка.

- Недосчитались кого-то?
- Двух женщин, — ответил Джорди.
- Мы тоже, — мрачно сказал Карл и кивнул на своих спутников. — Это их родственники. Собираемся идти выручать.
- Мы с вами, — сказал Юэн, стряхивая последние остатки дурмана.
- Давайте, — согласился коротышка. — Вместе веселее...

* * *

Казалось, и люди из замка, и обитатели табора точно знают, куда идти. Юэна это немного беспокоило, однако, когда он заговорил об этом, Карл тут же сменил тему, а цыгане просто сделали вид, что не слышат.

Шли на северо-восток, по непривычно свободной дороге. Все машины были сдвинуты на обочины, и оттого заснеженная асфальтовая дорога превратилась в аллею, где вместо деревьев тянулись с двух сторон вереницы ржавых железок, бывших когда-то новейшими достижениями техники. Дорога повернула всего два раза, а в основном шла по прямой, пока отряд не оказался на мосту, под которым тянулась широкая автотрасса, не занесенная снегом.

Юэн сверился с воображаемой картой в голове.

- Это трасса А1?
 - Точно, брат. И сучий мох тоже на месте, — ответил Карл.
 - Что это такое?
 - Понятия не имею.
 - Он повсюду, Юэн, — ответил Джорди. — Идет по этой дороге через всю страну.
- Карл посмотрел вниз через перила и смачно плюнул в мох.
- Дальше не спешим и смотрим в оба, — предупредил он.

С той стороны моста их ожидало жуткое приветствие от жителей этого края. Дорога шла меж рядов разрушенных зданий и переходила в бульвар. Деревья по бокам сохранились — голые и обугленные, чернеющие на фоне домов с окнами, пустыми, как небо. На ветвях болтались трупы в разных стадиях разложения.

Крысы, птицы и прочие падальщики не раз пировали на этих останках, превратив их в наглядный памятник бренности бытия. Кое-где висели тела темных псов, сохранившиеся гораздо лучше людей: видимо, трупоеды ими брезговали.

Одного из цыган вывернуло прямо на дорогу. Юэн и сам еле сдерживался: ему было дурно от одной только мысли о том, что на следующем дереве может висеть Кейтлин.

Джорди положил руку ему на плечо:

- Не бойся, друг. Ее здесь нет. У нас еще есть время.

Юэн ждал объяснений, но их не последовало, и отряд двинулся дальше в полном молчании.

Чем глубже они забирались в развалины города, тем больше попадалось признаков жизни. То тут, то там встречались уцелевшие дома, в окнах виднелись отблески огня, или дым поднимался из трубы в чернеющее небо. Миновали еще один мост, под которым тянулась затопленная железнодорожная линия, после чего Карл подъехал к Юэну.

— Когда-то давно тут были одни болота. Потом их осушили, но после войны дренажная система разрушилась, и теперь тут снова сплошь топи да трясины.

Пока они смотрели вниз, что-то плюхнулось в воду. Юэну показалось, что это была крыса, но, судя по звуку и брызгам, размером она была с хорошую псину.

— Если разделимся, помни: это единственный путь в центр города и обратно. Все остальные друиды перекрыли или уничтожили. Чтобы отрезать себя от мира. Они говорили, что им от него ничего не нужно, — сказал Карл.

— Врали, — мрачно произнес Юэн.

— Я подожду здесь, — Карл осадил лошадь. — Мне нельзя вмешиваться.

— Почему? — удивился Юэн.

— Нам еще жить рядом с этими психами. Я — главный в замке, мне потом с ними общаться.

— Почему вы миритесь с этим? — покачал головой Юэн.

— А что делать? В замке немало людей, которые верят в их богов...

Джорди окинул Карла холодным взглядом:

— Мы тут торговали и раньше, но нас никто не трогал.

— Ну, значит, сейчас чего-нибудь попросят, — сказал Карл. — Вы не теряйте времени. Если опоздаете, церемония начнется без вас.

— Что еще за церемония? — спросил Джорди, но Карл только развернул лошадь и дал ей шпоры.

Джорди незаметно придержал Юэна за руку. Пропустив остальных вперед, он подошел ближе и прошептал ему на ухо:

— Я пойду, затаюсь в развалинах. Это я хорошо умею.

Юэн кивнул.

— Не бойся: в нужный момент я буду готов, — сказал цыган и, помолчав, добавил: — Он врёт. Есть еще один выход. Надо бежать к реке и молиться, чтобы тебе повезло.

Он подмигнул Юэну и вскоре, когда отряд проходил мимо трех башен жилых домов, одна из которых осела, опершись на соседнюю, незаметно растворился среди теней и снега. Юэн же проверил оружие и расстегнул ремешки на ножнах.

Их путь лежал мимо перекрестка с круговым движением, и дальше — в самый центр города, где многие дома прекрасно сохранились, хотя и были запачканы сажей. Теперь вдоль дороги, с двух сторон, стояли железные бочки, в которых горел огонь; откуда-то впереди доносились песнопения.

На следующем перекрестке дорога расходилась в четыре стороны, но слева, за углом, мерцали отблески огня, и отряд повернул туда. Их ждало странное и дикое зрелище: на площади перед большим домом пылал огонь в открытом каменном очаге. Перед очагом стояли четыре металлических дерева, а под каждым из них — по каменному алтарю, и на каждом алтаре лежала на спине обнаженная женщина.

Юэн сразу заметил Кейтлин, дрожащую от холода, и Цуру, лежащую на соседнем алтаре без сознания. Кейтлин тоже его увидела и задержалась, но веревки держали

крепко, а тугой кляп душил в горле крики о помощи. Юэн бросился было к подруге, но чья-то рука крепко схватила его за плечо и удержала на месте.

— Не дури, парень. Подожди немного. Поспешишь — все испортишь.

Отряд медленно двинулся по дороге на площадь. Юэн разглядел, что женщины привязаны так, чтобы ноги были широко раздвинуты, а руки стянуты вниз, под каменной плитой. Это зрелище пробудило в нем какие-то первобытные чувства, и ему стало стыдно перед Кейтлин, которую он так заботливо защищал, и перед своим родным Метро, где люди жили трудно и бедно, но тратили последние силы на то, чтобы уважать человеческое достоинство друг друга.

Пока они шли к алтарям, из дверей дома напротив вышла на широкую лестницу процессия в коричневых робах, с женщиной во главе. В тот же момент из всех домов вокруг площади высыпали люди. Юэн и его небольшой отряд оказались в плотном кольце, и теперь уже не они шли, а их вели и подталкивали к площади.

Высокая фигура в коричневой мантии первой дошла до подножия одного из алтарей и величественным жестом приказала отряду Юэна остановиться. Женщина осталась стоять на лестнице. Остальные друиды — двадцать человек в надвинутых на лица капюшонах — обошли ее, спустились на площадь и встали, по пятеро у каждого алтаря. Женщина заговорила, четким и звонким голосом:

— Люди Британии, *фолче!*[5]

И все люди, собравшиеся на площади, эхом повторили: «Фолче!»

— Мать Земля истекает кровью! Жизнь выходит из ран, пробитых войной! — продолжила она, и люди снова ответили эхом:

— Войной!

— Пробитых жестокостью!

— Жестокостью!

— Пробитых ненавистью!

— Ненавистью!

Женщина замолчала, и Юэн заметил, как толпа в нетерпении подалась вперед.

— Мы должны вернуть жизнь земле, жизнь — в лоно жизни!

— Жизнь — в лоно жизни! — ответило эхо.

— И земля благословит людей!

— Благословит людей!

— Так принесем же наш дар: жизнь в лоно жизни!

Старшие жрецы у каждого алтаря монотонно отозвались по очереди:

— Да будет жизнь на востоке.

— Да будет жизнь на западе.

— Да будет жизнь на юге.

— Да будет жизнь на севере.

Наступила тишина, и в этой тишине разнесся голос женщины, стоявшей на лестнице:

— Да будет жизнь на земле! Пусть жизнь, вернувшись в лоно жизни, снимет заклятье зимы!

При этих словах каждый из четырех мужчин, произнесших слова ритуала, приподнял края мантии — и Юэн вдруг понял, что они собираются сделать. Не задумываясь, он сорвал с плеча автомат, готовый сейчас же вступить в неравный бой, и тут человек из замка, который остановил его в первый раз, вышел вперед и громко произнес:

— Мы явились по праву мужа, брата, отца и друга.

Четыре жреца отработанными движениями опустили свои мантии и отошли на несколько шагов от беззащитно лежащих пленниц. В душе Юэна по-прежнему было ледяное и решительное спокойствие, но он решил подождать с расправой и посмотреть, что будет дальше.

Женщина на лестнице повернулась к тому, кто нарушил обряд, заметила автомат в руках Юэна, но не проявила ни тени беспокойства.

— Просители, вы готовы совершить дар мирской вместо дара жизни в лоно жизни? — торжественно спросила она. — Что вы можете предложить взамен великого дара Матери Земле?

— Это же вымогательство! — возмущенно прошептал Юэн.

— Ну да, — прошептал ему в ответ мужчина из замка.

— Сволочи!

— Ну да, — повторил мужчина и громко обратился к женщине: — Какой дар вы от нас примете?

Женщина сделала вид, будто погрузилась в раздумья, затем жестом подозвала к себе старших жрецов, и все пятеро притворились, что решают этот трудный вопрос сообща. Потом жрецы вернулись к своим жертвам, и первым заговорил тот, что стоял рядом с Цурой.

— Мы примем в дар спирт, чтобы промывать наши раны, — нараспев произнес он и замолчал, выжидающе глядя на группу цыган.

Один из них выступил вперед и сказал:

— Ладно, дадим.

Жрец махнул рукой, разрешая цыганам забрать Цуру, которая уже начала синеть. Пока ее развязывали, кутали в плащ и уводили от алтаря, у людей из замка потребовали в обмен на двух пленниц угольные фильтры для воды и несколько живых куриц, на что те, скрепя сердце, согласились и тут же были подпущены к алтарям.

Наблюдая за тем, как отпускают пленниц, толпа недовольно роптала. Кое-кто из зрителей в сердцах разворачивался и направлялся домой, на развалины, где было хоть немного теплее, чем на площади. Последней оставалась Кейтлин, которую трясло крупной дрожью на холодном камне, и Юэна охватило отчаяние: ему нечего было предложить этим фанатикам. По-прежнему держа автомат, он шагнул вперед и обратился к друиду, стоящему у алтаря:

— Какой дар вы примете от меня?

Друид уже открыл было рот, но женщина на лестнице перебила его, глядя на автомат в руках Юэна, и коварная улыбка заиграла на ее губах.

— Тот, кто пришел с войной, лишен права говорить с рощей. Ты пронес оружие в это священное место, — сказала она с нескрываемой радостью и повернулась к толпе: — Этот человек принес с собой насилие и раздор!

Толпа загудела от негодования и восторга, предвкушая скорую расправу над жертвой.

— Мы не примем от него даров. Но его женщина принесет дар жизни в лоно жизни и только так искупит его грехи.

Гул толпы перешел в песнопение:

— Авен!

— Авен!

— Авен!

Женщина повернулась к жрецам и дала им знак начинать обряд.

— Отпустите ее! — громко сказал Юэн, шагнул вперед и повторил, чеканя каждый слог: — Отпустите!

Толпа злобно взревела, и пятнадцать друидов, лишённые своих жертв, бросились навстречу Юэну, сжимая в руках короткие ножи с изогнутыми лезвиями. То тут, то там в толпе уже мелькали стволы, нацеленные на Юэна. В этот момент раздался далекий хлопок, и верховная жрица упала замертво, окропив своей кровью ступеньки лестницы. Следующим рухнул друид, нависший над Кейтлин: ему в голову угодила пуля калибра 338, и лицо его с тошнотворным чавкающим звуком разлетелось на мелкие ошметки.

Рев толпы сменился криками ужаса, и люди на площади, мгновенно растеряв боевой пыл, разбежались, кто куда. Друиды бросились к верховной жрице, лежавшей на лестнице, как сломанная кукла. Путь к алтарям был свободен.

Кто-то схватил Юэна за руку, удержав его на полпути.

— Я — Сара. Мне сказали, что ты меня ищешь. Забирай девчонку и беги со всей дури! — сказала незнакомая женщина и показала на переулок с другой стороны площади.

Юэн и сам понимал, что надо бежать, а теперь знал и куда. Бросившись вперед, он закинул автомат за плечо. Нож, словно сам собой, появился в его руке и, как масло, разрезал тугие веревки. Обнаженная и беззащитная Кейтлин смотрела на спасителя пустыми сонными глазами.

— Держись! — крикнул он, хватая девушку одной рукой и забрасывая на плечо. Потом заткнул нож за пояс, вытащил пистолет и рванул с драгоценной ношей через толпу, раздавая удары рукояткой направо и налево.

Узкий переулок вывел его на бывшую рыночную площадь, заросшую жалкими трущобами из гнилых досок, арматуры и ржавых железных листов вместо крыш; позади высилось большое здание, из которого пахло навозом.

Из темного дверного проема прямо на Юэна выскочил человек с двустволкой. Он что-то кричал, но беглец не мог разобрать слов: слишком громко стучала кровь в ушах. Он ничего не ответил — за него сказал его пистолет.

Юэн несясь через темный враждебный город, оскальзываясь в коварной слякоти под ногами. Несколько раз он чуть не упал, ободрал до крови колени, но ни разу не выпустил из рук Кейтлин. Миновав рынок, он бежал, оступаясь и тяжело дыша, между рядами ржавых машин, навеки припаркованных вдоль дороги. Справа стояло некогда белое здание, изуродованное взрывами и почерневшее от копоти. Слева раскинулись развалины старой церкви, от которой осталась только южная стена.

Путь заградили трое мужчин, и три ствола нацелились в грудь Юэна, но где-то далеко за его спиной Джорди был верен данному слову: двое сразу упали, пробитые насквозь с такой силой, что пули, вошедшие в грудь, разнесли им спины. Третьего снес сам Юэн, тремя выстрелами из пистолета, и враг бесформенной кучей обрушился на асфальт.

А дальше был канал, и некуда было бежать, и поздно было сворачивать.

Знакомый голос прокричал откуда-то слева:

— Сюда!

Юэн вертелся на месте, слепо озираясь. В темноте и бессилии он полностью потерял ориентиры. Голос прозвучал снова:

— Сюда, скорее!

И тогда он узнал: Сара.

Юэн заковылял в ее сторону, а в это время еще двое преследователей выскочили из темноты и тут же растянулись на асфальте. Заметив это краем глаза, беглец мысленно вознес хвалу небесам за цыган и за их верную дружбу. «Лишь бы Джорди добрался домой», — подумал он и в этот момент увидел Сару.

— Залезай, быстро! — приказала женщина, показав на баржу, пришвартованную у канала.

На дрожащих ногах Юэн спустился на баржу по веревочной лестнице. Сара проворно спрыгнула следом и бросилась к корме. Юэн пошел за ней, и баржа слегка накренилась от его веса. Он услышал, как закашлял мотор, и они отплыли.

— Неси ее туда, в каюту, пусть согреется! — прокричала Сара, уводя баржу на середину канала и пригибаясь, чтобы ее не видели с берега.

Бережно взяв Кейтлин на руки, Юэн пробрался в тесную, но теплую каюту. Там он бросился укутывать девушку одеялами и растирать ее посиневшее от холода тело. В это время баржа на всех парах неслась прочь от Донкастера, баламутя застывшую гладь болот вокруг канала.

Вся дрожа, из последних сил борясь с обволакивающим туманом беспамятства, Кейтлин протянула посиневшую руку и коснулась разгоряченного лица Юэна, утирая слезы, которые он лил, сам того не замечая.

— Спасибо, — еле выговорила она онемевшими губами, и сердце Юэна чуть не разорвалось на куски.

Глава 13

САРА

Баржа с треском ломала тонкий лед, резво мчалась по каналу в сторону Конисбро. Ни один из тех, кто погнался за Юэном, не выжил: снайпер свое дело знал.

Дверь открылась, и на пороге рубки появился Юэн.

— Ну как она, цела? — спросила Сара, не отрываясь от штурвала.

— Согрелась и спит, — устало ответил мужчина, любясь горизонтом, окрашенным лучами рассвета.

— Ты, говорят, меня искал?

Юэн ненадолго вышел из оцепенения. Он повел плечами, пытаясь размять затекшие мышцы и прогнать ощущение, будто он проклят судьбой.

— Имам Хусейн назвал ваше имя, когда мы гостили в Йорке, — ответил он, не глядя на Сару, и снова погрузился в раздумья.

Сара поглядела искоса на этого странного человека. Он выглядел так, будто тащил на своих плечах непомерный груз. У нее был собственный резон помочь ему и девчонке: кровавая расправа над ними могла зародить у жителей Донкастера другие, еще более дерзкие мысли. Но теперь, глядя на мужчину, она вдруг почувствовала прилив симпатии.

— Чем я могу помочь тебе... — На последних словах она сделала вопросительную паузу и посмотрела на него.

— Юэн, — представился тот. — Имам Хусейн назвал ваше имя.

— Это я уже слышала, Юэн, — осторожно сказала Сара, слегка беспокоясь за его душевное здоровье.

— Простите... Просто мне кажется, что везде, куда бы я ни попал, все хотят убить меня или тех, кто мне дорог.

— В таком уж мире мы живем, Юэн. Может, он и всегда был таким, а мы не замечали.

— Я пытаюсь найти свою жену и детей.

— Разве не она — твоя женщина? — спросила Сара, кивнув в сторону каюты, где спала Кейтлин.

Юэн кивнул, потом покачал головой и смутился. Сара удивленно посмотрела на него.

— Все сложно, — наконец, расстроено произнес Юэн.

— Я так и поняла, — кивнула Сара.

— То есть, сначала все было просто. Мы жили в туннелях Глазго. Там было безопасно, хотя всякое порой случалось. Потом мою семью и еще несколько человек похитили какие-то люди.

— Кто-нибудь еще из Глазго пошел на поиски?

— Нет. Остальные решили, что я чокнулся. Но разве я мог остаться?

— А если твоя семья погибла?

— Тогда я хотя бы буду знать, — тихо сказал Юэн.

Сара пожала плечами:

— Ну ладно, это твоя жизнь. А она почему с тобой? — она снова кивнула в сторону каюты.

— Я... Подобрал ее в Карлайле. Пришлось. Она умерла бы, если бы я ее не вытащил.

— То есть, ты ее спас, — улыбнулась Сара. — Мы всегда в ответе за тех, кого приручили, так?

— Что?

— Не обращай внимания. Строчка из книги одного старинного писателя. Похоже, ты не плохой человек, Юэн, а?

Он пожал плечами:

— Ерунда. Просто бывает в жизни так, что и выбора-то нет.

— Настоящие герои не считают себя героями.

— Нет сейчас никаких героев. Еще странствующим рыцарем меня назови, — фыркнул Юэн.

— Кто знает, — снова улыбнулась она. — И что же тебе удалось узнать? Ты нашел тех, кто угнал твою семью?

— Я выследил их до Карлайла, они оставили следы на снегу. Потом случилась буря, и я их потерял. Нашел Кейтлин... Нас направили в Йорк, — буднично и скучно рассказывал Юэн, не замечая, как глаза Сара округляются от удивления. — В Йорке мы от одних религиозных фанатиков попали к другим, еле унесли ноги. Встретили цыган, когда убегали от темных псов. Добрались до вас.

— Темные псы? Это еще что такое?

— Такие огромные твари... Дьявольски хитрые. В Йорке их еще называют адскими псами... Хотя мне кажется... Что они когда-то были людьми...

— Эти, — Сару передернуло. — Мы не дали им имени. Поговаривают, что, если называть их вслух, они приходят... И чем же я могу тебе помочь?

— Я слышал, раболовцы свозят своих пленников в Лондон, — Юэн испытующе посмотрел Саре в глаза.

Та присвистнула.

— Далеко ты собрался. И как же ты планируешь туда попасть? — настороженно спросила она.

— Все равно. Если придется, пойду пешком. Но я слышал, есть поезд...

— Пешком! — она не скрывала восхищения — то ли мужеством Юэна, то ли его глупостью. — Нет, ты определенно экземпляр. Пешком из Глазго сюда, а теперь собрался двигать в Лондон. Может, тебя высшие силы оберегают, а?

— Думаю, я просто иду своей дорогой, — помотал головой Юэн.

— Послушай, — помолчав, промолвила Сара. — Я немного в долгу перед тобой и твоими друзьями со снайперской винтовкой... Так что я помогу тебе. Провожу до Шеффилда.

— До Шеффилда? — В памяти Юэна всплыли слова имама. — Мне было сказано держаться от него подальше.

— Давай по порядку, Юэн, — сказала Сара. — Я провожу вас до Шеффилда, потому что и вам, и мне с моей баржей лучше какое-то время не появляться в Донкастере. Так всем будет спокойнее. Что же до опасностей Шеффилда... Это действительно странное

и гиблое место.

— Почему? Что там такое?

— Привидения, — просто ответила Сара.

За чаем они разговорились — и Сара рассказала Юэну о тех странных делах, которые творились в Донкастере.

Сара уже несколько лет жила на реке — с тех пор, как нашла почти целую баржу, а люди в замке научились делать биодизельное топливо. Рецепт биодизеля был хорошо охраняемой тайной, которую за пределами замка не знал почти никто. Он являлся сильным козырем в руках обитателей Конисбро, заметно облегчая торговлю и повседневную жизнь. Главными ингредиентами были куриный жир и водоросли, которые Сара находила в отхожих местах, — тут ей, как нигде, пригодился научный опыт, полученный в юности. Конечно, наладить масштабное производство пока было нельзя, но любое топливо было большой редкостью, особенно подходящее для старых машин, и это открытие сулило женщине золотые горы.

Друиды со своей вольной трактовкой древней религии порядком надоели Саре, и она надеялась, что хаос, который принесли с собой Юэн и его друзья, изменит положение к лучшему. Конечно, после смерти Шивон все будет не так. С того самого дня, как эта сумасшедшая провозгласила себя «верховой жрицей друидов», Сара боялась худшего и оказалась права. Поначалу они хотели возродить старинный ритуал и приносить людей в жертву земле, чтобы исцелить ее раны, но Шивон этого было мало. Она украсила ритуал новыми яркими деталями: жертву (а ими всегда были женщины) насиловали, потом душили, перерезали горло и бросали тело в трясины.

Сара смутно припоминала, что одна книга по археологии, прочитанная ею много лет назад, описывала ритуал друидов примерно в тех же красках, но в одном она была уверена: древние друиды не похищали людей для наживы и не грозили им изнасилованием и смертью, вымогая у родственников ценный выкуп. Хотя всегда оставалась возможность, что и в этом Шивон не погрешила против исторической верности: религия во все времена служила отличным прикрытием для любых злодеяний.

Когда солнце взошло над снежными полями, баржа остановилась неподалеку от Конисбро. На севере, у самого горизонта, собирались облака, на солнце — ярко-белые, но с другого края отливающие грозной синевой. Сара смотрела на них, привязывая баржу к дереву.

— Сидите в каюте, не высывайтесь, — велела она, — а я сбегаю в замок за вещами. Вам что-нибудь нужно?

— Может, прихватите Кейтлин что-нибудь из одежды? Я не знаю, что у нее в рюкзаке, — ответил Юэн.

— Прихватчу, что смогу.

Он смотрел женщине в спину, пока она не исчезла в заснеженных развалинах, тянувшихся вдоль берега, а потом спустился проводить Кейтлин.

* * *

Сара застала в Конисбро страшный переполох. Как раз перед этим отряд вернулся из Донкастера, и по замку разлетелся слух о том, что друиды пустились в погоню. Стены были усеяны вооруженными людьми, высматривающими малейшее движение с

востока.

Цыгане уже разогрели паровые котлы и готовились к отъезду. Сара шла к замку через их лагерь, когда дорогу ей преградил здоровенный детина со снайперской винтовкой.

— Ты — Сара?

— Да, — ответила она, сжав в кармане револьвер.

— Я видел, как ты помогла моим друзьям, — сказал цыган. — Спасибо.

— Тебе спасибо, — улыбнулась Сара, разглядывая винтовку. — Хорошо стреляешь.

Цыган с достоинством кивнул.

— Джорди, — представился он и протянул свою широкую лапу, которую женщина энергично тряхнула, заметив:

— Повезло им с другом.

— Они — хорошие люди, а это редко встретишь, — сказал цыган. — Скажи им, рома всегда будут им рады.

Когда Сара вышла из ворот замка, прихватив с собой канистру биодизеля, кое-какую одежду и еду, цыганские фургоны уже почти скрылись за холмом.

Услышав ее шаги на палубе, Юэн высунулся из кабины с автоматом в руках, и Сара чуть не наткнулась на дуло.

— Не выходи, на всякий случай, — бросила она, нисколько не обижаясь на неласковый прием. — На вот, возьми.

Она передала ему одежду, еду и топливо и стала готовиться к отплытию. В каюте Юэн разобрал ворох вещей: тут были пара сапог, теплые носки и нижнее белье, штонпанные джинсы, шерстяная рубашка и свитер, все как раз на Кейтлин. Он присел на краешек койки, рядом со спящей девушкой, и задумался, нужно ли ее будить и одевать — на случай, если снова придется быстро делать ноги.

Баржа накренилась: Сара оттолкнулась от берега. Затарахтел мотор, и от этого звука, и от легкой дрожи, охватившей весь корпус судна, на душе сразу стало спокойнее.

Кейтлин открыла глаза. Поначалу все плыло в тумане, затем проявились очертания незнакомой комнаты — и вдруг, моргнув, она увидела Юэна. Девушка долго смотрела на него, словно пытаясь что-то припомнить, а потом слезы потекли по ее щекам.

— Ты опять спас меня.

Юэн просто улыбался.

— Было так холодно, что я не могла... Не могла... Ну, ты понимаешь...

Юэн молчал и ждал, что она скажет.

— Не могла тебя позвать.

Она закрыла глаза и заплакала еще пуще.

— Я сам пришел. Может быть, я и в первый раз сам тебя услышал, — он погладил ее по голове.

Кейтлин не пошевелилась. Юэн подоткнул одеяло вокруг девушки и сидел рядом, не убирая рук, пока она вновь не провалилась в спасительный сон. Стараясь не шуметь, он вышел на палубу — как раз вовремя, чтобы увидеть цыганские вардо на мосту, под которым они проплывали. Он помахал рукой, и ему показалось, будто кто-то помахал ему в ответ из головного фургона, но туман сгущался, и он не мог сказать наверняка.

Канал был всяко чище и свободнее, чем дороги на земле. То и дело встречались баржи — полузатопленные или на плаву; они были потрепаны непогодой, но, казалось, если очистить их от снега, там вполне можно жить. Сам канал покрывала толстая корка льда, который с треском ломался от напора баржи, так что слышно их было издалека.

Время от времени приходилось останавливаться и открывать шлюзы. К удивлению Юэна, все они работали и были в прекрасном состоянии. Сара объяснила, что канал, как и замки, сохранился с далеких времен, когда люди еще не умели халтурить, а потому успешно сопротивлялся времени и запустению.

Канал петлял по извилистой траектории; мимо проплывали то снежные просторы, то разрушенные дома. Когда на берегу показался город под названием Розерхэм, Сара попросила Юэна вооружиться. Он сходил в каюту за автоматом и спросил, в чем дело.

— Тут всегда надо быть начеку, — ответила женщина. — Могут встретиться люди, но бывает, что попадают совсем другие создания.

Юэн вспомнил, что говорил ему имам о водных путях.

— Мне говорили, что на реках и на море сейчас очень опасно...

— Не то слово, — кивнула Сара.

— Севернее, у Конисбро, мы проходили мимо озер, и что-то бросилось на нас оттуда. Большое, похоже на моржа, только у него руки с пальцами.

— Поняла, — сказала Сара. — Старые знакомые. Попадают тут, в канале. Иногда хватаются за борта и пытаются перевернуть судно, но вреда от них мало: они неуклюжие, их легко застрелить.

Юэна это не очень утешило.

— Увидишь такого — можешь стрелять. Сезон охоты открыт, — добавила Сара с усмешкой.

Юэн улыбнулся, и его немного отпустило.

— Эти еще ничего, — продолжала женщина. — Они слишком ленивые и тупые.

— Похожи на Келпи. Помните, было такое мифическое чудовище, которое заманивало путников в пучину?

— Келпи, кажется, являлся в виде лошади? — с интересом спросила Сара. — Нет, эти никем не притворяются, зато утащить кого-нибудь в пучину им только дай. И не они одни это любят.

— Есть и другие?

— И немало. Одни появились сразу после войны, другие позже. Откуда они взялись, никто не знает.

— Наверное, от радиации? — предположил Юэн.

Сара засмеялась:

— Я, конечно, не радиолог, но мне кажется, что такой сильный процесс мутации занял бы гораздо больше времени.

— Тогда откуда?

Она пожала плечами:

— Понятия не имею. То ли это результат экспериментов с биологическим оружием, то ли своеобразный вариант шоковой эволюции: природа пытается приспособиться ко всем ужасам, что мы натворили.

Дверь открылась, и из каюты осторожно выглянула Кейтлин в своем старом плаще, под которым виднелась принесенная Сарой теплая рубашка. Сара приветливо улыбнулась.

— Кейтлин! Наконец-то проснулась. Я Сара.

Девушка улыбнулась в ответ, подошла к Юэну и встала рядом, прикинув к плечу мужчины. Тот, поддавшись импульсу, обнял ее... И вдруг подумал: что скажет Джулия, когда я приду спасать ее... Не один? А потом отогнал от себя эти мысли. Дай бог найти жену живой. Да хоть бы добраться для начала до Шеффилда... А остальное как-нибудь устроится. Потом.

Розерхэм миновали без происшествий, и вскоре Сара заглушила мотор и бросила якорь на середине реки.

— Почему мы остановились? — спросил Юэн.

— Впереди очень опасное место. Как раз туда вам и надо, но я с вами пойти не смогу.

— Тогда почему мы не пристали к берегу?

— Попробуем ночью, когда нас не увидят, даже если услышат мотор. Кроме того, с севера приближаются тучи. Думаю, к ночи начнется снегопад.

— Вы сказали, что в Шеффилде привидения...

— Все верно. Но это не самое страшное.

— Там есть люди? — спросила Кейтлин.

— Нет. Ни одной живой души, кроме моего друга.

— Он живет среди мертвецов? — спросил Юэн, и по спине его пробежал холодок.

— У него странная жизнь. Вы многое поймете, когда познакомитесь с ним.

— Как он узнает, что мы его ищем?

— Думаю, он уже знает.

— Но как?

Кейтлин прикоснулась к щеке Юэна и, оглянувшись на нее, он вдруг вспомнил про ее необыкновенный дар.

— Я не знаю, как он это делает, — сказала Сара.

Крепко встав на якорь, они спустились в каюту, пообедали свежим сыром, вареными грибами и яйцами, сваренными вкрутую. За окнами вдруг потемнело, все заволочило снегом, и стекла вздрогнули от резкого порыва ветра.

— Предлагаю отдохнуть, пока есть возможность, — сказала Сара. — В такую погоду только дурак сунется наружу.

Кейтлин со значением посмотрела на Юэна, и он вспомнил, как они бежали сквозь буран несколько ночей назад. Девушка придвинулась к нему, и Сара ушла в другую каюту, оставив их наедине.

Юэн лег на спину, глядя, как снег ложится на окна. Кейтлин закуталась в одеяло и положила голову ему на грудь. Скоро она уснула, убаюканная ритмичным стуком его сердца.

Юэн не спал, слушал вой бурана за окнами и перебирал в памяти события последних недель.

Ночью похолодало, но снегопад не прекратился. Сара забеспокоилась, что не справится одна с навигацией, и попросила Юэна встать на корме, а Кейтлин — забраться на крышу и подсказывать курс.

Ветер дул так сильно, что заглушал шум мотора, но баржа двигалась осторожно и, в конце концов, успешно преодолела последний отрезок Шеффилдского канала и вошла в гавань королевы Виктории — небольшую бухту, вокруг которой высились почти целые здания. У пристани стояло на приколе несколько барж.

Здесь, на стоячей воде, лед был толще. Сара осторожно подвела баржу к пристани, и все втроем привязали швартовы к торчащей из бетона железной тумбе.

— Что теперь? — спросил Юэн.

Сара подошла к каюте и открыла дверь, пропуская вперед Кейтлин. Юэн вошел последним, закрыв за собой дверь, и в нагретом помещении злой ветер и колючий мороз вдруг показались чем-то далеким и странным.

— Что теперь? — повторил Юэн.

— Теперь будем его дожидаться.

— Кого дожидаться? — раздался скрипучий голос из прохода, ведущего к соседней каюте.

Юэн выхватил из-за пояса пистолет и навел его на крохотного старика, который как раз вышел из второй каюты, жуя вареное яйцо.

— Чтoб тебя, Мариус! Ну как ты это делаешь?! — воскликнула Сара и опустила своей рукой пистолет Юэна.

— А что я сделал? — спросил старичок.

На нем был выцветший и рваный непромокаемый плащ и болотные сапоги до колен. Росту в нем было метра полтора. Вдобавок он был худ как щепка. Его загорелое и морщинистое лицо было украшено огромными бровями и седой бородой, но карие глаза смотрели необыкновенно остро и живо. На голове у старичка была вязаная шапка с нелепым помпончиком.

Старичок невинно улыбнулся.

— А я смотрю — вы все заняты, ну и не стал отвлекать. Вдруг еще врежетесь в пристань или в воду попадаете. Вот и зашел себе потихоньку.

Сара возмущенно фыркнула.

— Но я вас не видел! — удивился Юэн.

— Зато она видела, — улыбнулся старичок, махнув рукой в сторону Кейтлин. — Кстати, очень вкусные яйца, Сара. Можно, я еще возьму?

— Бери, — покорно сказала женщина. — Не волнуйся, Юэн. Мариус умеет оставаться незамеченным, когда ему нужно.

— Это правда. Удивительно, как многого люди не замечают! Либо не смотрят, либо не хотят видеть, либо не понимают, что перед ними. — И Мариус загадочно улыбнулся Юэну, с довольным видом доедая яйцо. Тот задумался, была ли эта тирада намеком лично ему или так, общим замечанием.

— И тем, и другим, — сказал Мариус и добавил, когда глаза Юэна полезли из орбит. — Нет, я не читаю мысли. Я предвижу очевидные вопросы.

— О... — выдавил из себя Юэн.

Ему вдруг захотелось спрятаться за спиной Кейтлин, чтобы странный старикан прекратил копаться в его голове. А Мариус как раз обратил на девушку внимание.

— Какая странная особа, — сказал он, ткнув в сторону девушки пальцем, похожим на сучковатый обрубок ветки.

Сара удивленно посмотрела на девушку: та вдруг заерзала — очевидно, от нервов. Юэн обнял ее, не желая давать в обиду.

— Думаю, она — не самая странная из нас, — нахмурился Юэн.

— Я бы поспорил, — безобидно улыбнулся старик.

— А ты почти не изменился, — сказала Сара и поставила на плиту чайник с водой.

— Я уже давно не меняюсь, — ответил Мариус. — Кажется, я проклят.

— Не так проклят, как этот адский город.

— Все относительно, — сказал старик и повернулся к Юэну и Кейтлин: — Добро пожаловать в Шеффилд.

Глава 14

ШЕФФИЛД

Разлив по чашкам мятный чай, Сара запросто предсказала будущее:

— Похоже, мы тут застрянем на всю ночь.

— Если только сами захотим, — возразил Мариус. — Где-то через час снегопад остановится.

— Откуда вы знаете? — спросил Юэн, любовно чистящий свой автомат.

— Живу тут давно. Изучил местный климат, — старик благодарно улыбнулся Саре, принимая из ее рук чашку с горячим чаем. — Через час буря утихнет и начнется снова на рассвете, но до этого времени ждать нельзя.

— Почему? — спросила Кейтлин.

Старик изучающе посмотрел на нее непроницаемыми глазами и ответил:

— По утрам с гор спускается поток энергии и убивает все в городе.

— Кроме тебя, — добавила Сара.

— К сожалению, кроме меня, — согласился Мариус.

— Что еще за энергия такая? — ошарашенно спросил Юэн.

— Представления не имею, что это такое, но после бомбы это повторяется каждое утро.

— После бомбы?

— В последние дни войны на город сбросили нейтронную бомбу. Дома остались не тронуты, а все живое погибло. От людей остались только тени: прямо где стояли, там и выжгло силуэты на стенах и асфальте.

— Какой ужас! — едва выговорила Кейтлин.

— Подождите, это еще не самое интересное, — сказала Сара, глядя в окно на снегопад.

— Да уж, — подтвердил старик. — Бомба выжгла отпечатки не только силуэтов, но и душ.

— То есть?

— Тела были уничтожены, но все случилось так быстро, что люди не успели понять, что они мертвы. Так ничего и не знают до сих пор.

Кейтлин ахнула от ужаса, прикрыв рот рукой.

— Они снова и снова проживают свой последний день, — буднично продолжал старик. — Иногда замечают, что рядом с ними живой человек, но в основном обречены бесконечно идти по кругу.

— Как же вы тут живете, среди них? — ужаснулась Кейтлин.

— Лучше спроси, как он среди них выжил, — отозвалась Сара.

— Вы были в городе, когда это случилось? — спросил Юэн.

— Да. Яркая вспышка в небе, потом невыносимая боль, и я потерял сознание... — Мариус вздрогнул, как будто отголоски пережитой боли на секунду вернулись к нему, и грустно улыбнулся. — Когда я очнулся, вокруг никого не было. Вообще никого. Город мертв, огни не горят, людей нет, кругом тишина.

— Почему же вы тут остались?

— Для начала я встал, отряхнулся и пошел домой. Первую волну энергии на рассвете я проспал. А когда проснулся, вся моя семья была рядом. — Он потер лицо морщинистой рукой. — Ну, то есть, не то чтобы они действительно были там... Я видел сквозь них, как будто они были проекцией в воздухе. Но я их хорошо слышал.

— Наверное, это было ужасно... — с дрожью в голосе сказала Кейтлин.

— Да уж. Я целый день пытался привлечь их внимание. Сначала решил, что это я умер, а они продолжают жить, но потом стемнело, они исчезли, и я опять остался один. — Мариус глотнул чаю, обжег губу и поморщился. — На следующее утро я увидел поток энергии... «Утренний стояк», как я его называю... И они появились снова, чтобы в точности повторить все свои вчерашние действия.

— С тех пор вы не выходили из города?

— Почему? Выходил... Даже посчитался немного пару десятков лет назад. Но все-таки я человек городской, мне в деревне скучно.

— Неужели с призраками лучше, чем с живыми людьми? — удивился Юэн.

— Ну, с большинством призраков я теперь хорошо знаком. Они меня не трогают. Если приноровиться, можно даже общаться с ними, хотя это странное общение...

— Они узнают вас наутро?

— Нет.

— Совсем как у меня с мужиками... — сухо произнесла Сара из своего угла.

Все уставились на нее в недоумении.

— Шутка не удалась, — отчеканила женщина и снова посмотрела в окно.

— Как вы тут живете? — спросила Кейтлин.

— Ну а как я, по-вашему, живу? — ответил старик. — У меня целый город нетронутых домов и магазинов. Заходи и бери, что хочешь и что еще не испортилось.

— Наверное, не так уж много осталось, — предположил Юэн, вспоминая разоренные магазины в Глазго.

— Это верно. Но я познакомился с Сарой. Я приношу из города полезные вещи, почти как новые, а она пополняет мои припасы.

— Неужели больше никто не ходит сюда пожить? — удивился Юэн, придирчиво осматривая автомат; убедившись, что он чист со всех сторон, мужчина отложил оружие в сторону.

— Отчего же? Бывают, что суются. Но либо убегают от призраков, либо погибают от «утреннего стояка».

— Что же тут творится на рассвете? — спросила Кейтлин.

— Черт его знает... Думаю, в горах над Шеффилдом работает какой-то реактор... Или рудное месторождение... Каждое утро одно и то же: идет поток энергии, и после него появляются призраки.

— Похоже, что время тут сломалось, — задумчиво протянула девушка, глядя на старика. — Сколько вам лет?

— Ага! — произнес Мариус, невесело улыбнувшись. — Я же говорил: странная девица.

— Просто наблюдательная.

— Уже за сто перевалило, — спокойно произнес мэр города призраков.

Юэн повернулся к Кейтлин:

— Как ты поняла, что время сломалось? Чертовски верная догадка!

— Догадка ли? — Старик улыбнулся девушке, но та никак не отреагировала на его вопрос и произнесла:

— Догадка, Юэн, но не случайная. Я раньше много читала. Всегда выменивала книги, если была возможность. И в одной из них нашла упоминание о месте под названием Бермудский треугольник.

Юэн вспомнил, что о нем им рассказывали в школе, еще до войны.

— Не помню, где именно он находился, но люди там пропадали и появлялись много лет спустя, совершенно не постарев.

— Темпоральный парадокс, — произнес старик.

— Что? — удивился Юэн.

— *Темпоральный* — это значит временной. Я тоже много читал на эту тему: квантовая механика, искривления пространства-времени... Ни одна теория не дает объяснений.

— Вы что, до войны были профессором? — спросил Юэн, пораженный уровнем познаний Мариуса.

— Ничего подобного! — впервые за время их знакомства тот искренне рассмеялся. — Я был пенсионером. Сидел и смотрел, как мир живет без меня, пиялся в телевизор... На самом деле, мало что изменилось.

— А до того?

— Я был столяром-краснодеревщиком. Работал с деревом, делал мебель, — он улыбнулся. — Вы думаете, откуда я знаю про квантовую механику?

Юэн молча кивнул.

— Нахватался. Дел-то у меня мало: только столярничать, говорить с мертвецами да прятаться от идиотов со станции.

Эти слова ошпарили Юэна.

— Идиотов со станции?

Мариус засмеялся:

— Я так и знал, что вам как раз туда и надо! Да, есть тут такое неприятное соседство. Порой суются в город, но в основном сидят на своей станции, охраняют рельсы. Когда-то хотели поднять под себя Шеффилд, но так и не поняли, как тут все устроено. Многие померли в первое же утро, но потом понаехали другие.

— Что они тут делают?

— Палят во всех, кого не знают. И отправляют в Лондон поезда с рабами.

— Откуда вы знаете, что именно в Лондон? — напряглась Кейтлин.

— Знал, что ты спросишь. Я по выговору слышу, что они с юга.

Сара встала и подошла к ним.

— Снегопад прекратился.

— Тогда пойдёмте, — хлопнул себя по коленям Мариус. — Я так понимаю, вас надо проводить до станции?

Юэн кивнул, а Сара добавила:

— Можешь считать это частью сделки, если хочешь.

— О, для вас это будет бесплатно! Я люблю приятную компанию.

— Раз так, — решила женщина, — я, пожалуй, отчалию, пока снова не началась метель. В такую погоду одна я не выберусь.

— Не волнуйся, ты успеешь по крайней мере выбраться из Шеффилда, — успокоил ее старик и повернулся к Юэну и Кейтлин: — Берите вещи — и за мной!

Они взяли рюкзаки, Юэн закинул за плечо автомат, и Мариус вывел их за собой в темную, холодную ночь.

* * *

За домами, окружавшими гавань, раскинулись улицы и площади, покрытые нетронутым снегом. Со всех сторон их окольцовывала темная громада города. Здания стояли пустые, но не тронутые войной. Вокруг было много автомобилей: на спущенных шинах, под панцирями из снега и льда, зато с целыми стеклами. Юэну и Кейтлин на минуту показалось, будто они перенеслись в довоенное прошлое, в обычную зимнюю ночь в Шеффилде, еще до того, как мир утонул в огне и боли.

Улицы здесь были широкими: по две полосы с каждой стороны, а посередине — трамвайные пути. По этим путям Мариус и повел их на северо-запад.

— Раньше тут ходили трамваи, — пояснил он. — Очень удобный транспорт! Конечно, когда на ходу. Вон он, видите?

Старик показал на небольшой состав из трех вагонов, темнеющий впереди. Когда они подошли ближе, Кейтлин схватила Юэна за руку, и Мариус вдруг засуетился.

— Скорее в вагон, ложитесь на пол — и молчок! — сказал он и первым нырнул в открытую дверь трамвая. Юэн и Кейтлин последовали за ним и упали ничком на пол, покрытый ворохами одежды и нетронутой ручной кладью. С улицы донесся разговор двух мужчин.

— ...видел, как баржа заходила в город. Выходит, тут кто-то есть.

— Значит, утроем их не будет.

— Может быть. Баржа уже отчалила: ее видели на канале.

— Чего не задержали? — голос послышался совсем близко, у одной из дверей.

Юэн вынул «Глок» и протянул его Кейтлин, а сам навел дуло автомата на дверной проем.

— А как ее на канале задержишь? Ну, расстреляем всех на борту, а добраться туда все равно не сможем. Нет, самое интересное — кого она тут навещала. Если кто-то знает, как выжить в этом городе, я из него это знание вытрясу.

Второй голос неприятно хихикнул.

— Значит, идем к пристани?

— Ну да. Может, следы какие увидим...

Голос внезапно оборвался.

— Черт! — прошептал Юэн, встал на корточки и подобрался поближе к двери, держа ее на прицеле.

В вагон влетел человек в серой военной форме и с порога дал автоматную очередь. К счастью, все пули прошли выше голов. «Глок» в руках Кейтлин дважды огрызнулся, и человек, попятившись, рухнул на спину. Первая пуля застряла в бронежилете, но вторая вошла прямо в левый глаз и вышла через затылок, забрызгав кровью лобовое стекло трамвая. Юэн прыгнул к дверям, навстречу второму серому человеку, и ударом приклада выбил у него из рук оружие. Серый выхватил из-за пояса огромный зазубренный клинок, но тут же с хрипом схватился за горло, откуда торчало лезвие ножа. Юэн дважды выстрелил ему в лицо одиночными из автомата, серый отлетел от двери и упал в снег.

Дым от выстрелов клубился в холодном воздухе. Тишину нарушил голос Мариуса:

— Давайте-ка поскорее двигать отсюда.

Он прошел мимо Юэна и задержался у труп, чтобы вынуть из его шеи нож.

— Четкий бросок, — сказал Юэн, чувствуя себя слегка не у дел.

— Скучно старику одному, вот и оттачиваю мастерство, — невесело ухмыльнулся Мариус. — Пора уходить! Если другие слышали стрельбу, то они сейчас подтянутся. Не знаю, как вы собираетесь проникнуть на станцию, но на трупах ее обитателей вы вряд ли туда въедете.

Юэн протянул руку Кейтлин и помог ей вылезти из трамвая. Девушка присела и подобрала лежащий на снегу автомат, затем обыскала труп, нашла два магазина и загнула их за пояс.

— Скорее! — поторопил их Мариус, оглядываясь по сторонам.

Они пошли за стариком, быстро шагавшим в сторону центра. Вскоре он свернул с улицы и повел их через дома — прекрасно сохранившиеся, с мебелью и коврами, хотя от них и пахло сыростью, плесенью и запустением.

И Юэн, и Кейтлин заметили странную особенность: в Шеффилде душа ныла от тоски и одиночества еще сильнее, чем в разрушенных поселениях на севере. Там хотя бы не было ощущения, будто город ждет, когда вернутся люди.

Они пересекли еще одну запруженную машинами улицу, зашли в переулок, прошли между двумя зданиями, которые раньше, как объяснил Мариус, были театрами, и оказались перед дверьми городской библиотеки.

— Здесь нельзя шуметь, — строго предупредил старик.

Юэн и Кейтлин переглянулись.

— Почему?

— Потому что иначе библиотекари наложат штраф, — ответил Мариус с самым серьезным видом.

— Подождите, — насторожился Юэн. — Вы же сказали, что все люди в городе погибли?

Мариус тихо рассмеялся:

— Это правда. Но это место каждый раз меня забавляет.

— Почему? — спросила Кейтлин.

— А вы представьте себе: днем библиотекари ходят по коридорам во всей своей призрачной красе, и знаки на стенах призывают соблюдать тишину... А шуметь-то никому!

Юэн и Кейтлин молчали, не зная, как реагировать на эту шутку. Вдруг им показалось, что призрачный город смотрит на них тысячей глаз.

— Значит, тут никто не живет? — спросил Юэн, разглядывая темные окна.

— Никто, только я.

— Вы живете в библиотеке?

— Да, наверно. Но вы поселитесь в подземелье. И, уж будьте добры, начните мне доверять.

— А в чем дело? — спросил Юэн.

Просьба старика показалась ему лишней: пойдя за ним, они и так доверили ему свои жизни.

— В том, что через два часа на город обрушится Утренний стояк, и все, кто останутся тут, погибнут.

— Все, кроме вас... — задумчиво повторила Кейтлин.

— Давайте надеяться, что так оно и будет, — отозвался старичок. — В городе есть только несколько безопасных укрытий: банковские хранилища, но там очень хитрые замки, и хранилище библиотеки. Вот там я вас и запру, пока все не кончится. Главное, чтобы потом смог отпереть.

В подземелье оказалось довольно уютно и гораздо теплее, чем они думали. Здесь почти не ощущался запах плесени и гнилья, повсеместный на поверхности, — видимо, сказывались особенности конструкции. Вдоль толстых стен стояли ящики и полки с книгами, а в дальней стене была маленькая железная дверь, куда Мариус и повел гостей.

— Отсидитесь там. Я сам вас выпущу. Вы почувствуете, когда начнется: это будет как статическое электричество.

За дверью было служебное помещение с узкими металлическими шкафами — вероятно, раньше тут располагалась охрана.

— Зачем все это библиотеке? — любопытствовал Юэн.

— Некоторые книги даже в те времена были большой ценностью. Тут хранились и другие ценные вещи. Есть кто-нибудь хочет?

Они перекусили, и Мариус предложил им устроиться поудобнее и урвать хотя бы час-другой спокойного сна. Он был уверен, что их не выследили.

— В город они без лишней необходимости не сунутся. Особенно днем: это слишком опасно. Так что отдыхайте, пока отдыхается, — сказал старик и вышел, закрыв за собой дверь.

* * *

Юэн проснулся от странного чувства, будто каждый волосок на его теле встал дыбом. Он протянул руку и коснулся Кейтлин: ее кожа была покрыта мурашками. Девушка застонала во сне, неожиданно страстно, и Юэн отдернул руку, но она накрыла ее своей ладонью.

— Что это, Юэн? — спросила она с трепетом.

— Наверное, волна, о которой говорил Мариус.

— А... — сказала Кейтлин и вдруг засмеялась. — Утренний стояк!

Юэн нарочно избегал этого названия, оставшись наедине с девушкой, но теперь не удержался и засмеялся вместе с ней.

Железная дверь отворилась, и Мариус заглянул в комнату, держа в руке свечу.

— Все в порядке, можете выходить, — сказал он. — Почему вы смеетесь?

— Значит, у вас там Утренний стояк? — давась от смеха, сказала Кейтлин.

Юэн тоже захохотал, и старик неодобрительно покачал головой.

— Между прочим, красивое зрелище, — обиженно сказал он. — Я бы вам показал, так ведь не выживете...

Его слова потонули в новом приступе смеха. Отсмеявшись, Юэн заметил недовольное лицо Мариуса, легонько пнул Кейтлин в бок, встал и вышел из комнаты. Через открытую дверь хранилища уже пробивался солнечный свет. Как только девушка успокоилась, они поднялись по лестнице наверх.

Оказавшись в зале библиотеки, Юэн и Кейтлин оцепенели. Между полками двигались прозрачные силуэты в летних костюмах, некоторые несли в руках плащ, зонтик

или сумку. Остановливаясь, они снимали с полок воздух вместо книг и листали страницы, которые могли видеть только они.

— Не прикасайтесь к ним, — посоветовал Мариус.

— Почему?

— Можете их нечаянно разбудить. Тогда они заговорят с вами. Это довольно неприятно. А еще можно ненароком увлечься и прожить этот последний день с ними вместе.

— Чем же это плохо? — спросила Кейтлин.

— Тем, что по городу рыщут вооруженные люди, — ответил за старика Юэн, но тот покачал головой:

— Проблема не в этом. Я сам не знаю точно, что здесь происходит. Как ты правильно сказала, в городе почему-то сломалось время. Многие дома должны были износиться за двадцать лет, но здесь почти ничего не меняется.

Юэн и Кейтлин шагнули в сторону, чтобы пропустить призрак симпатичной девушки, которая рассеянно шла прямо на них.

— Были случаи, когда люди, заходившие в Шеффилд, заговаривали с призраками, — и с ними происходили очень нехорошие вещи. — Мариус помолчал немного. — Я вам покажу.

Он направился к выходу, ловко увернулся от прозрачного мужчины в сером деловом костюме, потом открыл дверь и первым шагнул на тротуар.

Первым, что увидели Кейтлин и Юэн, выйдя за ним следом, была проехавшая мимо призрачная машина. Из окна заднего сиденья на них печально смотрел мальчик в школьной форме.

— Через час тут станет многолюдно, надо выбираться на окраину. Но по дороге я вам покажу кое-что интересное. Может, вы поймете больше, чем я.

Впереди высились жилые многоэтажки. К ним и направился старик, то и дело останавливая своих спутников, чтобы те не наткнулись на очередного призрака, неожиданно выходящего из-за угла.

— Похоже, вы знаете каждый их шаг, — сказал Юэн.

— Я живу с ними уже много лет. Помните девушку в библиотеке? Ее зовут Моника, она училась в университете на психолога. — Мариус снова остановился и свернул на заставленную машинами парковку. — Когда мне удалось с ней заговорить, она не поверила, решив, что я ее потенциальный пациент. А вот человек в костюме поверил и очень злился. Его зовут... — Мариус остановился, несколько раз щелкнул пальцами и победно воскликнул: — Джереми!

— Вы их всех помните по именам?

— Очень многих. Мне же больше не с кем разговаривать, — пожал плечами старик и перевел их через дорогу, по которой неслись призрачные машины.

Они еще несколько минут прошли по тротуару и оказались на небольшой площади перед многоэтажками. Там глазам Юэна и Кейтлин явилось зрелище, которое потом преследовало их до конца дней.

На бетонном пятачке стоял скелет, стоял ровно, как живой, только совершенно мертвый. Вокруг него метался призрак мужчины, остервенело пытаясь оторваться от этого места, протягивая прозрачные руки к нечаянным зрителям.

— Он нас видит? — спросил Юэн.

— Думаю, да, — ответил Мариус.

— Что с ним случилось? — встревоженно поинтересовалась Кейтлин.

— Часа через три вон из того подъезда выскочит группа подростков. Этот человек был одним из первых, кто вошел в город со станции. Он сделал ошибку: прошел сквозь них.

— И что произошло?

— А черт его знает, — пожал плечами Мариус. — Я нашел его через несколько дней. Он был еще жив, но уже бредил, и я не смог сдвинуть его с места. Видимо, он разозлил ребят, и те выбили его из мира живых в свой мир.

— И теперь он всегда будет торчать на этом месте?

— Насчет «всегда» не уверен: я не знаю, как долго вообще продлится вся эта чертовщина. Но с того дня не сдвинулся, и Утренний стояк на него почему-то не действовал.

— Какой ужас... — сказала Кейтлин.

— Это да, — согласился Мариус. — Пока он был жив, я пытался ему помочь, но ни еды, ни воды он не принимал. А как помер, так и остался стоять.

Юэн оглянулся: вокруг пронеслись прозрачные машины, и люди сновали по своим делам, потерявшим всякий смысл два десятилетия назад.

— С тех пор как я вышел из дома, я видел много ужасов, — сказал он. — Но, наверное, с этим ничто не сравнится. Все эти люди застряли здесь без надежды и вечно проживают заново свой последний день...

Мариус кивнул.

— Вот поэтому никто не заходит в Шеффилд. Этот город принадлежит мертвым.

— Где он заканчивается? — спросила Кейтлин.

— Совсем рядом, — ответил старик. — Я отведу вас в безопасное место, где можно пересидеть до ночи.

— Спасибо! — с чувством произнес Юэн.

— Не отставайте. Скоро здесь будет не протолкнуться...

Мариус привел их в небольшой, но уютный дом на конце улицы неподалеку от железнодорожной станции.

— Тебе туда, Юэн, — сказал он, махнув в сторону заснеженного пустыря. — Станция в той стороне. Вы теперь не в мертвой зоне, но все равно будьте осторожны. Призраков тут нет, но живые люди ничуть не лучше: тех, кого мы убили вчера, уже наверняка нашли.

Юэн поблагодарил Мариуса и попрощался с ним. Перед уходом старик внимательно посмотрел на Кейтлин и улыбнулся так, что у нее душа ушла в пятки, а потом снова повернулся к Юэну:

— Постарайся не забыть: ты ей веришь и ты ее любишь.

Юэн растерянно оглянулся на девушку, но та, покраснев, смотрела себе под ноги. А когда он снова повернулся к странному старикашке, того уже и след простыл.

Глава 15

РАБОЛОВЕЦ

Как и советовал старик, они дождались темноты и под покровом ночи подкрались к цементной стене вокруг станции. Юэн не понял, новая ли это была стена или довоенная; в любом случае, вход был только один — через центральное здание с обвалившейся крышей.

— Вряд ли удастся пройти незаметно, — заключил он.

Кейтлин промолчала. И вообще с тех пор, как Мариус ушел, она не сказала ни слова.

— Как думаешь, касса открыта? — попытался пошутить Юэн, но Кейтлин была неприступна, и это уже начинало действовать на нервы. — В чем дело, детка?

— Это нехорошее место, Юэн. И если мы туда пойдем, добра не будет.

— Может, ты подскажешь тогда, как нам еще попасть в Лондон?

Девушка печально покачала головой и вдруг спросила:

— А ты вообще уверен, что тебе туда надо?

— Мы же для того сюда и шли! Хотя теперь нас точно пристрелят или угонят в рабство!

Юэн в сердцах стукнул кулаком по стене и выругался. Кейтлин безучастно наблюдала за ним, ее глаза затуманились и усталились куда-то вдаль. Внезапно девушка посмотрела на него с сожалением, подошла и прикоснулась ладонью к его щеке.

— Я не хочу потерять тебя. — Сердце екнуло у него в груди, и дыхание замерло. — Только помни, что ты сам напорсился.

Юэн хотел было ответить, но за его спиной раздался щелчок взведенного курка, и спокойный голос произнес:

— Пожалуйста, поднимите руки и медленно повернитесь.

Юэна прошиб пот. Он попытался заглянуть Кейтлин в глаза, но ее лицо снова превратилось в непроницаемую маску.

Человек за спиной оказался здоровенным быком ростом под два метра и почти столько же в объёме. На нем была все та же серая военная форма и почти новый бронежилет, одной рукой он небрежно направил в их сторону дробовик, другая лежала на пистолетной кобуре. Больше всего Юэна поразило, что человек оказался гладко выбрит, коротко стрижен и одет во все чистое. А еще был невозмутим и, казалось, совсем не удивлялся тому, что два чужака подобрались так близко к станции. Отцепив от пояса сумку, он бросил ее под ноги Юэну.

— Пожалуйста, сложите патроны в сумку и разрядите оружие.

Голос у бугая был слишком высок для такой комплекции, но говорил он уверенно, как человек, сознающий свое преимущество. Медленно складывая в мешок магазины от автомата, Юэн прикинул, сможет ли он снять великана ножом, и решил даже не пытаться. Человек в сером словно прочитал его мысли, оценивающе окинул взглядом ножи, торчащие из-за пояса Юэна, но не повел и бровью. Дождавшись, пока все магазины окажутся в сумке, он сказал:

— Оружие можете оставить себе.

Затем он вручил сумку Кейтлин и улыбнулся:

— Идите вперед, чтобы я вас видел. Вы наверняка знаете, куда идти.

— Вы что, наблюдали за нами? — спросил Юэн, обернувшись через плечо.

— Будьте любезны, смотрите прямо перед собой, — скомандовал тот, а потом уже ответил: — Вообще-то нет. Я совершал обход и вдруг почувствовал непреодолимое желание заглянуть туда, где вы прятались.

Юэн снова посмотрел на Кейтлин: она шла опустив взгляд, как побитая собачонка.

— Если бы не это желание, я так и прошел бы мимо. Но раз сработала интуиция, нельзя ее не послушать, правда?

Поддерживать беседу Юэну уже не хотелось. Он был уверен, что Кейтлин позвала часового, решив таким образом проникнуть на станцию. Его разрывали противоречивые чувства: он понимал, что лучше способа сам бы не придумал, но боялся того, что они сделают с девушкой.

Это были серьезные люди. Если им удалось восстановить линию и пустить по ней поезда, если у них была своя военная форма и парикмахеры, за ними явно стояла могучая сила.

Дверь открылась, пропуская их по одному, и с той стороны Юэна и Кейтлин встретили пятеро в серых мундирах.

— Где ты их нарыл? — спросил человек с тремя полосками на рукаве.

— Сидели вон там, у стены, — великан махнул за спину большим пальцем. — Отведу их к полковнику.

— Я с вами, — сказал второй и пошел впереди к зданию бывшего трамвайного депо, ныне оборудованного под казармы и разделенного внутри перегородками, взятыми из соседних офисов. По прикидкам Юэна, тут постоянно жили человек двадцать; некоторые и сейчас спали на койках рядом с железными печками.

Полковник был немолод, бледен и гладко выбрит. Он сидел на кровати и зашнуровывал ботинки, а когда встал, то оказался одного роста с Юэном, но не так физически крепок и с брюшком. Холодный блеск его умных серых глаз не предвещал ничего хорошего.

Прежде чем заговорить, он с улыбочкой оглядел Кейтлин с головы до ног.

— Я смотрю, капитан, вы добыли своим людям новую игрушку, — отрывисто отчетливил он.

Юэн встревоженно шагнул в сторону девушки, и в спину ему тут же уткнулось дуло дробовика.

— Не нужно этого, капитан, — вежливо произнес полковник. — Я уверен, наш друг не откажется поделиться с нами.

И тут Кейтлин заговорила с такой дерзостью, какой он совсем от нее не ожидал.

— Я вам не игрушка, полковник Мейзерс!

Все трое повернулись к ней, полные изумления, но по разным причинам.

— Неужто? — спросил полковник.

Кейтлин полезла в карман, заставив слегка понервничать капитана, который перевел дробовик на нее, вынула потертый кожаный бумажник и протянула настороженному полковнику. Тот вздохнул и сгорбился, как человек, бесконечно уставший.

— Вы свободны, капитан, спасибо, — сказал он и посмотрел на Юэна, ожидая от него объяснений. Но тот молчал, и полковник вернул бумажник девушке.

— А это кто?

— Пока что — мой телохранитель, — холодно ответила Кейтлин.

— Ага... — протянул полковник, потом вдруг повернулся, и его кулак полетел прямо Юэну в лицо. Тот увернулся от удара, и нож блеснул в его руке так быстро, что у Кейтлин закружилась голова. Полковник замер, чувствуя холодок стали на горле под самым подбородком, и капитан, снова ворвавшийся в кабинет с дробовиком в руках, в нерешительности застыл на пороге.

— Допустим, — сдавленно проговорил полковник Мейзерс.

Юэн понял, что это была проверка, отошел на шаг назад и заткнул нож за пояс. Капитан на пороге не торопился убирать дробовик и продолжал держать его на мушке.

— Все в порядке, капитан. Девушка с особым поручением из Лондона, лучше ее не трогать.

Капитан кивнул и, еще раз окинув взглядом Юэна, исчез за дверью. Мейзерс повернулся к Кейтлин:

— Ваши люди отбыли неделю назад, вместе с грузом. Что вас задержало?

— Я от них отбилась, — ответила девушка.

Полковник натянул серый китель, продолжая буравить ее взглядом.

— Так это вас они потеряли в Карлайле?

Кейтлин кивнула.

— Теперь я понимаю, почему они так расстроились. — Он улыбнулся — вроде учтиво, но и похотливо — и переключил внимание на Юэна.

— Еще один вопрос. Для проформы, — скучным голосом проговорил он. — Вчера в Шеффилде пропали двое наших солдат. Вы не видели их?

Но Юэн не отвечал. Казалось, он вообще забыл, где находится, погрузившись в невеселые мысли. Худшие опасения подтвердились: Кейтлин была не тем несчастным брошенным ребенком, которым он хотел ее видеть. Конечно, он сам нарисовал в голове этот ее образ, а девушка лишь немножко ему помогла, но была при этом так убедительна, что он, выходит, совсем ослеп. Она была заодно с этими людьми.

— Мы их видели, — уверенно и спокойно произнесла Кейтлин.

— Очень интересно, — сказал полковник. — И что же с ними?

Юэн очнулся и изо всех сил старался сохранить спокойствие, не зная, что собирается сказать девчонка. Предаст его снова?

— Их застрелили какие-то головорезы. Потом напали на нас, и Юэн от них избавился, — ответила Кейтлин.

— Вы отвечаете за свои слова, барышня? — медленно проговорил полковник, бурывая девушку взглядом.

— Не думаю, что у вас есть повод — и право — усомниться в моих словах, полковник Мейзерс, — ледяным тоном осадил его Кейтлин.

— Ну что же, — сказал тот. — Шеффилд — опасный город, а эти двое отправились туда в самоволку. Я объяснял им, что мародерство несовместимо с военным званием, но, похоже, кто-то смог объяснить им это еще доходчивей... А у твоего телохранителя хорошая реакция. Послушай, дружок, — обратился он к Юэну. — Если ее люди тебя не примут, найди в Лондоне генерала Хэндела. Скажи, что я тебя рекомендую.

— Ее люди?

— Да, приятель, *ее* люди. Ты, наверное, называешь их раболовцами.

* * *

Поезд ожидался через два дня, но Юэну так и не выпала возможность поговорить с Кейтлин: полковник Мейзерс поселил ее в отдельной комнате, подальше от мужских глаз, видимо рассудив, что не стоит искушать судьбу. Она выходила оттуда, только чтобы поесть и справить нужду, и каждый раз капитан стоял у дверей туалета, во избежание инцидентов.

Юэну тоже выделили свой угол — еще одна мера предосторожности со стороны полковника, — и в результате у него было много времени на раздумья. В голове роились вопросы, но единственный человек, который мог ответить на них, был от него отрезан. Ему отчаянно хотелось знать, что именно делала Кейтлин, когда угоняли его детей. Может быть, это она запихивала его сына в грузовик? Выкручивала руки дочери? Била прикладом жену?

Она использовала его, с самого начала, зная, что он ищет тех самых людей, на которых работала. Юэну даже пришло на ум, не завела ли она его сюда специально, чтобы доставить своим хозяевам полную семью? Может, за это ей полагалась премия? На этот вопрос у него не было ответа.

Он сидел в одиночестве, перебирая варианты, и боль от сознания собственной слепоты, собственной глупости, пустив корни в его душе, росла с каждой минутой. На второй день он понял, что умудрился влюбиться в Кейтлин, и больше уже не мог избавиться от этой мысли. А еще он был уверен, что девушка каким-то образом подстроила все: его чувства, каждый их шаг, каждую встречу, которая приближала их к конечной цели.

Потом его мысли направились в другое русло: он стал вспоминать, как отчаянно она цеплялась за него, нагая, дрожащая от холода, когда он снял ее с алтаря в Донкастере. Юэн бесконечно спорил с собой о ее мотивах, намерениях и подлинных чувствах...

На третий день, когда появился поезд, Юэн бродил по станции, так и не придя ни к каким выводам. Сначала он слышал металлический скрип, потом с восточной стороны, за стеной, показались клубы серого дыма. Солдаты бросились из казармы открывать ворота, и глазам Юэна открылось небывалое зрелище: огромный черно-красный паровоз, тонущий в клубах дыма, вырывавшихся из трубы. Машина была укреплена тяжелой стальной обшивкой, к которой была припаяна защитная стальная арматура. Черная сетка плотно закрывала окна и даже дымоход, перекрывая любой доступ внутрь.

Два вагона, которые тянул за собой паровоз, были похожи по конструкции, но явно предназначались для разных целей. Оба были покрыты той же стальной обшивкой, той же арматурой и сеткой; оба были покрашены в черный и красный цвета; но из окон первого выглядывали люди в военной форме, а во втором вместо окон были узкие щели, а вместо дверей — большой грузовой трап. Юэн пришел к выводу, что в этом вагоне перевозят рабов.

В детстве он был повернут на паровозах, и теперь, глядя на то, как бронированное чудовище, оглушительно пыхтя, медленно ползет по рельсам на станцию, вдруг ощу-

тил, как в нем шевелятся давно забытые чувства. Однако, в отличие от детских игрушек, этот адский бронтозавр, пышущий огнем и дымом, выполнял жуткую работу, и наваждение быстро прошло: теперь Юэн смотрел на него не глазами восторженного мальчишки, а практичным взглядом бывалого воина.

Поезд был настоящей боевой машиной, готовой к любым испытаниям: на крышах бронированных вагонов устроили пулеметные гнезда и, кажется, даже торчало дуло небольшого орудия, а морда паровоза ощерилась тяжелым отбойником, способным расчищать снег и сдвигать с пути препятствия.

Привалившись к стене, Юэн смотрел на поезд до тех пор, пока его одиночество не было внезапно нарушено: рядом открылась дверь, и на станцию вышли полковник и капитан. Мейзерс направился прямо к поезду, а капитан задержался, чтобы проверить, чем заняты солдаты и не отлынивают ли они от трудов. Заметив Юэна, он подошел к нему и встал рядом, как старый добрый друг.

— Впечатляет, правда? — спросил он, следя за реакцией Юэна.

Тот не стал спорить: его впечатлял любой работающий двигатель, что уж говорить о таком достижении хозяйства, как целый бронепоезд!

— В грузовой вагон человек двести влезет, а если прикладом утрамбовать, и того больше, — ухмыльнулся капитан.

Юэн, с трудом подавив в себе нахлынувшую волну ненависти, перевел взгляд на поезд и на ужасный второй вагон и мысленно напомнил себе, ради чего пришел сюда из Глазго. Неважно, что с ним случилось за время происшествия: он искал семью и близок к цели, как никогда.

Но тут его мысли опять перескочили на Кейтлин, и он ничего не мог с собой поделать.

В конце концов, если девчонка обманула его, чтобы вернуться туда, где ей ничто не угрожает, — ее можно понять и не стоит винить. Мир жесток и опасен, и у молоденькой девушки не было никаких шансов пройти этот путь одной. Она спасла ему жизнь в буране, и он хоть и неохотно, но вынужден был признать, что, если бы не ее связи с раболовцами, на станции его бы приняли совсем по-другому.

Тем временем двери вагона раскрылись, и несколько солдат, отсалютовав полковнику и капитану, направились в казарму. Затем вышел офицер в таком же мундире, что и Мейзерс (должно быть, тоже полковник), и о чем-то коротко поговорил с ним. Мейзерс раздраженно выслушал его и пошел обратно. Дойдя до двери, он остановился и посмотрел на Юэна.

— Ну что, похоже, я поеду с вами в Лондон. Пакуйте вещи: отправимся до темноты.

Когда дверь за ним закрылась, подошел капитан, расплывшийся в широкой улыбке. Он как будто ждал чего-то от Юэна, но того ни капли не интересовали их внутренние разборки. Ему хватало своих проблем, поэтому он промолчал. Но капитана, видимо, распирало, и он не стал ждать особого приглашения:

— Кажется, меня только что повысили.

Юэн подумал и решил, что не стоит лишний раз обижать человека: вдруг доведется попасть сюда на обратном пути.

— Поздравляю, — сказал он мрачно.

Капитан рассмеялся.

— Да ладно тебе, не переживай. Не тебя первого обдурила хорошенькая девчонка.

Он по-компанейски похлопал Юэна по плечу и вошел в здание. Юэн досчитал до десяти, успокоился и последовал за ним. Он пошел к себе, забрать рюкзак и оружие, но на его койке сидела Кейтлин, и все ее вещи, аккуратно упакованные, лежали на полу.

При виде девушки Юэн слегка запнулся, но взял себя в руки и направился к ней уверенным шагом. Он не знал, как себя вести с ней, и тушевался, как подросток.

— Привет! — сказала Кейтлин, глядя на него с надеждой.

— Ты в порядке? — безучастно спросил Юэн.

— Это полковник запретил мне выходить из комнаты и говорить с тобой, — вместо ответа сказала она.

Юэн почувствовал облегчение, но тут же напомнил себе, что верить ей нельзя, хотя бы и очень хотелось.

— Это многое объясняет, — произнес он все тем же безразличным тоном.

Кейтлин хотела что-то сказать, чтобы разломить лед, возникший между ними, но в этот момент раздался голос Мейзера:

— Пора садиться в поезд, мисс!

— Ты в их армии? — быстро спросил Юэн.

— Нет.

— Тогда почему он говорит с тобой, как с равной?

— Потому что те, на кого я работала, подчиняются тем же людям, что и он.

— Мисс, прошу вас поторопиться, — снова послышался голос полковника уже от самой двери.

— Надо идти, — смирилась Кейтлин и встала, подняв с пола свои вещи.

Юэн закинул за плечи рюкзак и автомат и, вспомнив, что для остальных он по-прежнему телохранитель, пошел вслед за девушкой к поезду.

Пока они шли от двери к путям, машинисты переключили стрелки на рельсах и отогнали паровоз в голову состава, хотя теперь он должен был ехать задом наперед.

Заметив любопытство в глазах Юэна, полковник пояснил:

— Мы полгода возились с рельсами, чтобы сделать развязку для паровоза. Конечно, для поезда нет никакой разницы, тянет его паровоз или толкает, но машинист должен видеть, что перед ним.

— Давно служите в этом гарнизоне?

— С самого его основания, — устало сказал полковник. — Теперь правильнее сказать: служил.

— Отзывают в Лондон? — спросила Кейтлин.

— Да.

У поезда их терпеливо поджидала шеренга солдат, готовых к погрузке. Вслед за полковником они прошли мимо строя и первыми забрались в вагон. Юэн заметил, что некоторые солдаты исподтишка бросали жадные взгляды на Кейтлин, пока она поднималась на подножку вагона.

— Почему вас вдруг решили отозвать? — спросил он полковника.

— Этого мне не скажут. Хотя никакого секрета тут нет: я просидел на станции больше года. Желают проверить, не одичал ли я.

— Что значит «одичал»? — удивился Юэн.

— Это значит — забыл о своем долге перед Английской республикой.

* * *

Внутри вагон был поделен на купе, в каждом из которых могли устроиться восемь человек. Большая часть мест пустовала, и полковник без труда нашел для них отдельное купе.

— Ждите здесь, а я проверю, все ли готово к отправлению, — сказал он и закрыл дверь.

Купе оказалось отделано в той же красно-черной цветовой гамме. Под окном была прикреплена большая металлическая заслонка; на ней, на черном фоне, был нарисован красный крест, окантованный белым. Он был явно позаимствован с флага святого Георгия, древнего покровителя Англии, но еще больше напомнил Юэну эмблему немецких нацистов, которую он видел в исторических книгах.

Над пластиковыми сиденьями были полки для багажа. Юэн положил туда рюкзак и автомат, потом помог Кейтлин закинуть ее вещи и сел у окна, радуясь, что, несмотря на металлическую сетку и слой пыли на стекле, из окна все-таки виден кусочек заснеженной станции. Обернувшись через минуту, мужчина увидел, что Кейтлин застыла посреди купе, не понимая, куда ей лучше сесть. Он снова повернулся к окну с видом полного безразличия и услышал, как девушка вздохнула и села напротив.

— Юэн, я не хотела ничего от тебя скрывать...

Юэн посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но тут дверь отворилась, и перед ними снова предстал полковник. Кейтлин тоже уставилась в окно.

Едва возникнув на пороге, Мейзерс чуть не упал: поезд дернулся, и снаружи донеслось пыхтение двигателя. После повторной судороги состав, наконец, тронулся с места.

— Поехали! — удовлетворенно сказал полковник, сел рядом с девушкой и спросил, как ни в чем не бывало: — Что собираетесь делать в Лондоне?

Юэн открыл было рот, но Кейтлин успела его перебить:

— Я еду домой, а он ищет работу.

— Понятно... — протянул полковник и неожиданно добавил: — Ненавижу этот город!

Кейтлин понимающе кивнула, а Юэн равнодушно поинтересовался:

— И почему же?

Полковник удивленно выгнул бровь:

— Что, никогда не бывал в Лондоне?

Юэн молча покачал головой.

— Ты из Шотландии, верно?

— Да.

— Ну и как там у вас дела?

— Холодно, но спокойно. Кажется, во время войны нас даже не бомбили.

— В самом деле? — слегка изумился полковник.

— Наверное, у нас не было ничего ценного.

— Да, только верфи, шахты и тяжелая промышленность, — сухо отозвался Мейзерс.

— Да, только это, — согласился Юэн. — Вероятно, просто повезло...

— В самом деле! Вот про Лондон такого, увы, сказать нельзя: он был поражен несколькими тактическими боеголовками, нейтронной бомбой, которая выжгла все живое на поверхности, и биологическим оружием, которое породило новые, неприятные формы жизни. — Полковник горько покачал головой. — Гордость нации превратилась в груды зараженных радиацией руин, по которой шляются мутанты! В общем, полная жуть.

— Вполне логично, — пожал плечами Юэн, и полковник непонимающе уставился на него. — Столица государства — как голова воина: отруби ее — и победа твоя.

— Красивая аналогия, только не очень верная, — криво улыбнулся полковник. — Штаб армии находился в Глостершире. А в Лондоне было только гражданское правительство. Но это не имеет значения. Глостершир, впрочем, теперь похож на сквородку: гладкий, раскаленный и безжизненный.

— Тоже ядерный удар?

— Нет, что-то поинтереснее. С тех пор там вообще ничего не растет.

— Я уже плохо помню, каким был мир до всего этого... Книги почему-то не сильно помогают восстановить картину, — печально сказал Юэн.

— Нет смысла стараться, — ответил полковник, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза под мерный перестук колес.

При Мейзерсе говорить было не о чем, поэтому сидели молча. Юэн старался не обращать на свою спутницу внимания и смотрел в окно. Однообразные заснеженные поля и руины оказались зрелищем довольно утомительным.

Поезд ехал очень медленно. Юэн был уверен, что мог бы бежать с такой же скоростью, если бы постарался, и чувство новизны от путешествия в комфорте и безопасности вскоре улетучилось, уступив место скуке.

Пейзаж изменился, когда они въехали в Честерфилд.

Рельсы несколько раз повернули, и Юэн успел рассмотреть город, но не понять, что же с ним не так.

— Проследуем без остановки, — пробормотал полковник, не открывая глаз. — Увидите, почему.

Железная дорога обходила центр города с восточной стороны, и Юэн подумал, что это, наверное, очень удачное обстоятельство. Над развалинами виднелась церковь, шпиль которой был закручен спиралью и как будто шевелился. Поезд еще больше сбавил скорость, и Юэн подался вперед, но так и не разглядел, что именно давало та-

кой эффект.

— Кажется, тормозим, — заметил он, и полковник открыл глаза.

— Вот это плохо. Похоже, подонки опять шалили на рельсах, — с этими словами Мейзерс поднялся и вышел из купе.

В коридоре послышались быстрые шаги, бряцание металла, потом кто-то затопал по крыше. Дверь снова открылась, и Мейзерс заглянул внутрь.

— Сидите, у нас небольшие проблемы. Ребята расчищают пути. Может быть жарковато.

— Жарковато? — переспросила Кейтлин, когда полковник исчез.

Юэн молча снял с полки автомат и зарядил его.

— Откуда у тебя патроны?

— Капитан в Шеффилде вернул, и еще от себя добавил.

— А мне ты не собирався об этом сказать?

— Вот, сказал же, — ответил мужчина и бросил девушке два магазина к ее автомату.

Кейтлин поймала их в воздухе и зарядила оружие, глядя на спутника с подозрением. В этот момент что-то со всей силы жакнуло в окно купе. Оба пассажира подскочили от неожиданности, а Кейтлин даже выронила автомат.

С той стороны окна на них ощерилось размазанное лицо. С крыши тут же раздался выстрел, и лицо разлетелось на мелкие ошметки.

— Это что еще за хренотень?! — заорал Юэн. — Ты видела? Прямо какой-то пещерный человек!

Вдалеке послышался долгий боевой клич, подхваченный десятками голосов. Кто-то на крыше произнес:

— Парни, приготовились...

Из соседних домов на крышу полетел град камней и каких-то железяк. Они оглушительно грохотали по броне, металлические сетки на окнах дребезжали.

— Зачем они это делают? — нервно закричала Кейтлин. — Они же знают, что поезда ничего не будет!

— Затем, чтобы люди понервничали, — предположил Юэн. — Вот как ты. Хотят потрепать нам нервы перед главным ударом.

— Эти раскрашенные обезьяны дают нам на психику?

— Ну да. С тех пор, как придумали боевые тамтамы, почти ничего не изменилось.

Шум прекратился. Полковник Мейзерс с грохотом распахнул дверь.

— Черт! — вскрикнул Юэн, подпрыгнув от неожиданности.

— Совершенно согласен, — усмехнулся полковник. — Надеюсь, этот зоопарк вас не сильно напугал? Скоро отправимся.

— Что, вы уже покормили зверей? — попытался шутить Юэн.

— Звери, точно. Звери и есть. И никто не знает толком, что случилось после войны с людьми этого славного городка... Почему они озверели, — сказал Мейзерс.

За окном раздался треск, и языки пламени озарили купе. Еще несколько таких же взрывов послышалось неподалеку.

— Так, а вот это уже серьезно, — сказал полковник и выбежал в коридор.

В тех местах, куда попали бутылки с зажигательной смесью, огонь словно прилип к броне. Пламя вязкими ручейками стекало вниз, и краска под ним пузырилась. Купе начало затягивать дымом. В этот момент что-то наверху басовито ухнуло, и один из

ближайших домов взорвался.

— Это пушка? — спросил Юэн, посмотрев вверх.

Кейтлин закашлялась от едкого дыма.

— Надо выбираться отсюда!

Перестрелка не утихала, и со стороны города доносились полные ненависти вопли и боевой клич. Юэн закинул за плечо свой рюкзак, а второй бросил Кейтлин.

Выскочив из вагона в середине состава, они оказались посреди полного хаоса. Поезд с обоих боков окутывали клубы черного дыма, сквозь которые пробивались языки пламени. Столбы дыма поднимались и с насыпи: там горели кучи резиновых шин, подожженные дикарями. Со всех сторон доносился непрерывный злобный вой: как будто стоглавое чудовище вопило во все глотки от ненависти к этому миру.

Между руинами мелькали быстрые тени, в дыму похожие на чертей из преисподней. Солдаты стреляли по ним с крыш, и, хотя чаще промахивались, чем попадали, иногда пуля все же достигала цели. Тогда грозный черт падал на камни, бился в агонии и затихал, превращаясь в жалкую скрюченную фигуру в оборванных тряпках.

Руины тоже огрызались огнем: пули то и дело отскакивали от бронированных стен. На глазах у Юэна один солдат на крыше поник головой и завалился набок.

Впереди, поперек путей, стояла огромная фура с проколотыми и подожженными шинами, нагруженная доверху бетонными глыбами и кирпичом. Юэн заметил, что щебень под днищем был покрыт той же темной жидкостью, что продолжала гореть на стенах поезда.

Мейзерс стоял у кабины и при помощи солдата пытался выломать дверь. В этот момент пламя от шин доползло до темных пятен, и с глухим хлопком, от которого тут же стих вой над городом, из кузова фуры вырвался огромный огненный шар, разбирающая во все стороны языки пламени.

Полковник успел нырнуть в кабину, а солдат замешкался и моментально превратился в живой факел. Он метался по рельсам, пока не рухнул от непереносимой боли и не затих.

Из руин снова заголосили — сначала робко, отдельными выкриками, потом все тем же дружным воем — и тут, словно огненный шар был им сигналом, на рельсы высыпали толпы людей в рваном тряпье. Многие держали в руках какое-то пещерное оружие — копья, ножи, ржавые ружья. Мелькали впалые щеки, тощие ноги, глаза, горящие отчаянным голодом. Но больше, чем внешность этих людей, ужасали ожерелья из человеческих костей и зубов, украшавшие самых отъевшихся.

Сверху заухал тяжелый пулемет, и первые ряды атакующих рухнули, скошенные очередью. Толпа дрогнула, но тут же с удвоенной яростью рванула вперед.

— Живо наверх! — заорал Юэн и буквально забросил Кейтлин на лестницу, ведущую на укрепленную крышу вагона.

— А как же ты? — закричала девушка.

Юэн бросил ей свой автомат:

— Держи. Он бьет дальше, чем твой. Прикрывай меня и не поранься!

Он кинулся туда, где, отрезанный толпой дикарей от своих подчиненных, сидел в кабине фуры полковник. Кейтлин бежала за ним по крыше вагона, мимо солдат, хладнокровно стрелявших в разъяренную кровожадную человеческую массу вниз и срезающих штыками самых крепких, которым удавалось забраться по лестницам наверх.

Юэн расправил плечи и вынул из ножен оба клинка. Прямо перед ним, тыча ему в лицо бутылочной «розочкой», возник дикарь в оправе от очков без стекол и с ожерельем из человеческих пальцев на шее. Кейтлин с крыши вагона показалось, что ее спутник пустился в пляс. Он увиливал от копий и лезвий дикарей, проскальзывал между ними с неожиданной ловкостью, и ножи стали словно продолжением его рук.

Юэн доверился рефлексам: сработали годы тренировок, и мозг очистился от всяких мыслей, уступив место инстинктам. Где-то в темных уголках его разума брезжило осознание того, что это путешествие сломало его. Что, несмотря на благородную цель, он утратил по пути что-то, без чего трудно быть разумным человеком. Его жизнь превратилась в бурлящий водоворот, и бывшее спокойствие и взвешенность унесло течением куда-то в глубину.

Обезумевшие от голода мужчины и женщины перед ним перестали быть людьми и стали помехами на пути. Их бешеные атаки он отражал спокойно и невозмутимо, как человек в лесу отодвигает ветки от лица.

Ржавое лезвие разрезало воздух в сантиметре от его шеи. Уклонившись влево, Юэн прочертил клинком тонкую линию на торсе врага, от правого бедра до левых ребер, и умчался вперед, пока дикарь пытался собрать выпавшие кишки внезапно онемевшими руками. Потом, перехватив копьё, чуть было не воткнувшееся в живот, Юэн рубанул по руке его владельца, а следующим ударом вскрыл ему сонную артерию и усыпил навеки. Дальше на пути стояла девчонка с блестящим ножом. Окутанный бесчувственной пустотой, Юэн обрушился на нее, как ангел смерти. Дикарка успела увернуться и попыталась воткнуть нож ему в ногу, но Юэн отскочил, и оружие по рукоятку вошло в землю. Увидев перед глазами автоматное дуло, Юэн одной рукой рубанул по нему, а второй — по горлу стрелка и, располозовав его от уха до ключицы, швырнул бьющееся в агонии тело на девчонку.

Вот они, бессонные ночи в туннелях. Тренировки не прошли даром.

Или он просто выпустил на прогулку демона, который всегда жил внутри?

Когда Юэн распахнул дверь, полковник направил на него пистолет и только потом узнал его. Мейзерс как раз пытался завести двигатель.

— Твою мать, ты здесь откуда?! — выпалил Мейзерс, глядя в пустые глаза на забрызганном кровью лице. Но тут мотор завелся, и полковник забыл про свой вопрос, бросив через плечо:

— Задержи их, пока я не сдвину эту хреновину!

Юэн прыгнул на землю рядом с кабиной. Совсем близко слышались шаги, и он резко обернулся, а залитые кровью клинки в его руках блеснули на огне адским пламенем.

— Эй, спокойно! — Перед ним стоял человек в военной форме. Юэн моргнул и начал приходить в себя.

Тем временем пятеро солдат воспользовались замешательством, которое внес Юэн в ряды дикарей, и бросились за ним в образовавшуюся брешь, а Кейтлин с крыши прикрывала их огнем. Все пятеро теперь с опаской смотрели на человека, устроившего на их глазах такую резню.

За спиной Юэна изуродованная фура дернулась вперед, ветхий двигатель натужно закашлял, заскрипели изношенные рессоры. Солдаты взяли кабину в круговую оборону и двигались вместе с ней, стреляя в тех, кто смел подойти слишком близко. Юэн посмотрел на ножи в своих руках, и его охватило внезапное отвращение. Вытерев их об одежду убитого дикаря, мужчина убрал клинки в ножны, и в этот момент фура с грохотом съехала с путей.

Полковник Мейзерс выбрался из кабины.

— Спасибо, братцы! — сказал он солдатам и внимательно посмотрел на Юэна. — Сдается мне, девчонке чертовски повезло с телохранителем. Кажется, я обязан тебе жизнью, а может, и все мои люди тоже.

Юэн молчал, и лицо его ничего не выражало. Полковник нахмурился.

— Видал я такой взгляд у некоторых ветеранов. Осторожно, Юэн. Если долго смотреть в Бездну, Бездна посмотрит на тебя.

Мейзерс повернулся к солдатам, собираясь с боем повести их обратно к поезду, но атака Юэна и меткий огонь с крыш вагонов сломили боевой дух дикарей. Когда фура съехала с насыпи, они бросились назад и растворились среди руин. Вдали еще слышалась стрельба, но пули уже не свистели над головами, и Юэн догадался, что выжившие разбираются между собой.

На земле вокруг поезда лежало примерно с полсотни тел. Пробираясь через них, солдаты то и дело останавливались, чтобы добить раненого. Кейтлин, глядя на это с крыши, бледнела с каждым выстрелом.

— Не стрелять! — раздалась команда с крыши, когда полковник и его свита дошли до дымящихся вагонов. — Давайте грузиться, пока дикари не ударили снова!

Все вернулись по вагонам, и поезд медленно поехал вперед, унося их с кровавого поля боя.

* * *

Когда вокруг снова раскинулись белоснежные поля, поезд остановился, и солдаты под руководством полковника вышли осмотреть повреждения. Кейтлин из любопытства пошла с ними, и Юэн поплелся за ней по пятам, как потерянный ребенок.

Поезду крепко досталось: горючая жидкость намертво въелась в обшивку, краска во многих местах облупилась, стекло кое-где закоптелось дочерна. Под вагонами обнаружались непотухшие языки пламени — там занялась смазка на колесах, — и солдаты тут же бросились их гасить.

— Будь я знающим человеком, я бы сказал, что эти гады закидали нас напалмом, — промолвил Мейзерс, ни к кому конкретно не обращаясь.

— А что в этом такого удивительного? — спросил Юэн.

— Сам по себе напалм готовится легко, но вот найти для него бензин очень непросто, — объяснил полковник, заглядывая под днище вагона. Оттуда вдруг вылез инженер; полковник попятился и потерял равновесие. Юэн машинально придержал его рукой, не дав упасть с насыпи.

— Ты смотри, опять меня спас! — усмехнулся Мейзерс.

— Все в порядке, сэр, — сказал инженер, отдал честь и направился к паровозу.

— Ладно, нечего тут торчать. — И полковник первым пошел к двери.

Юэн и Кейтлин пошли за ним, следом потянулись солдаты из оцепления.

Дыма в вагоне уже не было, но запах остался, казалось пропитав собою каждый кусок материи и каждую поверхность. Двигались с прежней скоростью.

— Я думал, поезда ходят быстрее, — угрюмо произнес Юэн.

— Это раньше так было. Хотя и наш поезд может, — ответил полковник.

— Что же ему мешает?

— Рельсы не в лучшем состоянии: все-таки двадцать лет без ухода. Во многих местах пришлось их перекладывать, переноса полотно с других дорог. И все равно приходится ехать медленно, чтобы машинист и инженер не проглядели дефекта.

Юэн хорошо помнил ржавые рельсы в подземке Глазго. Здесь, на поверхности, они должны были пострадать гораздо больше, чем в закрытом от злого климата метро.

— Теперь понятно, — протянул он.

— Когда мы поставим страну на ноги, все станет иначе, — сказал полковник нараспев, как будто повторяя заученную мантру.

— Сыны и дочери Англии, вы нужны ей! — добавила Кейтлин с непроницаемым выражением лица.

За недели совместных странствий Юэн хорошо изучил девушку и понимал, что она говорит о чем-то очень для нее неприятном, но полковник принял ее слова за чистую монету.

— Именно! — сказал он и зааплодировал. — Только так! Только так мы снова сделаем Англию великой державой!

— Мы, в Шотландии, ни разу не слышали об Английской республике, — сказал Юэн, пытаясь на время забыть о том, что эти люди угнали его семью. — Вы можете рассказать о ней поподробнее?

Полковник задумался.

— Скоро ты сам все узнаешь и увидишь своими глазами. Возможно, мы даже пригласим тебя в наши ряды. В конце концов, шотландцам не привыкать проливать кровь за англичан. — Он улыбнулся. — А что бы ты хотел узнать в первую очередь?

— Всюду, где я был, царит хаос. Люди еле сводят концы с концами в борьбе за жизнь. Как вам удалось так организовать?

— Прямой вопрос от честного человека, — кивнул тот. — Ну что ж, тогда ты получишь прямой ответ. Но прежде скажи: в Шотландии ходят слухи о тайных военных базах под землей?

Юэн кивнул:

— Да, только никто им не верит. Метро изучено вдоль и поперек, там не осталось неосвоенных мест.

— А в Лондоне было много чего: от оружейных складов до укрепленных бункеров.

Юэн заморгал от удивления, и глаза полковника довольно заблестели.

— Они не были особо засекречены, просто стояли вдали от лишних глаз и под закрытым доступом. После войны небольшая горстка выживших стала тешить себя мечтами о том, как новая нация восстанет из пепла.

Это Юэну было знакомо: в Глазго тоже велись такие разговоры.

— Это были лишь мечты, но слухи о них очень быстро разнеслись как пламя по всей Подземке. Наконец, молва дошла до ушей человека, который был когда-то армейским генералом и знал, где находится большинство складов и бункеров.

Мейзерс подался вперед, захваченный воспоминаниями.

— Он знал как все коды доступа, так и то, в какие бункеры лучше не пытаться проникнуть. Генерал отыскал мечтателей и сказал им, что они — лучшая замена парламенту, что они нужны людям, а потом предложил свои ресурсы в обмен на возможность собрать армию. Так все и вышло. Мечтатели стали новым парламентом, и так родилась Республика.

— И никаких выборов? — спросил Юэн, привыкший к тому, что лидеров станций в Глазго назначали по результатам всенародного голосования.

— Пока нет, но мы над этим работаем, — слегка обиженно ответил полковник. — Для выборов нужна стабильная база. И, конечно, голосовать должен не только Лондон.

— И давно все это началось?

— Несколько лет назад, когда ослабли морозы. Мы посылаем вербовщиков во все концы страны, те предлагают работу беженцам и бродягам, обещая им за труды еду, одежду и крышу над головой.

— Да, кажется, это и называется рабством, — сказала Кейтлин, дерзко посмотрев на полковника.

— Вы прекрасно знаете положение дел: в мире не было ни одной великой цивилизации, которая на том или ином этапе не использовала труд рабов! — отрезал тот, и Юэн с трудом подавил желание вцепиться ему в глотку.

— Какая это на хрен республика, если вы порабощаете собственное население? — прошипел он.

Полковник откинулся на сиденье и задумчиво уставился на него.

— Ты думаешь, я дурак, Юэн? — неожиданно спросил он тихим голосом.

Кейтлин затихла.

Юэн спохватился. Дай он волю чувствам — и его тут же вздернут. Не время выяснять отношения с этим ублюдком, не время...

— Конечно нет, — медленно выговорил он.

— Правильно. Дураки не выживают в нашем мире, и тем более — не попадают во власть.

Юэн кивнул, но краем глаза заметил, что девушка все еще напряжена.

— Большая она, ваша Республика? — спросил он, чтобы замять скользкую тему. — Как я понял, все началось в Лондоне, но вы же сами говорили, что от него не так уж много осталось.

— Ну, мы еще в начале пути. К нам присоединились туннели на севере Лондона и несколько наземных поселений на юге...

— Постойте! — перебил Юэн. — Неужели на юге есть наземные поселения?

— Ну да, — удивленно ответил полковник. — А что тут такого?

— Нам говорили, что там никто не выжил.

— *Почти* никто. Но там были военные бункеры, а особо изобретательные сумели выжить другими способами.

— Все равно неясно, каких же размеров ваша Республика.

— Очень трудно прочертить границы и подсчитать население. Не забывай, страна лежит в руинах.

Мужчина скептически покосился на собеседника.

— Я увиливаю, да? — спросил тот.

Юэн и Кейтлин в унисон закивали, и полковник невесело ухмыльнулся:

— Простите. Жизнь научила дипломатии. Английская Республика пока существует только в виде идеи, но зато у этой идеи есть то, чего нет у всех остальных идеологий, то и дело возникающих на руинах: ресурсы. В Республику входят все станции к северу от Сент-Панкраса, несколько южных станций и около тридцати форпостов по всей стране.

— Сколько это человек?

— Если честно, понятия не имею, — признался полковник.

— Тогда откуда вы знаете, кто к вам присоединился, а кто — нет?

Мейзерс молча посмотрел на Юэна.

— Кто не с нами, тот против нас, — невесело улыбнулась Кейтлин.

— Попахивает диктатурой, — стараясь говорить спокойно, отметил Юэн.

Полковник кивнул:

— Демократия — это роскошь, предназначенная тем, кому не нужно постоянно воевать, — парировал он.

— Все большие войны в прошлом веке выигрывали демократии, — вдруг сказала Кейтлин.

— А кажется, будто я оправдываю тоталитарный строй, да? — вдруг спросил Мейзерс. — Послушайте... Как бы это сказать... Я и сам не хочу, чтобы наша прекрасная затея с Республикой выродилась в банальную диктатуру. Это... Это просто временные меры. Пока молодое государство копит силы, чтобы встать с колен...

— За счет рабского труда! — не сдержался Юэн.

— Послушай, братишка, — тяжело произнес полковник. — Меня отзывают в Лондон, но не увольняют в запас. Я все еще полковник Республиканских Вооруженных сил. У меня все еще есть право арестовать тебя и отправить на виселицу за твои речи. Ты ведь помнишь об этом?

— Попробуй, — буркнул Юэн, бедром ощущая свой нож.

— Но ты почему-то мне нравишься. Может, потому что дважды спас мне шкуру, — усмехнулся Мейзерс. — А может быть, потому что не пытаешься юлить и лизоблюдствовать. Поэтому скажу тебе: ты прав. И надеюсь, что ты не провокатор, подосланный ко мне, чтобы заставить меня разболтаться, а потом убрать...

Юэн посмотрел полковнику в глаза, стараясь понять, правду ли тот говорит.

— Когда-то в армии учили этому — говорить прямо, вести себя как мужик. Нынешняя армия сильно спеклась, надо сказать, — продолжил Мейзерс.

— Вы не похожи на остальных, — вдруг заявила Кейтлин.

— В каком смысле?

— Я жила в Английской Республике с момента ее основания, и скажу без обиняков: ваши офицеры — чуть не сплошь ворье и убийцы.

Полковник заерзал на сиденье.

— Их набирала Республика.

— Что это значит? — не понял Юэн.

— Что они брали кого попало, а потом эта братва зажила своей жизнью, — ответила за офицера Кейтлин.

Мейзерс спорить не стал.

— Английская Республика задумывалась как демократия, но когда военные вылезли из укрытий и предложили свои ресурсы, все изменилось, — сказал он.

— Похоже на сделку с дьяволом, не находите? — улыбнулась Кейтлин.

— Чертовски похоже, — мрачно усмехнулся полковник.

— Странно, что вы говорите о военных так, как будто сами не имеете отношения к армии, — заметила Кейтлин.

— Странно, что вы говорите о Республике так, как будто не обслуживаете самых odioзных ее лидеров, — сухо отозвался Мейзерс. — Вы не находите, что состоять в отрядах работоторговцев и одновременно плакаться о диктатуре — несколько непоследовательно? Я бы сказал, тут дело пахнет шизофренией.

— Послушайте, полковник, — уверенно сказала Кейтлин. — Среди тех, кто служит Республике, есть и люди, которые думают, что все должно быть иначе.

Мейзерс прищурился, внимательно изучая девчонку и ничего не отвечая.

— Какая разница, где мы, — ждем своего часа в отряде рейдеров или командуем далеким гарнизоном? Мы просто знаем, что Республика встала на неверные рельсы и что скоро нас призовут, чтобы вернуть ее на правильный путь.

Мейзерс встал со своего места — бледный как смерть — и отворил дверь купе.

— Охрану сюда!

Рука Юэна скользнула вдоль бедра и вцепилась в рукоять ножа, но Кейтлин сверкнула глазами, умоляя его не делать поспешных движений.

Через несколько мгновений в купе ввалились двое часовых и замерли в ожидании приказа.

Мейзерс победно оглядел своих попутчиков, ожидая, что те скажут.

Юэн все еще стискивал нож — но под столом его руки было не видно. Кейтлин молчала и как ни в чем не бывало улыбалась удивленно молчащим солдафонам. Время тянулось, как резина.

— Ступайте осмотрите последний вагон, — наконец велел охранникам Мейзерс. — Мне послышалось, что кто-то прыгнул на крышу поезда.

Когда солдаты вышли, а дверь за ними захлопнулась, полковник медленно опустился на свое место.

— Вы понимаете, как рискуете, когда заговариваете с незнакомым офицером о мятеже? — прошептал он.

— Я немного разбираюсь в людях, — сказала Кейтлин. — И не стала бы говорить об этом с кем попало.

Юэн удивленно смотрел на девчонку. Что за игру она затеяла?

— Да... Да, — произнес Мейзерс. — Простите, что заподозрил в вас провокатора. Сами понимаете, их в Республике куда больше, чем людей, придерживающихся ста-

рых ценностей. Таких как...

— Мы с вами, — твердо закончила Кейтлин. — Старая гвардия. Вы выглядите довольно молодо для старой гвардии, — устало пошутил полковник.

— Я выгляжу моложе своего возраста, — без кокетства ответила девушка. — А для того, чтобы жить ценностями старого мира, не обязательно в нем родиться.

— И сколько же вам? — поинтересовался полковник.

— Простите?

— Сколько вам лет?

— Вы не находите, что девушке этот вопрос задавать не подобает? — надулась Кейтлин.

— Я нахожу удивительным, что вы выглядите на шестнадцать, а рассуждаете на шестьдесят, — усмехнулся Мейзерс. — Был бы я по-подозрительней — заподозрил бы тут какую-то чертовщину. Или, — он вдруг зыркнул на нее, — результат генетических экспериментов.

— Что вы сказали? — вспыхнула Кейтлин.

— Некоторое время назад в одной лаборатории в Лондоне, а вернее сказать, под ним, группа военных и ученых, надеясь найти спасение от радиации, ставила эксперименты. Старались создать совершенного человека. Который жил бы дольше обычного, легко переносил бы болезни и оправлялся от ран... Возможно, обладал бы какими-то способностями, которые покажутся фантастическими непосвященным.

— Откуда вы знаете?! — девушка больше не могла сдерживать себя.

— Я любознателен от природы. Собираю слухи, — вежливо ответил полковник.

— И чем кончилось дело? — не спуская с Мейзерса пристального взгляда, продолжила допрос Кейтлин.

— Родились детки. С выдающимися способностями, — пожал плечами полковник. — Если, конечно, верить этим байкам. Вы вот верите?

— Нет, — Кейтлин смутилась. — Но хотела бы. Вечная молодость, избавление от болезней.

— Звучит как сказка, не правда ли?

Она молча кивнула.

— Вы мне больше ничего об этом не расскажете? — вздохнула она.

— Может, вы что-нибудь расскажете мне? — спросил Мейзерс.

— Я ничего не знаю, — Кейтлин покачала головой. — Но хотела бы узнать.

— Не знаете, что эксперимент был заброшен? Что на базе произошел раскол? Что часть персонала ушла на поверхность и сгинула? Что необыкновенные дети пропали?

— Нет.

— Что нынешнее руководство Республики дорого бы отдало за то, чтобы заполучить кого-либо из участников того эксперимента?

— Нет.

— Ну что ж, — полковник улыбнулся отстраненно. — Выходит, что я знаю больше вашего. Но помните... Все, что вы слышали сейчас, — просто слухи, рассказанные одним пьяницей другому в ночном карауле.

— Можно задать последний вопрос? — встрепенулась девчонка.

— Задать можно.

— Родители пропавших детей... Они живы?

— Они ушли на поверхность. Они думали, что вернуться, но... Прошло уже больше двадцати лет.

Из девушки словно выжали разом все соки. Она по-детски съежилась, прижав колени к подбородку, и уставилась в пол. Заметив, что Кейтлин немного расслабилась, Юэн сам почувствовал себя спокойнее и замолчал.

— Считайте, что я наболтал вам ерунды. Возможно, потому что ваш детский энтузиазм и слова про Старую гвардию растрогали меня, — сказал полковник. — И прошу вас: не заговаривайте об этом больше со случайными попугайчиками. Потому что с такой хреновой конспирацией никакая Старая гвардия никогда не сможет изменить порядок вещей. И Английская республика останется карликовым фашистским государством, в котором одни британцы превращают других в рабов, мужчин отправляют на каторжные работы, а из женщин делают солдатские подстилки...

Тяжелая мутная волна накатила на Юэна. С тех пор, как раболовцы напали на Глазго, его жизнь превратилась в кошмар, где его без конца разрывали противоречивые чувства. Джулию он вспоминал редко, особенно когда рядом была Кейтлин, но боль от потери Майкла и Гвен никак не утихала. Большую часть времени ему удавалось держать эту боль взаперти, в темных уголках души, хотя давалось это с большим трудом. Он, кажется, уже свыкся с тем, что его разлучили с близкими, но от одной мысли, что жена может стать подстилкой для этих фашистов, его затошнило.

С небывалым трудом загнав гнев и обиду обратно в мрачные глубины сознания, Юэн помотал головой, будто пытаясь стряхнуть похмельный туман.

Кейтлин молчала, погруженная в какие-то свои переживания. Байки о генной инженерии отчего-то страшно заинтересовали ее, но Юэну сейчас было не до девчонки с ее интересами.

— Но скоро мы все окажемся в Лондоне, а уж там-то с такими разговорами придется завязать, — сообщил Мейзерс. — До Лондона мы проедем еще два города. Когда-то они назывались Дербь и Лестер, теперь на их месте жуткие и опасные развалины.

Мейзерс встал и оправил мундир.

— Когда подъедем к Лестеру, надо будет закрыть ставни на окнах.

Юэн и Кейтлин посмотрели на металлическую заслонку, висящую под окном.

— Почему?

— От радиации, — механически ответила за полковника девушка.

— Именно, — согласился тот. — Стены у вагона достаточно крепкие, чтобы отражать излучение, а вот окна — слабое звено.

Юэн попытался поднять ставню, но она оказалась слишком тяжелой и без всякого подъемного механизма.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся полковник. — Когда придет время, мои люди придут и все сделают. Конечно, можно было бы придумать какой-нибудь подъемник, но чем проще, тем надежней.

Он на секунду замер, задумчиво глядя на ставню, а потом направился в коридор. Уже на пороге остановился и обернулся к Юэну.

— И да, на всякий случай, если вы не собираетесь устраиваться телохранителем у генерала, — сказал он. — Если вдруг у вас в Лондоне какие-то другие планы. Учтите, что мы с вами никогда не встречались. А теперь отдыхайте. До Лестера вас никто не будет беспокоить.

Наконец он закрыл дверь, и Юэн с Кейтлин впервые за два дня остались одни.

— Ты была с ними! — прошипел мужчина. — И ты с самого начала все знала!

— Прости меня, — просто ответила Кейтлин.

— Ты знала, куда они везут моих! И ты ничего не сказала!

— Я намекала! — запротестовала девушка.

— Ты участвовала в этом! Ты видела мою семью?!

— Да... Видела. — Кейтлин встретила с Юэном глазами и выдержала его тяжелый, горящий взгляд.

— Они... Они живы? Целы?

— Были живы. В Карлайле. У твоей жены была травма головы... Я думала, кровоизлияние. Но потом стало проходить. Дети в порядке. Были...

— Ты знаешь моих детей и ты молчала! Поверить не могу! — Юэн расходился все больше. — Помогала этим бандитам, да? Выкручивала руки детям? Пыталась?

Кейтлин вскочила и вдруг влепила ему пощечину.

— Как ты можешь?! Ты знаешь меня, ты видел, ты слышал меня... И... Как ты можешь подозревать меня в таких низостях?! Какое право...

— После того, как ты столько времени мне лгала?!

— Я не врала тебе! Я просто не говорила всей правды... Не знала, как! А потом... Потом ты мне понравился, и... Я запуталась! Что тут непонятного?!

— Что ты делала с рабовладельцами? — глядя в пол и потирая щеку, спросил Юэн.

— Я была с ними вроде врача. Говорила с рабами, лечила понемногу. Следила, чтобы со всеми было все в порядке...

— За товарным видом... — горько сказал Юэн.

Кейтлин отвернулась.

— Ты должна была мне сказать. Я должен был иметь возможность сделать выбор, — мрачно произнес он.

— Я не могла!

— Почему?!

— Я боялась потерять тебя! Отпугнуть! Боялась, что ты меня возненавидишь! Боялась того, что происходит сейчас!

— Почему?!!

— Идиот! Потому что я влюбилась в тебя, вот почему! — она спрятала лицо в ладонях.

— Да пошла ты!

Дверь купе отворилась. На пороге стоял заинтригованный полковник Мейзерс.

— Леди, — улыбнулся он Кейтлин. — Джентльмены, — перевел он взгляд на Юэна.

— Вас слышно из соседнего вагона. Вы не собираетесь спать?

— Уже ложимся! — буркнула девчонка. — Простите, мы тут заспорили о способах приготовления мятного чая.

— О! Непременно пригласите в следующий раз меня, — приподнял бровь полковник. — У меня есть свои маленькие секреты. В деле заваривания чая.

И он снова вышел.

За то время, пока Мейзерс их изучал, Юэн успел немного остыть.

— И как ты докатилась до такой жизни? — зло буркнул он Кейтлин.

Кейтлин снова прижала колени к подбородку, словно защищаясь от удара, и нахмурилась.

— Только не вешай мне лапшу на уши. Хватит, никаких больше секретов! — предупредил мужчина.

Юэн только сейчас сообразил, что так и держит в руках автомат, и положил его рядом с сиденьем. Кейтлин встревоженно покосилась на оружие.

— Все свое детство я скиталась, попрошайничала и воровала по мелочи, чтобы не содохнуть с голодухи. Но всегда было холодно, всегда хотелось есть, вечно надо было прятаться либо от тех, кого я обокрала, либо от тех, кто падок на детишек.

Юэн побледнел. Он не задумывался о том, что и его детям в Лондоне могла угрожать такая опасность.

— Когда я подросла, стала работать гонцом. Я не боялась бегать по туннелям, так что работа оказалась как раз для меня.

Юэн хорошо знал, как жутко бывает в темных перегонах между станциями.

— В Лондоне туннели такие же глубокие, как в Глазго? — хрипло спросил он.

— Думаю, совсем не такие. Там совершенно особая система. Это же была первая подземка в мире, и строилась она на двух уровнях. На верхнем уровне туннели прокладывали прямо по улицам и накрывали кирпичной кладкой. А на нижнем их уже бурили... На верхнем уровне очень опасно. Многие линии недоступны — там и радиация, и всякая зараза, и чудовища, живущие прямо в туннелях... Кое-где остались люди, но они либо прячутся за укреплениями, либо... — девушка задумчиво помолчала. — Либо их уже нельзя назвать людьми.

— Мутанты?

— Нет. Просто они потеряли человеческий облик... На нижний уровень зараза с поверхности не пролезает, но там свои опасности, — продолжала Кейтдан. — Например, затопления. Как только насосы прекращают работать, все сразу становятся злые, берегут свои муравейники... Есть люди с очень странными убеждениями, и почти все подмяты под Английскую Республику.

— А кто-то ее обслуживает, — вставил Юэн, но Кейтлин предпочла не заметить этого.

— Есть такие туннели, куда никто в здравом уме не пойдет просто потому, что оттуда не возвращаются. Есть туннели, перекрытые металлическими воротами: внутрь попасть нельзя, зато слышно голоса и лязг работающих машин. Есть места, где вообще словами не описать, что творится. Под Лондоном есть и другие туннели, по которым никогда не ходили поезда. Никто точно не знает, что там. Гонцов иногда отправляют и туда. Наша работа стоила дешево, а жизнь — вообще ничего. Было несколько случаев... Один раз я чуть не утонула. Попала на станцию, куда прорвались грунтовые воды...

— Часто бывают потофы?

— Постоянно. Но большую часть времени насосы справляются. Там есть электричество, только для насосов. И никто не знает, откуда оно идет. Черт подери, про Подземку гораздо больше не известно, чем известно... Господи, о чем я?..

Она выдохнула и попыталась взять Юэна за руку. Он дернулся и медленно вытащил пальцы из ее ладони.

— Я урод, Юэн, — сказала она невесело.

— Ты не урод... Ты... Ну... — сбитый с толку, забормотал Юэн.

— Я урод и я ведьма. Сколько мне лет?

— Не знаю, — он был обескуражен тем, как вдруг повернулся их разговор. — Шестнадцать? Восемнадцать? Выглядишь ты лет на пятнадцать, но... Больно уж умная.

— Мне больше двадцати, это как пить дать, а точно я и сама не знаю. И я не взрослею последние пять лет. Наверное, и подохну такой.

— Врешь! — искренне поразился Юэн.

— Не веришь, — сказала она. — И никто не верит. А еще эти мои предчувствия... Все, кому я открывалась, считали меня ведьмой. С работы я вылетела. Меня боялись. Думали, порча налипнет...

— И ведь налипает, — хмуро сказал Юэн.

— Стала воровать. Просто потому, что жрать надо было. Однажды меня схватили. Хотели отрубить руки. Я их запугала. Потом рассказала о способностях. Мне предложили сделку. Руки в обмен на работу. Сверху кинули еду и одежду. Мне много не надо было. Я согласилась. Очень руки были нужны... И потом... Я не знала, что это будет за работа. А потом бросить ее уже было непросто.

— Я бы отдал руки, — глухо промолвил он.

— Ну да! Ты же герой! Странствующий рыцарь! Тебе-то руки ни к чему! — взвилась она. — Да я была счастлива вырваться из этого гнилого подземелья, понял?! Хотя куда! Откуда тебе знать, что это такое — жить в этом мерзком грязном метро, под мертвым отравленным городом, и всю жизнь выглядеть, как ребенок!

Глаза девушки пылали от ярости, и Юэну показалось, что она вот-вот бросится на него и задушит.

— Каждый мужик хочет глотнуть твоей юности, даже когда ее и след простыл. Все хотят насытиться! — Кейтлин сплюнула, и рот ее скривился от презрения. — Ты доверяешь людям, ждешь, что они тебя прикроют от опасности, а они прикрывают тебя только ночью, стоит лишь уснуть... И вот ты уже просто теплое тело: плачь, ори, борись сколько хочешь — никто не придет на помощь!

Он открыл рот, но Кейтлин перебила его, раздраженно рубанув рукой воздух.

— Я чуть не сдохла в Карлайле, Юэн. Пока они брали штурмом башню, я хотела освободить мальчика с сестрой и спрятаться с ними в руинах.

Мужчина перестал дышать, ожидая, что же она скажет дальше.

— Был взрыв. Один из наших пытался меня убить, потом меня завалило камнями. Когда я очнулась — никого не было.

Юэн понял, что именно в этот момент он ворвался в ее жизнь, а она — в его, но сейчас другой вопрос сжигал его изнутри.

— Как их звали?

— Я не успела их спросить... Я не хотела их спрашивать! Думала, что не смогу им помочь. А зачем мне знать имена людей, которых я обрекла на страдания?! Пусть будут безымянными тенями... Не настоящими людьми с именами... Как звали твоих детей?

— Я не хочу тебе говорить. Ты забрала их! Ты забрала моих детей!

Юэн потряс головой, словно пытаясь отогнать наваждение.

— А вдруг это были Майкл и Гвен? Что с ними случилось? Что случилось после взрыва?

— Майкл и Гвен... Так, значит, их зовут... — тихо произнесла она, вдруг побледнев от внезапного холода.

Голос девушки дрожал от стыда и ненависти к себе, но Юэн понял, что она права. Они долго смотрели друг на друга, и слезы капали из глаз Кейтлин.

Страшная усталость вдруг охватила Юэна.

— И что будет дальше? — спросил он.

Кейтлин грустно пожала плечами:

— Не знаю, Юэн. Ты для меня дороже, чем кто бы то ни было, но ты идешь спасать другую женщину и детей, которых я помогла похитить. Разве можно забыть об этом?

Юэн ничего не мог сказать: за последние полчаса на него обрушилось столько открытий, что он был полностью раздавлен.

— Может, лучше послушаться полковника и поспать? — с грустной усмешкой предложил он. — Бывает так, что выплывешь — и жить веселее...

— Да, так бывает. Но не всегда...

Он сидел в апатии, не зная, что ответить.

— Можно и поспать, Юэн, но только помни, что в Лондоне твоя жизнь изменится, и далеко не к лучшему.

— Она и сейчас не сахар, — выдавил он.

— Судьба благоволит к тебе. Вокруг тебя происходят странные события, как будто ими движет невидимая сила. И я боюсь за тебя, потому что не знаю, куда это все приведет.

— Если даже ты не видишь мое будущее, то куда уж мне-то... Кейтлин, я очень устал. И, честное слово, я не хочу тебе зла, но и простить не могу... Пока не могу.

— Тогда спи, — шепнула Кейтлин.

* * *

Мимо проползли руины Дерби, но Юэн уже спал, и Кейтлин любовалась ими одна. Она слышала, что этот город был забросан зажигательными бомбами и что рельсы здесь пришлось менять во многих местах, потому что они погнулись и оплавились от высокой температуры. Теперь от города почти ничего не осталось: развалины практически полностью скрылись под снегом и слякотью. Вдали она заметила небольшое стадо овец и даже разглядела нескольких сторожевых собак. Привстав, девушка прижалась к стеклу и попыталась найти пастухов, но их не было видно.

Позже, в Лестере, ее охватило знакомое уныние. Город пережил войну почти без повреждений, но ужасы послевоенного существования сыграли с его населением злую шутку: оно изрядно натерпелось от радиоактивных дождей, эпидемий, голода и вечного мороза. У местных жителей не было возможности спрятаться в теплых подземных туннелях, а средневековых построек хватило не на всех, и дележка вышла совсем не мирной.

Въезд в город был отмечен столбами, воткнутыми вдоль дорог; на этих столбах вот уже много лет торчали человеческие черепа. Эти дорожные знаки нового времени были единственным напоминанием о давних сражениях. Люди, которые жили здесь сейчас, были слишком слабы и больны, чтобы держать в руках оружие, — жалкие остатки общества, отдавшего последние силы междоусобной борьбе. Даже раболовцы брезговали населением Лестера.

В дверь купе постучали. Кейтлин открыла, приложив палец к губам, и двое солдат, стараясь не шуметь, вошли внутрь и осторожно закрыли окно металлической заслон-

кой. Потом они ушли, и Кейтлин осталась в темноте одна, если не считать спящего Юэна. В купе имелась низковольтная красная лампочка, работающая от динамо, подключенного к паровозному двигателю, но включать ее Кейтлин было незачем.

Линии сходились — она чувствовала это. Девушка никогда не понимала, почему она знает, что будет впереди и как может влиять на это. Это были далеко не те могучие сверхспособности, о которых писалось в старых фантастических книжках или религиозных текстах. Однако она умела это всегда, сколько себя помнила.

То, что Кейтлин ощущала сейчас, было больше всего похоже на старую китайскую шкатулку с секретом. Она видела такую в далеком детстве: надо было сложить в нужном порядке много мелких деталей, чтобы потом одним простым движением вставить их на места — и открыть шкатулку.

Больше всего Кейтлин беспокоило то, что лежит в шкатулке. Она подозревала, что, как в легенде о Пандоре, там нет ничего хорошего. Но еще она знала, что Юэн все равно откроет шкатулку, в надежде или в слепой вере, что вернет себе утраченную семью.

Она же в этом сильно сомневалась: слишком хорошо знала, что бывает с угнанными женщинами и детьми. Если женщина попадется красивая и здоровая, ее отдадут на потеху солдатам. Тем самым, по мнению властей, она послужит Республике дважды: поднимет армии боевой дух — а заодно, чем черт не шутит, может быть, поднимет и ее численность. С детьми поступят иначе: промочут мозги, чтобы они служили Республике и без лишних вопросов выполняли тяжелую работу: например, чистили узкие вентиляционные шахты, куда не пролезет взрослый человек. Больные, раненые или слишком норовистые дети Республике не нужны; медицинской помощи на всех не напасешься. Кейтлин своими глазами видела в Лондоне колодцы, где десятки маленьких тел гнили под слоем щелочи. В свое время это зрелище сильно ее впечатлило и приучило скрывать от работодателей свои болячки...

Девушка легла на сиденье и расслабилась под баюкающий перестук колес. Они проделали только половину пути.

Кейтлин сторожила сон Юэна, пока они не приехали в Лондон.

Глава 16

СНЫ

Юэн уснул не сразу: все возвращался мыслями к этапам своего пути и к людям, которых встретил за это время. Его дети были совсем близко, всего в нескольких часах — сперва на поезде, потом пешком по туннелям лондонской Подземки.

Он подумал: «Что скажет Джулия, когда увидит меня?» И впервые за много лет понял, что не стерпит ее брезгливого безразличия. Но все-таки, в глубине души, надеялся, что жена наконец-то его зауважает.

Потом увидел перед собой Гвен, симпатичную девочку, которая вот-вот расцветет и станет красивой женщиной. Тут же всколыхнулся страх за нее, за ее невинность, и он отчаянно попытался задавить в себе этот страх.

Потом увидел Майкла. Румяные щеки и непобедимое упрямство сына всегда вызывали у него улыбку. В полусне он начал вспоминать, как впервые взял его с собой на работу, и этот день встал перед глазами во всех подробностях, как будто это было вчера. И вот уже Юэн не ехал в поезде в Лондон, а шел по шпалам темного туннеля, стараясь не оступиться.

* * *

Впереди и сзади мерцали лампочки, бросавшие пятна тусклого оранжевого света на крохотные пятячки туннеля. Они были наследием прошлого, в котором, по требованиям безопасности, каждый туннель был оборудован системой аварийного освещения. Теперь большую часть работающих лампочек выкрутили и припасли на будущее, в туннелях их осталось мало, и между ними зияли длинные участки почти кромешного мрака.

Юэн по долгу службы часто ходил по туннелям и привык обходиться без света. Сначала он, как все укрывшиеся под землей, боялся темноты, но со временем страх прошел и сменился рутинной скукой. Возможно, Заводной Апельсин тикал не так резво, как в былые времена, но держал ровный, размеренный ритм.

Майкл несколько месяцев доканывал Джулию, чтобы она разрешила ему пойти с отцом. Та ни в какую не соглашалась, но мальчишка проявил редкую предприимчивость и сумел-таки известить мать, взяв ее измором. Он стал ее хвостиком и не отпускал ни на шаг, даже на работе, где она, вместе с другими женщинами, перекраивала новую одежду из старого шмотья. Он бесконечно донимал ее вопросами, шумел, орал, носился вокруг, и через неделю такой жизни Джулия уже была готова сама сплавить его куда угодно.

И тут как раз вернулся Юэн. Он подошел к деревянной хижине, где жила его семья, перед самым ужином, еще с платформы учуяв запах супа. Остановился перед дверью и прислушался к тому, что происходит внутри.

— Мам, мне скучно!

— Майкл, оставь ты ее в покое хоть на минуту! — это Гвен.

— Но мне скучно!

- Майкл! — рявкнула Джулия. — Ради бога, иди куда-нибудь, поиграй!
- Не во что мне играть!
- Найди что-нибудь!
- Что?
- Да какая разница? Что угодно!
- Только не это! — снова Гвен.

Юэн вошел в хижину и увидел, как его дочь вынимает из рук брата нож и кладет обратно в ящик.

— Папа!

Майкл понесся к отцу, презрев все законы гравитации, и со всей силы впечатался ему в грудь. Юэн охнул, подхватил визжащего мальчишку и расплылся в улыбке.

— Я с ума сойду! — сквозь зубы пробурчала Джулия.

Юэн покосился на нее. Он давно привык к таким холодным встречам, но нельзя сказать, чтобы они ему нравились. Джулия обернулась, смерила его взглядом и снова погрузилась в готовку. А вот Гвен радостно улыбнулась отцу и обняла его, хотя пришлось обнять заодно и брата: он вцепился в Юэна всеми конечностями и ни за что не хотел отпускать.

Джулия разлила суп по тарелкам и неодобрительно посмотрела на детей и мужа.

— С возвращением, — буркнула она.

Юэн улыбнулся и взял в руки тарелку.

— Майкл, сядь и поешь по-человечески! — крикнула Джулия: накопившее раздражение готово было прорваться по любому поводу.

Мальчик, наконец, отпустил отца и сел на потертый ковер. Сестра протянула ему тарелку с супом и ложку.

— Завтра снова пойду, на Сент-Джордж-Кросс.

— Можно, я с тобой? — тут же отозвался Майкл.

— Не говори с набитым ртом! — закатила глаза Джулия.

Майкл проглотил суп и повторил вопрос, опасливо косясь на мать.

— Ну все-таки, можно, я с тобой?

Юэн посмотрел на Джулию, и та яростно замотала головой. Другой реакции он и не ждал, поэтому ее слова стали громом среди ясного неба.

— Забери его, я тебя умоляю!

Ложка в руке Юэна замерла на полпути ко рту.

— Ты не представляешь, как он меня достал! Если ему так хочется пошляться по темным туннелям — пусть идет.

Майкл завизжал и стал подпрыгивать на заднице, расплескивая суп на пол.

— Сиди тихо! — прокричала мать.

После ужина Майкл и Гвен вымыли посуду и сложили в помятую сушилку. Юэн сидел на ковре, удобно устроившись на подушках, и слушал отголоски жизни на станции. Когда возня с посудой закончилась, дети подсели к нему поиграть в карты, а Джулия куда-то засобиравшись. Выходя, она виновато посмотрела на мужа.

— Я обещала зайти к Кэтрин...

Казалось, она сама не сильно верит своим словам, но Юэн, как и всегда, не стал задавать вопросов.

— Пока, дорогая, — сказал он, не поворачиваясь.

Гвен, нахмурившись, посмотрела на отца. Тот перевернул верхнюю карту в стопке и открыл туза. Прошло не меньше секунды, прежде чем Майкл заметил и, торжественно завопив, прихлопнул его туза ладонью.

Юэн взъерошил мальчику волосы, на что тот радостно засмеялся, и Гвен тоже ответила ему улыбкой.

Вечер прошел расслабленно и спокойно. Когда карты надоели, Юэн прочитал им сказку из довоенной жизни. У них была книга о приключениях пяти детей и собаки, и, хотя она была уже читана-перечитана, многое в ней по-прежнему казалось Майклу и Гвен странным, и они часто перебивали отца вопросами. Правда, вопросы со временем менялись: они уже спрашивали не «что такое маяк?», а «зачем кораблям были нужны маяки?». Юэн, как мог, старательно объяснял, но все равно такие понятия, как «мороженое» или «загар», были безнадежно утрачены.

Джулия вернулась, когда дети уже спали, осторожно зашла в хижину и быстро легла на нижнюю койку двухэтажной кровати, прямо под той, на которой спала Гвен. Юэн лежал с закрытыми глазами и вспоминал те далекие дни, когда они с женой ютились на одной койке и не хотели расставаться. Все это осталось в прошлом. Тяжелый труд и жизнь без надежды сломали Джулию; это была уже совсем не та женщина, что спустилась вместе с Юэном в туннели.

Юэн не спрашивал, куда она ходит по ночам. Ему и правда не хотелось знать, изменяет ли она ему или бежит от своих забот в жизнь подруги. Семья была для него единственным лучом света в этом темном царстве; только ради улыбок детей и их благополучия он мотался по туннелям, доставляя на другие станции важные письма и посылки.

Сон подкрался, как бесшумный убийца, и Юэн догадался о его приходе лишь наутро, когда на станции забили старинные часы, давным-давно принесенные кем-то с поверхности.

Итак, наутро Юэн и Майкл стояли на северном конце станции, перед черным зевом туннеля, а вокруг них по-утреннему тихо и неторопливо ходили люди. Мальчик, беспокойно ерзая, вглядывался в чернильную темноту, пока отец обменивался шутками с начальником станции Джоном и принимал от него мешок с посылками и письмами.

Забросив мешок за плечо, Юэн посмотрел на Майкла и увидел, что тот сжал губы и побледнел.

— Там так темно... — Мальчик показал на туннель.

— Только до первой лампочки, — улыбнулся Юэн.

— Мне страшно, — неохотно признался Майкл; ему не хотелось пасовать перед отцом.

Юэн приобнял сына одной рукой.

— Не волнуйся, малыш, со мной ты не пропадешь.

— Потому что у тебя есть нож?

— Нет, потому что у меня есть голова.

— Ну пап! — возмущенно сказал мальчик. — Голова у всех есть!

— Не у всех, Майк, у многих она — только видимость. Голова — это главное наше оружие.

— Почему?

— Когда мы узнаем что-то новое или решаем задачу, у нас работает мозг, который находится где? В голове. Ножи только и умеют, что резать, а автоматы — стрелять. А если сначала пустить в ход голову, оружие может вообще не понадобиться.

Майкл задумчиво переваривал эти слова.

— Пойдем, — Юэн шагнул вперед, и сын взял его за руку.

— Вот бы солдаты пустили в ход головы! — сказал он, глядя на отца. — Ну, то есть, до войны.

— Войну устроили политики, Майк. Солдаты только выполняли приказы.

— Могли бы и не выполнять.

— Могли бы, но в то время закон запрещал не слушать правительство. С их личной совестью никто не считался, а тех, кто не слушался, могли расстрелять.

— Да ну? — изумился мальчик.

— Да, вот так.

— Пап... — робко сказал Майкл, когда они вошли в жерло туннеля.

— Да, Майк?

— А вдруг там чудовища?

— Я тебя не дам в обиду, не волнуйся. Я всегда буду рядом.

— Обещаешь?

Юэн присел и посмотрел сыну в глаза.

— Обещаю, Майк. Для этого и нужны папы — чтобы защищать свою семью.

У курьера в Метро было две обязанности: доставлять почту и смотреть за состоянием туннелей — следить, чтобы всякая пакость не пролезла, а также сообщать о поломках. Вообще-то, работа — скучнее не придумаешь. Юэн убил немало времени в крошечной тьме, меряя шагами расстояние от лампы до лампы, считая шпалы и прислушиваясь к звукам туннелей. С Майклом было во всех смыслах светлее: и не так уныло, и не так темно, потому что он все время просил включить фонарь, не думая о том, что посадит батарейки.

Дорога на Сент-Джордж была недолгой, всего две станции на пути — Бьюкенен-Стрит и Каукедденс. Но для Майкла это было невиданное приключение, ведь он никогда не покидал своего дома на Сент-Инок: порядок предписывал детям оставаться на своих станциях, под строгим надзором родителей. Конечно, в туннелях было гораздо спокойнее, чем наверху, но от беды никто не застрахован. Помимо прочих опасностей, они легко могли заблудиться в темноте и забрести в какой-нибудь заброшенный служебный туннель. Жители метро усвоили этот печальный урок в первые же годы подземной жизни.

Юэн шагал бесшумно: он давно привык ходить в темноте быстро и тихо. Зато Майклу каким-то образом удавалось грохотать, как небольшой армии дикарей-оборванцев. Он так громко топал и так часто падал, что у Юэна заболели уши.

— Ой! — в очередной раз крикнул мальчик, споткнувшись о шпалу. — Пап, ну давай включим фонарь!

Юэн нажал кнопку, и синий луч светодиодного фонаря осветил туннель и рельсы. В этом свете Майкл, растянувшийся на полотне, был похож на привидение. Юэн протянул ему руку и помог подняться.

- Старайся идти по шпалам. Если поймаешь ритм — будешь реже падать.
- Я и стараюсь! Просто у меня ноги короткие.
- Нормальные у тебя ноги.
- Я все время промахиваюсь и бьюсь этой... как ее... щекоткой.
- Щиколоткой, — поправил Юэн. — А ты считай их на ходу, это тебе поможет.
- Попробую.

Они пошли дальше, и Юэн не выключал фонарь, пока они не дошли до первой лампочки.

Этот участок пути всегда был самым спокойным, но теперь, когда рядом шел ребенок, Юэн дергался от каждого звука спереди и сзади. Обычно по пути встречались другие ходоки, но в этот день никто не попался. Одиночество неприятно давило на Юэна, умножая чувство ответственности за мальчика.

- Папа, а вон та лампа светится по-другому! — произнес Майкл.
- Это Бьюкенен-Стрит.
- Ого! Станция? — восторженно завопил мальчишка, который в жизни не видел никаких станций, кроме своей.

- Да.
- У нас есть для них письма?
- Да, есть одно письмо от Розмари.
- Можно, я сам вручу? — Майкл прыгнул от радости и упал. — Ой!
- Не прыгай, тогда и падать не будешь.
- Ладно, но можно, я?
- Валяй, — мужчина улыбнулся в темноте и на ощупь взъерошил сыну волосы.

- Почта! — крикнул Юэн, когда они подошли к станции.
- Заходи, Юэн.

Охранник свесил ноги с края платформы и следил за их приближением.

- Нас сегодня двое.
- Что, взял себе ученика?
- Помощника по особым поручениям.

Майкл выпятил грудь от собственной значимости и безуспешно попытался дойти до конца туннеля, ни разу не упав. Охранник не удержался от улыбки, увидев в свете станционных огней малыша, важно шагающего впереди отца.

- У нас письмо от Розмари для... — Майкл растерянно оглянулся на Юэна, но охранник ответил раньше.

- ...для Вернона. Они переписываются раз в месяц. — Он сложил ладони рупором и проорал на всю станцию: — Верн!

Затем он помог Майклу подняться на свободный край платформы между путями и рядом деревянных лагун. Тем временем из одной лагуны вышел седой человек в синем комбинезоне и направился к ним.

Майкл помчался ему навстречу с письмом, написанным на обрывке коричневой бумаги, оторванном от картонки. Панический страх за сына на секунду уколол Юэна, но он прогнал его прочь. Бьюкенен-Стрит была хорошей станцией, и с людьми, жившими тут, ему было так же уютно, как дома.

- Вам письмо, сэр! — восторженно завопил Майкл.

Благодаря курьерам метро оставалось одним большим сообществом, а не горсткой разрозненных станций. Это была очень уважаемая профессия, хотя и опасная. Курьеров тренировали как солдат и старателей, рыскающих по руинам на поверхности.

— Спасибо, молодой человек, — важно поблагодарил мальчика Вернон, принимая письмо, и подмигнул Юэну. — Весь в отца!

— Надеюсь, — Юэн улыбнулся Вернону в ответ и повел Майкла на другой конец платформы, где горел огонь в большой железной печи, от которой под самый потолок тянулся залатанный дымоход. Три женщины жарили на плите яичницу с грибами, а четвертая склонилась над кастрюлей с грибным чаем, источавшей едкий аромат.

— Ну что, заморим червячка? — предложил Юэн сыну.

— Да!

Курьеров всюду принимали гостеприимно. Испытав это на себе, Майкл впервые понял, что его мир не ограничивается одной станцией.

Яичница и грибы жарились на сале, которое использовалось снова и снова, пока не становилось прогорклым. Но даже тогда оно давало еде приятный привкус, и его аромат казался божественным после туннелей, пропахших сыростью и плесенью. Отец и сын ели, опершись спинами о стену, отполированную за долгие годы сотнями других спин, потом передали пустые тарелки и кружки одной из женщин и снова отправились в темноту.

На этот раз Майкл шел тихо, и после первой лампочки Юэн не удержался и спросил:

— Ты чего затих?

— Ага.

— Я спрашиваю, почему?

— А... Просто стараюсь не упасть и смотрю на тебя.

— Ну смотри...

Они прошли еще немного, и тишину нарушали только прыгающие шаги Майкла. Юэн по привычке ступал, не издавая ни звука, как вдруг его посетила неожиданная мысль.

— А как ты видишь меня в темноте?

— Вообще-то, никак, — ответил мальчик очень серьезно. — Но если я вот так поверну голову и посмотрю краешком глаза, то вижу твой... этот... Твою тень в темноте.

— Силуэт.

— Да!

— Это называется боковое зрение.

— Бочковое зрение, — прилежно повторил Майкл, запоминая.

— Бо-ко-во-е!

— Бо-ко-во-е... Боковое?

— Да.

На Каукедденс было темно. Эта станция всегда чем-то напрягала Юэна, и ему совсем не улыбалось обнаружить ее в темноте, когда рядом с ним шагал его маленький сын. Почтальоны миновали последнюю туннельную лампочку перед станцией, и Юэн задумчиво снял с плеча автомат, взяв его наизготовку.

— Пап? — Голос мальчика неуверенно дрогнул.

— Тихо! Встань сзади. Тут что-то не так.

Майкл зашел за спину Юэну и взялся за полу его плаща, чтобы случайно не потрепать отца в темноте. Юэн медленно пошел вперед, пытаясь различить хоть какие-то звуки, кроме шума, производимого мальчиком. Сердце колотилось, как бешеное, от тревоги за сына.

— Все в порядке, Майкл, не бойся, — прошептал он.

— Я знаю, пап. Ты же рядом.

От этих слов Юэн чуть не споткнулся, но тут же опомнился и снова вперил взгляд во мрак впереди. Темень была непроглядной и давящей; мальчику вдруг захотелось домой.

Юэн резко остановился, и Майкл по инерции уткнулся ему в спину.

Со стороны платформы слышался странный свистящий шепот, такой тихий, что слов не разобрать. Майкл придвинулся как можно ближе к отцу, а Юэн присел на одно колено, прижал к стволу автомата фонарь, но не включил его, а направил в черноту туннеля перед собой. Так они и ждали, а шепот впереди продолжался, наводя дурманный морок, как мантра гипнотизера. Он нарастал и усиливался, будто говорил уже не один голос, а много. И тут впереди промелькнула тень, а потом что-то с гулким звуком стукнулось о рельсы. Майкл закричал от ужаса.

Яркий, режущий луч пронзил темноту. Юэн сощурился, пытаясь разглядеть хоть что-то за слепящим светом, а Майкл, зажмурив глаза и поскуливая от страха, вытащил из кармана перочинный нож и размахивал им в сторону невидимого врага.

— Курьер? — раздался сиплый, напряженный голос.

— Он самый. — Голос Юэна был ничуть не лучше, и он откашлялся, чтобы прочистить горло. — Это я, Юэн.

С той стороны помолчали, и свистящий шепот раздался снова. Юэн понял, что это часовой шепчется с кем-то на платформе.

— Кто там с тобой?

— Мой сын.

— Не маловат он шататься по туннелям?

Юэн не двигался с места и по-прежнему стоял на одном колене, направив ствол автомата на свет.

— В нашем деле надо начинать сызмала. — Тут Юэн приврал, но ничего лучше с ходу придумать не смог.

— Положите-ка оружие, братцы.

— Сначала сами покажитесь, — ответил Юэн, не пошевелившись.

— И то верно. Сейчас, погодь.

Луч прожектора поднялся вверх, осветив дугой потолок туннеля и четырех людей, стоящих под ним. Юэн узнал их лица и немного расслабился.

И все-таки что-то здесь было не так.

— Чего в темноте сидите?

Четверо со станции вдруг стушевались, и их понурый вид сразу напомнил Юэну, за что он так не любил эту станцию: местные жители были ленивы, затягивали любую работу и, тем самым, наживали себе массу проблем.

— Да кабель от генератора вчера перегорел...

— Я же, кажется, в том месяце принес вам новый, — невозмутимо напомнил Юэн. Люди со станции переглянулись: видимо, никому не хотелось отвечать.

— Ну да... — протянул первый часовой.

— И что, он уже тоже накрылся? — удивленно спросил Юэн и медленно поднялся, но автомат не опустил.

— Да нет, все в порядке. Ребята уже чинят.

Теперь Юэну все стало ясно: обычное разгильдяйство снова завело обитателей Каукедденс в беду. Краем глаза он заметил, как сбоку что-то блеснуло, и повернулся к Майклу, который все еще сжимал ножик. Его охватила гордость за сына.

— Молодец, Майкл! Убери нож.

Мальчик сложил лезвие и убрал руку в карман, но и там не расставался с ножом, а держал его в кулаке, на всякий случай.

— Сегодня просто проходим мимо, — сказал Юэн часовым.

— А, ну ладно...

Они слегка расстроились: так всегда бывало, когда Юэн никому не оставлял писем. Все подземные жители изголодались по новостям с других станций, и малейшее известие пожиралось с жадностью и обсасывалось до косточек.

— За станцией-то свет есть? — спросил Юэн.

— Да, это только у нас темнота.

— И на том спасибо! — Юэн двинулся по рельсам вперед. Теперь, когда напряжение спало и они вышли на станцию, Майкл смог, наконец, приглядеться к часовым и к платформе. Грязные, неумытые люди в старой и изношенной одежде — никакого сравнения с жителями Сент-Инока. Их усталые глаза горели от голода, и от этих взглядов Майклу стало очень неуютно. Он заметил, что на платформе не было деревянных хижин, как у них или на Бьюкенен-Стрит. Вместо них торчали лишь навесы из грязных тряпок и прохудившиеся палатки. Детей он не видел, хотя где-то далеко слышался тонкий плач. В некоторых палатках горели свечи и обстановка была, как у него дома, вот только никакого уюта она почему-то не внушала.

У противоположного конца платформы они миновали еще троих часовых, которые молча проводили почтальонов взглядами, и дальше снова начался туннель. К своему удивлению, Майкл был рад вернуться в затхлую и тесную темноту.

— А у нас дома свет никогда не гаснет. Правда, пап? — голос Майкла звенел слишком громко, и Юэн обернулся проверить, насколько далеко они отошли от станции.

— Гаснет, малыш, когда мы чиним проводку.

— Я ни разу не видел, — упрямо произнес Майкл.

Мальчик был уверен, что, если он чего-то не видел, того и не существует.

— Мы это делаем, когда все спят, чтобы никому не мешать.

— О, вот это мудро!

— Обычная логика, Майк.

— А почему на той станции так не делают?

Юэн остановился и задумался, подбирая слова.

— Люди не всегда делают то, что лучше для них.

— Это как? — озадачился Майкл.

Юэн хотел привести пример, который сам слышал от отца, но вдруг понял, что ни у Майкла, ни у других детей подземки никогда в жизни не было шанса объесться конфетами.

— Ну вот представь: тебе давно пора спать, а ты не ложишься. Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно! — улыбнулся мальчик.

— Так, а потом, когда мама тебя разбудит?

— Ну, плохо, хочется еще поспать.

— А теперь представь, что так поступает целая станция.

— Не ложатся вовремя?

— Не делают то, что нужно: не высыпаются, как следует, не запасают еды для всех, не меняют испорченный кабель, пока он не перегорит.

— Это не очень умно, правда?

— Да, малыш, совсем не умно...

Сент-Джордж-Кросс была заселена с соседних станций в первые годы после войны, но не имела своего выхода на поверхность: прямо над ней обрушилось здание, перекрыв все пути туда и обратно. Однако освещение здесь было отлажено лучше, чем на других станциях; по сравнению с ними, Сент-Джордж-Кросс просто купалась в свете. Часовой на подходе издали заметил Юэна и Майкла и радостно их поприветствовал:

— Здорово, Юэн!

— Привет, мужики!

Напряжение в один миг покинуло Юэна, как будто гора упала с плеч.

— Твой сынишка? — спросил часовой.

— Да, его зовут Майкл.

— Привет, Майкл! Добро пожаловать на нашу станцию!

Часовой говорил ласково и приветливо, и Майкл удивился тому, какими разными могут быть люди, живущие по соседству.

— Проходите, скоро будем обедать.

Они вышли на платформу, по которой деловито сновали местные. На том конце небольшая группа детей обучалась боевым искусствам. Инструкторша ходила среди них и поправляла им технику. Заметив Юэна, она помахала ему как старому знакомому и снова занялась детьми.

Общая кухня располагалась в бывшей подсобке. Стену, которая когда-то отделяла ее от платформы, давно разобрали. У одной стены стояли большая железная печь, открытый очаг, ряды столов и шкафы. В углу гудела морозилка — диковинная вещь, во всем Метро их было две или три.

— Как здесь хорошо! — сказал Майкл, озираясь вокруг.

— Да, мне тоже нравится.

— У нас есть для них письма?

— А как же. И письма, и посылки.

— Больше, чем для остальных станций?

— Им всегда пишут больше, — объяснил Юэн. — Тут делают виски.

С тех пор как Юэн стал отцом, он почти не пил спиртного, но Майкл знал, что мать прячет бутылку под кроватью. Иногда она к ней прикладывалась, и мальчику совсем не нравилось, как от нее пахло после этого и как она себя вела.

— И что, много покупают? — спросил он.

— Много. Так много, что они даже небольшой поезд себе завели.

— Я его видел! Он проезжал мимо нашей станции! — восторженно закричал мальчишка, но его внимание тут же переключилось на кухню, где мужчина и женщина, стоящие у плиты, раскладывали по тарелкам мясное рагу с грибами.

Юэн и Майкл взяли свои тарелки и сели за стол. Они ели, наблюдая за тем, как тренируются дети.

— Я тоже тут учился, — сказал Юэн.

Майкл знал это и кивнул.

Когда война нанесла последний удар, взаперти на Сент-Джордж-Кросс оказалась группа солдат в увольнительной. Их выдержка и авторитет помогли быстро восстановить порядок на станции. Именно они готовили дозорных, охранявших и обходивших туннели, курьеров и старателей, добывавших припасы в городе.

Со всех станций на Сент-Джордж-Кросс присылали подростков, чтобы их обучали военному мастерству в обмен на полезные товары. Первыми стали Юэн и несколько его ровесников, вскоре после заселения подземки, с тех пор так и повелось.

— Ты сюда тоже приедешь, лет через пять, — сказал Юэн сыну.

Майкл обиженно выпятил губу.

— Да ну... Ты же сам меня всему научишь.

Юэн действительно старался учить детей сам, по мере сил и возможностей.

— Если хочешь стать курьером — иначе никак.

Майкл задумчиво кивнул, отправил в рот полную ложку рагу и тут же заговорил снова.

— А можно...

— Майкл, не говори с полным ртом.

Мальчик проглотил пищу.

— А можно сейчас тут остаться?

— Нет, нельзя. Сейчас мы доедим и отправимся домой.

— Ну-у-у...

— Ты что, хочешь остаться тут один?

Майкл рассмотрел эту возможность и отчаянно замотал головой.

— Я так и думал, — ухмыльнулся Юэн.

Поев, они передали почту начальнику станции. На Сент-Джордж-Кросс была военная дисциплина, и начальник сам передавал письма по назначению.

— Пора домой, — сказал Юэн и повел сына обратно к туннелю, по которому они пришли.

— Юэн, погоди!

Майкл обернулся и увидел, что к ним подходит худая женщина с длинными темными-рыжими волосами, в куртке цвета хаки.

— Аня? — сказал Юэн.

— Привет! Извини, не сразу тебя заметила.

Щеки у нее покраснелись, и она прижала ладонь к груди, делая вид, будто это от бега. Майкл смерил ее неодобрительным взглядом и принялся чистить подошвы о платформу.

— Перестань! — одернул его отец.

— Не хотите составить мне компанию? — спросила Аня, махнув рукой в сторону противоположного пути.

— Да, с удовольствием!

Майкл изумленно уставился на отца: ему было непонятно, откуда вдруг столько радости.

— Мы поедem на поезде, Майкл!

Вот теперь все стало ясно, и Майкл запрыгал от радости. Аня протянула ему руку, и мальчик, покосившись на отца, взялся за нее, а потом они все вместе пошли ко второму пути.

Метро в Глазго состояло из одной кольцевой линии, и с недавних пор один из двух путей был закрыт для ходоков: Аня и ее двоюродный брат установили работающий двигатель на дрезину, зачистили рельсы от препятствий и стали совершать рейсы по этому пути.

Двигатель был добыт на поверхности. За несколько лет, методом проб и ошибок, его удалось переделать так, чтобы он питался от водородных топливных элементов, спрятанных под днище. Дрезина ехала медленно, часто ломалась, зато могла перевозить крупные грузы и пассажиров с одной станции на другую.

Зрелище было так себе: двигатель громоздился впереди, закрепленный двумя скобами, припаянными к бортам. За ним, в два ряда лицом друг к другу, были установлены четыре сиденья. Рукоятка, которая раньше приводила дрезину в движение, осталась на месте: она могла пригодиться, если двигатель выходил из строя. Сзади к этому странному агрегату цеплялась небольшая вагонетка, в данный момент нагруженная деревянными ящиками.

— Садитесь, — сказала Аня. — Только оставьте мне правое сиденье, лицом вперед.

Майкл бросился к дрезине и прыгнул в левое сиденье рядом с Аниным, ерзая от нетерпения. Все его друзья мечтали прокатиться на этом поезде, и теперь они лопнут от зависти, когда он вернется домой королем, осуществив их общую мечту. Работа отца часто приносила мальчику неожиданные дивиденды: он получал такие подарки и сладости, о которых другие дети могли только мечтать. Впрочем, в пользу его характера надо отметить, что он делился с друзьями — во всяком случае, чаще всего.

Юэн залез на дрезину и сел напротив Майкла, положив рюкзак между ними.

— Ничего не видно! — возмутился сын.

— Чего тебе не видно?

— Не видно, куда мы едем! Ты все загородил!

— Ну и что? Там все равно темно.

Наконец появилась Аня, села на свое место рядом с мальчиком и подмигнула Юэну, который этого словно не заметил. Она заметно огорчилась и тут же занялась двигателем. Ключа зажигания не было: женщина щелкнула переключателем, который впрыскивал водород из топливных элементов в двигатель, потом оживила два аккумулятора. Затем приоткрыла клапан, выпускающий в двигатель этанол, и, нервно улыбнувшись, нажала большую зеленую кнопку с надписью «СТАРТ».

Сначала ничего не происходило, и Юэн подумал, что придется им до самого Сент-Инока гнать дрезину по старинке, руками, но потом движок закашлял, затарахтел, и Аня довольно выпрямилась.

— Хочешь порулить? — спросила она у Майкла.

Глаза у мальчика стали как два блюдца, а улыбка почти дотянулась до ушей. Между Аней и Майклом, из дыры в полу, торчал рычаг, а рядом, из другой дыры, — ме-

таллическая педаль сцепления. Нажав на педаль, Аня рукой Майкла переключила рычаг на первую скорость. Потом медленно отпустила сцепление, и маленький поезд, накренившись, поехал вперед.

Вопль радости отразился от потолка станции и стен туннеля, и не один человек на платформе встревоженно обернулся, прежде чем понял, что это Майкл кричал от счастья. Кто-то улыбнулся его детской непосредственности, кто-то неодобрительно покачал головой и вернулся к своим делам.

Когда их со всех сторон окутала тьма и стук мотора в тесном пространстве туннеля стал казаться оглушительно громким, Аня нажала еще один переключатель, и фара, закрепленная под движком, осветила рельсы перед ними.

Туннели всегда казались пыльными, хотя Майкл знал, что это не пыль, а грязь, за много лет намертво въевшаяся в стены и в рельсы. Ехать на дрезине ему нравилось гораздо больше, чем топтать по этой грязи пешком. В глубине души он боялся, что сам станет курьером и будет обязан путешествовать тут в темноте.

— Пап, а как ты думаешь, когда я вырасту, таких поездов будет больше?

— Не знаю, Майк. Разве что Аня еще смастерит... — Он посмотрел на рыжую женщину, и та пожала плечами.

— Я могу помочь! — восторженно крикнул Майкл.

— Тогда зубри химию, механику и металлургию, — с улыбкой обнадежила его Аня.

— Я даже не знаю что все это такое!

— Ну не волнуйся, без работы не останешься, — с издевкой сказал Юэн, и мальчик в ответ показал ему язык.

Вблизи Каукедденса Аня притормозила.

— Берегись! — громко крикнула она, хотя Юэн посчитал лишней эту предосторожность: шум мотора слышался издалека и все, кто хотел, давно ушли с рельсов.

Дрезина проехала мимо станции на черепашьей скорости, и Майкл снова обратил внимание, как жалко и потрепанно выглядят ее обитатели. Но вскоре все они остались позади, и теперь всего один перегон отделял дрезину от Бьюкенен-Стрит. Однако Аня не прибавила скорости, и они продолжали ехать так же медленно, как и на станции.

— Почему мы так медленно едем? — заволновался Майкл: теперь ему казалось, что пешком они с отцом шли быстрее.

— Здесь рельсы не очень хорошие, — объяснила женщина, сама же украдкой посмотрела на Юэна, который вглядывался в темноту перед ними. Майкл понял, что ей хотелось подольше побыть с отцом. Что ж, ничего удивительного: он нравился всем, кроме мамы.

Сытный обед и медленное покачивание дрезины сделали свое дело: мальчика потянуло в сон. Он изо всех сил боролся, протирал кулаками свинцовые веки и душераздирающе зевал, но не собирался упустить ни секунды их путешествия.

Вдруг двигатель захрипел, закашлялся и заглох. Свет фары стал тусклее: генератор тока перестал работать, и нагрузку взяли на себя аккумуляторы. Только что они ехали со страшным шумом, но теперь их со всех сторон обволокла тяжелая, удушающая тишина, и Майкл инстинктивно сжался в комок, боясь пошевелиться. Юэн дернул его за нос, чтобы слегка взбодрить, и улыбнулся Ане.

— Доездились?

Та фыркнула, поставила дрезину на ручник и соскочила на рельсы. Мужчина сел на ее место и посветил фонариком под днище. Аня проворно нырнула под дрезину и стала рыться в мудреной электрике.

— Бывает, где-то провод перегнется или контакт расшатается... — слышался снизу ее голос. Затем показалась рыжая голова и, посмотрев на Юэна, сказала:

— Выключи фару, не сажай аккумулятор.

Почтальон щелкнул переключателем, и луч света погас, погрузив туннель во мрак, который от тусклого света фонарика казался еще гуще.

— Па-ап? — дрожащим голосом позвал Майкл.

— Все в порядке, не бойся, — сказал Юэн, обнимая сына. — Посиди здесь, а я помогу Ане.

Он слез с дрезины и присел посмотреть, чем занята рыжая. Майкл тоже попытался заглянуть под днище, выгнувшись через папину голову, но следить за ремонтом быстро надоело, и он стал разглядывать темные стены туннеля. Мальчик подумал, что, если долго-долго смотреть в темноту, научишься видеть без света, и решил попробовать, уставившись вперед, куда не доставал луч папиного фонаря. Он смотрел и смотрел, напрягая зрение, и вдруг впереди мелькнули два зеленых огонька.

Сначала Майкл подумал, что ему показалось. Он поморгал — и огоньки действительно исчезли. Потом появились снова. Мальчик подался вперед, вцепившись в неостывший двигатель. Огоньки моргнули, и Майкла окатило волной тошнотворного страха: он понял, что это глаза.

— Пап... — сдавленно прошептал он.

Отец не слышал его, наполовину скрывшись под дрезиной, а в это время глаза приблизились. Майкл не мог понять, насколько они близко. До него вдруг дошло, что они могут быть далеко, и тогда это очень большие глаза.

— Папа...

Голос его осип от страха, но на этот раз Юэн услышал, выпрямился и машинально взял из-под сиденья автомат.

— Что такое, Майк?

Майкл обернулся к отцу, который внимательно всматривался назад, откуда они приехали. Он подергал отца за рукав и показал пальцем на зеленые огоньки. Потом, сообразив, что в темноте это бессмысленно, сказал:

— В другую сторону.

Юэн обернулся и сразу же увидел глаза. Он щелчком снял предохранитель с автомата и легонько пнул Аню. Затем, переступив через нее, медленно пошел вперед.

— Пап, не бросай меня! — в ужасе зашептал Майкл, и сердце Юэна замерло.

— Я тебя не бросаю, Майк. Но надо посмотреть, что там такое. Побудь пока с Аней, я скоро вернусь.

В руках женщины невесть откуда взялся дробовик. Она уселась в дрезину рядом с Майклом, который достал из кармана перочинный нож и раскрыл лезвие, но все равно не чувствовал себя спокойнее.

— Черт, вот я дура... — вдруг пробормотала Аня. — Юэн, свет!

Она включила фару, и в потоке света они увидели Юэна, прижавшегося к стене и выставившего вперед автомат. А прямо перед ними, на рельсах, стоял рыжий кот, растерянно моргая от слепящего света и панически прижав уши к черепу. Юэн бросился

к нему, схватил за шкуру и засунул за пазуху.

— Только не бей его! — закричал Майкл.

Весь его страх куда-то улетучился, уступив место восторгу от встречи с давним товарищем человека по безрадостной подземной жизни.

— Вот еще, бить... Наверное, он заблудился.

Юэн вернулся к дрезине, и Аня, выдохнув с облегчением, приготовилась снова лезть под днище.

— Я как раз нашла, в чем проблема, — сказала она, присев на одно колено.

Внезапно кот вздыбился, выпустил когти и испустил пронзительный воинственный-испуганный клич. И в ту же секунду жилистое тело размером с небольшую собаку вырвалось из канализационного туннеля неподалеку, пружинисто оттолкнулось от плеча Ани и приземлилось на дрезине, прямо напротив Майкла. Мальчик с визгом попятился и упал на пол, отчаянно отбрыкиваясь от огромной крысы, верхняя часть тела которой была покрыта чешуйчатой броней.

— Твою мать! — крикнул Юэн, только больше напугав мальчика: дома отец никогда не ругался.

Охваченный паникой кот вцепился когтями Юэну в лицо, как будто только в этом было его спасение, и мужчина никак не мог его скинуть, чтобы прийти на помощь сыну. В это время с другой стороны на дрезину прыгнула вторая крыса, но Аня успела перехватить ее на лету. Юэн узнал этих тварей: он уже встречал их в туннелях — нападать на взрослых людей они боялись, а от станций, где жили дети, их приходилось все время отгонять.

Теперь же Майкл остался один на один с врагом. Остроконечная морда буравила его злыми красными глазами, пасть ощерилась тремя рядами клыков, загнутых внутрь. Чешуя начиналась с морды и покрывала передние лапы с хорошо развитыми хватательными пальцами. Эти пальцы цапнули Майкла за ногу, и мальчик почувствовал на себе крепкую когтистую хватку. Крыса прилично весила для своих небольших размеров, и мальчик понял, что не вырвется. От ужаса он сделал единственное, что могло остановить хищника, — воткнул ему в шею перочинный нож.

Крыса завизжала, схватилась за нож своей жуткой лапой, выдернула его из шеи и уставилась на Майкла бешеными глазами. И тут раздался оглушительный грохот, раскатом прокатившийся по туннелю и угасший далеко вдали. Крыса отлетела прочь, в темноту, вместе с эхом, и Майкл, обернувшись, увидел сбоку от себя дымящийся ствол автомата. Отец стоял рядом, а в двух метрах от них побледневшая Аня крепко держала за хвост вторую извивающуюся тварь.

— Я же сказал, что не брошу тебя, — произнес Юэн, не сводя глаз с лежащей на рельсах крысы.

Майкл облегченно посмотрел на отца, но тут же чуть не завопил от ужаса: куртка на груди Юэна зашевелилась, как будто что-то рвалось наружу из его тела.

В узкую щель между застегнутыми пуговицами просунулась кошачья морда и издала обиженное «мяу».

— Чертов кот! — сказал Юэн.

Майкл покатился со смеху.

Глава 17

ЛОНДОН

Только когда поезд остановился на севере Лондона, на бывшем вокзале Сент-Панкрас, полковник Мейзерс решил побеспокоить Юэна и Кейтлин и открыл дверь купе. Глаза девушки блеснули в темноте на манер кошачьих, и у полковника волосы встали дыбом, но длилось это всего какие-то доли секунды. Кейтлин моргнула, зевнула, гибко потянулась и снова посмотрела на военного. На этот раз, в свете, падавшем из коридора, ее глаза показались ему совершенно обычными.

— Приехали? — спросила девушка сонным голосом.

— Да.

Она встала с сиденья и потрясла Юэна за плечо.

— Я не сплю, — сказал тот и сел, протирая глаза.

— Пора, — заявил полковник. — На случай, если больше не свидимся, желаю вам обоим удачи!

— Спасибо. И вам того же, — ответил Юэн.

Кейтлин просто вежливо кивнула, и Мейзерс скрылся за дверью.

Из темного вагона они вышли под крышу здания, подобных которым Юэн не видел никогда. Вокзал пережил войну практически без разрушений, хотя многие соседние дома сгорели дотла: видимо, какая-то счастливая судьба хранила его.

Юэн и Кейтлин стояли под огромным сводом из металлических перекладин, уходящих далеко ввысь. Почтальон никогда еще не был в таком большом помещении. Он не мог даже разглядеть потолок: мешали клубы дыма из паровозной трубы. Юэн не знал, что стекла на крыше почти не осталось; дырки были залатаны кусками пластмассы, досками и всем, что под руку подвернулось. Но сам факт того, что крыша устояла, поражал воображение.

На станции был только один железнодорожный путь, на котором и стоял их поезд. Остальное пространство было заполнено грузовыми контейнерами, превращенными в офисы и служебные помещения. Между ними висели довольно ненадежного вида шаткие мостки, сделанные явно наспех и небрежной рукой.

В помещении не хватало света. Кое-где горели костры в бочках, коптили лампы, мелькали даже редкие электрические лампочки, но в целом станция была погружена во мрак.

Вокруг с озабоченным видом ходили люди, одни — в серой военной форме, другие — в старой заплатанной гражданской одежде и с красными лентами на рукавах. По их затравленному виду и покорному выражению лиц Юэн догадался, что это рабы.

Вслед за Кейтлин он пошел по проходам между ржавыми контейнерами прямо в небольшой кабинет, где девушку попросили предъявить документы и поручиться за благонадежность своего спутника, пока тот не найдет работы. До него вдруг дошло, что цель его долгого и трудного путешествия достигнута... Но теперь, дойдя до Лондона, он окончательно растерялся.

По количеству людей, снующих вокруг, сразу становилось понятно, что лондонские туннели спасли гораздо больше жизней, чем туннели в Глазго, и что даже в раз-

рушенной столице нашлось достаточно ресурсов, чтобы за короткое время отстроить подобие цивилизации.

— Не пялся по сторонам, — тихо сказала Кейтлин за его спиной. — Тут повсюду бандиты, открыта охота на новичков. Не стоит привлекать к себе внимания.

— Я и не думал, что тут такие просторы...

— Это вокзал, армейский перевалочный пункт. А под землей люди живут в таких же станциях, как и в твоём Глазго.

— Зато тут больше людей. Ну и куда нам идти?

— Под землю, и как можно быстрее. Я хочу отвести тебя в безопасное место.

— Кейтлин, мне надо отыскать своих.

— Ну, отыщешь ты их, и дальше что? Как вы отсюда выберетесь? Как ты собираешься их спасти?

Юэн остолбенел: он действительно не гадал так далеко. Так торопился найти семью, что не продумал последовательность дальнейших действий.

— Не знаю. Я как-то не думал...

— Зато я подумала, в поезде, — сказала девушка. — Я почему-то так и знала, что у тебя голова другим занята. У меня есть план на тот случай, если тебе удастся их найти, но тут нужна подготовка. Для начала встретимся в туннелях с моими друзьями. Я устрою так, что нас доставят до Оквуда по линии Пикадилли.

Юэн кивнул, не вполне представляя себе масштабы лондонской Подземки.

— Это в одиннадцати станциях к северу отсюда, зато там можно будет спокойно выйти на поверхность, если только доберемся.

Девушка провела Юэна через широкий вестибюль с низким потолком и вниз, по небольшой лестнице. Под землей пространство было поделено занавесками, за которыми спали люди. Пахло грязью, потом и страхом, и Юэна замутило. Из каждого угла веяло давящей безнадегой. Удивительно было, как вообще люди мирились с таким существованием.

Ощущение простора, охватившее мужчину на вокзале, под землей бесследно улетучилось. До войны здесь работала отлаженная система вентиляции, теперь же воздух двигался только за счет естественной конвекции: теплый воздух от туннелей и людского дыхания поднимался, а холодный, с поверхности, опускался.

Откуда-то снизу тянуло запахом кухни — огня, дыма и вареной еды. Смешиваясь с кислым запахом пота, он превращался в мерзкую вонь, от которой не было спасения нигде.

Кейтлин легонько толкнула Юэна в сторону, к занавескам, чтобы освободить проход группе солдат в серых мундирах. Солдаты были хорошо вооружены и не обращали внимания на окружающих, если те по глупости не загораживали им путь. Когда они исчезли за поворотом, Кейтлин повела Юэна дальше по плохо освещенным, запыленным коридорам и туннелям, мимо бывших служебных помещений и кладовых.

Навстречу им раб толкал тележку, на которой лежало тело другого раба. Сзади шел вооруженный конвоир. Кейтлин прижалась к стене, у самого выключателя, пропуская их. Юэн встал рядом, с любопытством наблюдая за рабом и конвоиром.

— Баба сдохла, — поделился с ними новостью конвоир, рассудив по их одежде, что перед ним не солдаты и не рабы, а гости столицы или свободные граждане.

Когда тележка поравнялась с ними, Юэн издал шипящий, клокочущий звук, как будто предсмертный хрип, застрявший в горле. Он шагнул вперед и вцепился в тележку дрожащими руками.

— Ты чего, дохлых шлюх не видел? Отойди с дороги, — сказал конвоир.

— Джулия! — страшно прохрипел Юэн и взялся ладонями за лицо мертвой женщины.

Кейтлин почувствовала, как складываются детали китайской головоломки. Она посмотрела на солдата, и время словно затормозилось, и каждое движение было отмечено ударом ее сердца.

— А ну пошел на хер с дороги! — прикрикнул конвоир. — Мне насрать, что она умела трахаться: теперь она сдохла.

Он начал обходить тележку; в это время раб в ужасе посмотрел на Кейтлин и дал деру. Солдат оттолкнул Юэна к стене.

— Ты чего творишь, а? Из-за тебя раб убежал! Ну и кто теперь будет толкать эту падаль?

— Это моя жена, — произнес Юэн, глядя на мертвое тело пустыми глазами. — Моя Джулия.

Солдат посмотрел на труп, потом опять на Юэна — и засмеялся.

— Что, лучше шлюхи не нашел? А эта как же? — спросил он, ткнув пальцем в Кейтлин.

Юэн отпихнул солдата, и тот выхватил из кобуры пистолет. Ни секунды не раздумывая, он нажал на спусковой крючок и непременно убил бы почтальона, если бы Кейтлин не ударила его по руке рюкзаком. Пуля ушла в сторону, но грохот выстрела в тесном коридоре был оглушительно громок, и из туннелей с разных сторон послышались крики.

Что-то в Юэне сломалось. Позже он не мог вспомнить, как именно все случилось. Впрочем, от кого-то он слышал, что в каждом из нас живет тьма, жаждущая крови и разрушений, но, как правило, человек способен ее обуздать, и так, создавая равновесие тьмы и света, мы и проходим по кругу бытия.

Юэн моргнул, и когда глаза его открылись, в них не было ничего человеческого — лишь чистое безумие сияло холодным яростным блеском. Лицо мужчины напугало Кейтлин, но еще больше напугала скорость и безжалостность его движений.

Казалось, клинки с криком разрезали воздух, вылетая из ножен. Мгновенно оказавшись в его руках, они прочертили несколько каллиграфически тонких линий на теле солдата. Первый удар пришелся на руку, перерезал бицепс и раздробил локоть. Но солдат не успел прокричать от боли, потому что второе лезвие перечеркнуло ему

горло. От силы удара конвоир отлетел назад и упал на спину, уже мертвым: от шока сердце остановилось. На лице его так и застыло брезгливое презрение.

Юэн повернулся к Кейтлин, и по его бешеным, пустым глазам она поняла, что мужчина не узнает ее. Смертоносные клинки зловеще блестели в его руках. Не теряя ни мгновения, Кейтлин щелкнула выключателем на стене, и свет в коридоре погас. Пользуясь выигранными секундами, она нырнула за ближайшую занавеску и чуть не упала на испуганную женщину, прижавшую к груди ребенка.

С той стороны раздался грохот тяжелых сапог, лязг оружия и крики: «Сюда! Он здесь!» Кейтлин нащупала холодную металлическую ручку фонаря и, собравшись с духом, шагнула в коридор. Юэн стоял к ней спиной, повернувшись в сторону приближающихся шагов. Она размахнулась и изо всех сил обрушила фонарь ему на затылок.

Фонарь издал глухой стук, и рука Кейтлин неприятно загудела. Силой удара Юэна развернуло, он удивленно выпучил на девушку глаза и свалился на пол без сознания.

Тяжело дыша, Кейтлин стояла в темноте, пока из-за угла не показались солдаты. Их подствольные фонари осветили кровавую сцену: рядом с трупом их сослуживца и бесчувственным телом нападавшего стояла девочка-подросток, каким-то чудом отбившаяся от верной смерти.

Один солдат включил свет в коридоре, другой проверил пульс у Юэна и убитого конвоира. На тело Джулии никто даже не глянул. Занавеска за спиной Кейтлин робко отдернулась, и на свет выглянула перепуганная мать с ребенком.

— Она спасла мне жизнь, — дрожащим голосом сказала женщина, указывая на Кейтлин.

* * *

Вскоре после солдат явился полковник Мейзерс. Бросив один лишь взгляд на дрожащую Кейтлин, он отвел ее в сторону. Девушка рассказала ему, что случилось.

— Его будут судить, — сказал полковник, сперва убедившись, что солдаты с Юэном общаются по-человечески.

Это Кейтлин и сама понимала.

— Ты осознаешь, что твоего друга, несомненно, признают виновным и отправят на виселицу?

— Да, — ответила Кейтлин: она успела наглядеться на то, как вершит дела подземное правосудие.

— Я вряд ли смогу помочь, но попытаюсь. До утра его продержат в камере наверху. Как только вынесут приговор — вытащат на поверхность, там и вздернут. — Мейзерс пригнулся и пристально посмотрел Кейтлин в глаза. — В три часа ночи охранникам приносят напитки. Девушки, которые это делают, вне подозрений.

На короткое мгновение он задержал взгляд на Кейтлин, как будто помогая ей усвоить смысл этих слов, затем выпрямился и громко произнес:

— Спасибо за помощь, мисс. Эй, вы, там! Только не переусердствуйте, доставьте его целым и невредимым. Я хочу, чтобы завтра он хорошо понимал, что с ним происходит.

Полковник повел солдат из туннеля, грозно приказав собравшимся зевакам немедленно разойтись по своим углам.

Откуда-то возникли четыре раба с ведрами горячей воды и швабрами. Женщина, которая вышла поблагодарить Кейтлин, откашлялась, привлекая ее внимание.

— Девочка, у тебя все в порядке? — заботливо спросила она.

— Не совсем, — отозвалась Кейтлин.

Четыре раба развернули грязное одеяло и накрыли им тело убитого солдата.

— Ты его знала? — спросила женщина.

— Он мой друг, — рассеянно ответила Кейтлин, размышляя над словами полковника.

— То есть, он *был* твоим другом? — сочувственно поправила женщина.

— Пока еще им и остался, — удивленно сказала Кейтлин, и только тут поняла, что женщина имеет в виду конвоира. Та тоже поняла свою ошибку и вытаращила глаза.

— То есть, ты ударила моим фонарем своего друга?

— Именно так.

— Зачем же ты это сделала?

— Чтобы его не застрелили, — машинально ответила девушка, все еще пытаюсь проникнуть в смысл сказанного полковником.

— А... — сказала женщина не без сарказма. — Отлично ты придумала, просто замечательно. И впрямь, теперь беднягу не застрелят. Его повесят.

— Может быть, — немного рассеянно откликнулась Кейтлин, голова которой сейчас была занята иным. Но от женщины оказалось не так-то легко отвязаться.

— Он, кажется, говорил, что знает покойницу?

— Она была матерью его детей.

Один из рабов оторвался от швабры, которой он вытирал кровь на полу.

— Гвен и Майкл! Я их знаю, — сказал он. — Жалко ребят: завтра станут крутыми сиротами.

Сокрушенно покачав головой, он заметил что-то на полу и нагнулся, чтобы подобрать это.

— Вы знаете, где они сейчас? — спросила Кейтлин, почувствовав внезапный прилив надежды.

— Ну конечно, знаю. Они в лагере у поверхности, в боковых комнатах, вместе со всеми. Он выпрямился, озадаченно разглядывая что-то в своей руке.

— Там ведь ужасно... — сказала девушка. — Всегда холодно, сыро, радиация проникает...

— Не говорите, мисс! Чистый ад! Совсем не место для детей.

Раб замолчал и протянул амулет, который подарила Юэну Цура, — маленькое се-ребряное колесо.

— Это ваше, мисс? — с плохо скрываемым любопытством спросил он.

— Нет, это амулет моего друга.

— Очень интересно, мисс.

Он переглянулся с другими рабами. Те побросали работу и тоже уставились на Кейтлин.

— Что там? — спросила женщина за ее спиной.

— Посмотри, Элис, — сказал мужчина, и амулет ярко заиграл под светом лампы.

— Ого... У него знак... — пробормотала та.

— Который понятно что означает.

— Не всем понятно, — сказала Кейтлин. — По крайней мере, мне. Объясните, пожалуйста.

— Мы должны помочь ему, если сможем, — ответила Элис.

— Почему?

Кейтлин не понимала, зачем рабам помогать незнакомому человеку: их жизнь и без того была горька, а такое благородство принесет лишь новые огорчения.

— Потому что раньше, мисс, пока нас не угнали сюда, мы были цыганами, — объяснил мужчина, нашедший амулет. Он положил серебряное колесо на ладонь и любовно погладил большим пальцем. — Мы застряли здесь крепко, но его постараемся вытащить, раз такое дело.

— Что же это за амулет? — спросила Кейтлин и подошла поближе, чтобы как следует его рассмотреть.

— Он означает, что женщина по имени Цура, которая помогла очень многим из наших, просит помочь этому человеку и считать это личной услугой ей. Надо только придумать, как вытащить его из камеры.

Кейтлин поняла, что детали головоломки продолжают складываться. И, может быть, в дне шкатулки действительно скрывалась надежда.

* * *

Элис долго вела Кейтлин по лабиринтам подземных переходов, пока они не вынырнули на поверхность в задней части огромного купола Сент-Панкраса. Дети и другие рабы жили в тесных комнатах, как сельди в бочке. Угол для готовки и отхожая яма располагались рядом. Кейтлин не могла понять, откуда вонь сильнее: из ямы или от человеческих тел, копошащихся на металлических койках. В комнатах было тихо, и даже дети были так запуганы, что старались жить как можно беззвучнее.

Рабы сбивались в группы, стараясь быть поближе к знакомым, похищенным из тех же мест. Кейтлин заметила знакомые лица: некоторые попали сюда не без ее участия. Хотя ее роль, как правило, заключалась в заботе о самых маленьких, девушка отчаянно желала, чтобы сейчас ее никто не узнал. К счастью, мало кто обращал внимание на двух женщин, идущих меж рядов коек, и они спокойно добрались до грязной двери в дальней стене комнаты. Элис открыла ее без стука и пропустила Кейтлин вперед.

В этой комнате было чище, и коек тут было меньше, но от вида ее обитателей у девушки замерло сердце. Три десятка детей разных возрастов повернули головы в сторону двери; самому младшему было от силы года полтора, его держала на руках девочка постарше.

Элис позвала по именам детей Юэна, но Кейтлин уже увидела их, сидящими в обнимку на одной кровати. У Майкла слезы лились ручьем, а на лице его сестры была спокойная решимость.

— Кейтлин! — вдруг закричала Гвен, узнав темноволосую девушку. — А мы думали, ты погибла!

— А мама умерла, — важно произнес Майкл и вдруг разрыдался.

Гвен обняла его, но сама чуть не расплакалась от отчаяния.

— Со мной все в порядке, — прошептала Кейтлин. — Меня спас один *курьер* и привел меня в Лондон, за вами.

Дети посмотрели на нее.

— Мой папа тоже *курьер*, — сказал Майкл.

Кейтлин улыбнулась и кивнула, с трудом удерживая слезы при виде того, как встрепенулись дети.

— А он не попал в рабство, как мы? — с надеждой спросил Майкл.
— Нет, малыш.
— Где он? Я хочу его видеть!
— Он сейчас занят, Майкл. Я скоро с ним встречусь, но пока надо вывести вас отсюда и спрятать так, чтобы никто не нашел.
— А это возможно? — спросила Гвен. — Нам сказали, что, если попытаемся бежать, одного из нас повесят.

Майкл молча кивнул, и глаза его покраснели от страха.

— Они не вешают детей, — успокоила их Кейтлин.

Гвен и Майкл переглянулись и сказали хором:

— Еще как вешают!

Элис положила руку девушке на плечо:

— Видать, давненько ты тут не была. С тех пор все изменилось к худшему.

Кейтлин не верила своим ушам. Английская Республика всегда отличалась жестокостью, но многие считали, что только так можно изменить ужасные условия жизни, в которых оказалось человечество. Теперь же Кейтлин стало окончательно ясно, что условия изменились лишь для избранной горстки людей, за счет всех остальных.

— Плевать, это не имеет значения, — сказала она. — Вы оба скоро будете спасены. Хватайте вещи и дуйте с нами.

Прошло несколько мгновений, во время которых дети молча смотрели на девушку. Наконец они схватили свой скарб и вскочили с койки. Элис взяла Майкла за руку и повела к выходу из рабского общежития, а Кейтлин улучила минуту, чтобы порасспросить Гвен.

— Что случилось с вашей матерью?

Гвен проглотила комок в горле и ответила спокойно и ровно:

— Помнишь, ее ударили по голове? В общем, так и не зажило. Еды здесь мало, холодно, грязно... Мама заболела.

Кейтлин пожала девочке плечо.

— Больными тут никто не занимается, и ее просто бросили умирать. — Гвен замолчала, и в глазах ее мелькнул злой блеск. — Я их всех ненавижу!

— Я тоже, — ответила Кейтлин.

Они снова оказались под землей, и больше всего Кейтлин удивляло, что их до сих пор никто не остановил. Старая платформа была уставлена ящиками, на каждом из которых была табличка с названием станции. С каждой стороны платформы, у чернеющего зева туннеля, стояли часовые, но они были слишком заняты болтовней и издевательством над рабами и за туннелями почти не следили.

На одной из коробок, с надписью «Хайгейт», сидел раб, нашедший амулет Юэна.

— Привет, ребята! — приветливо сказал он детям. Те посмотрели на него с недоверием.

— Это наш друг, — пояснила Элис.

— Питер, — представился раб.

— Я хочу к папе, — немедленно отозвался Майкл.

— Я знаю, малыш. — Кейтлин присела, чтобы не обращаться к мальчику свысока.
— Но сначала мы отвезем тебя в безопасное место, а потом папа к тебе придет.

— Где он? — спросила Гвен. — Там, куда мы едем?

— Пока еще нет. Но скоро будет, — сказала Кейтлин, беспокойно оглядываясь на солдат.

Из туннеля, ведущего к станции Энджел, раздался стук колес, и вскоре на станцию въехала ручная дрезина с двумя грузовыми вагонами, которой управляли четыре человека.

— Надо идти, — посоветовал Питер. — Если будем торчать тут попусту, нас заметят.

— Но там же Северная линия! — забеспокоилась Кейтлин.

— Совершенно верно.

— Самое сердце Республики! Зачем их туда вести?

Питер тревожно покосился в сторону солдат, но те как раз смеялись над чьей-то шуткой. Как только дрезина остановилась, к ней подбежали рабы и стали разгружать вагоны. Им приходилось то и дело слезать с платформы на рельсы и забираться обратно: дрезина была гораздо уже, чем поезда, некогда ходившие по этим туннелям.

— Затем, что там никто не станет искать беглых рабов. И линия там глубокого заложения. Там тихо и безопасно, и я спокойно выведу их на поверхность через пост в Хай-Барнете.

— В Хай-Барнете есть пост?

— Да уж месяца два стоит. Раз в несколько дней туда ходит караван из Хайгейта: сменить дозорных и пополнить запасы. И они пропускают путников в Подземку и обратно.

— Так там же, наверное, пограничный контроль?

— А как же! Но эти документы прокатят.

Питер показал девушке вполне убедительные документы на проезд. Бумага, на которой они были выполнены, прошла не один цикл очистки мочой. Не самая приятная технология, зато простая, и благодаря ей одну и ту же бумагу можно было использовать снова и снова.

— Элис переправит детей в Хай-Барнет. Там наши друзья помогут им выбраться из Подземки и найти Цуру. А у нас с вами есть другие дела, — сказал Питер и посмотрел на девушку со значением.

Кейтлин повернулась к детям.

— Гвен, Майкл, вам придется поверить мне на слово, что я знакома с вашим отцом. Он хочет, чтобы вы пока побыли с его друзьями. Вы согласны?

— Я очень хочу его увидеть! — надулся Майкл.

— Я знаю, но тут для вас слишком опасно. А он хочет, чтобы вам ничто не угрожало.

Гвен взяла Майкла за руку и кивнула. Мальчик посмотрел на сестру, потом на Кейтлин и тоже покивал, хотя слезы опять потекли по проложенному руслу на его грязных щеках.

— Идите с Элис, слушайте ее во всем, — сказал Питер, следя за разгрузкой дрезин. — Скорее!

Элис протянула руку Майклу, но Гвен сама схватила его и пошла за ней следом. Кейтлин смотрела, как они подходят к поезду, забираются на борт и показывают документы подошедшему солдату.

— Улыбаемся и машем, — шепнул ей Питер.

Кейтлин вымученно улыбнулась и помахала детям. Те, поколебавшись, неуверенно помахали в ответ.

— Надо изобразить радость, ведь они едут туда, где тепло и уютно. Так солдаты ничего не заподозрят.

— И что теперь? — спросила Кейтлин, когда поезд тронулся.

— Теперь надо придумать, как вытащить твоего друга из камеры.

— Кажется, я уже придумала, — заявила девушка и пересказала Питеру загадочные слова, сказанные на прощание полковником.

* * *

Элис довезла Гвен и Майкла до Юстона. Дети всю дорогу сидели тихо: даже путь к свободе по этим темным туннелям навевал мрачные мысли.

Сойдя с поезда, женщина показала поддельные документы на кордоне и без проблем миновала его. Конечно, здесь контроль был усиленным, как на Сент-Панкрасе и Кинге-Кроссе, поскольку в Юстоне пересекались несколько линий, но документы были сработаны на совесть и почти не отличались от настоящих.

Сойдя с платформы, она встретила в служебном аппендиксе, забитом всякой рухлядью, связанного с двумя другими детьми, которых должна была отвезти обратно в Сент-Панкрас. По возрасту, комплекции и цвету волос они были похожи на Гвен и Майкла — Элис надеялась, что на обратном пути никто не заметит подмены. На любезности времени не было, к тому же женщина не хотела, чтобы дети слишком близко знакомились друг с другом, поэтому обмен произошел быстро и почти без слов.

За передвижениями рабов в Подземке следили: если бы она вернулась на свою станцию одна, к ней непременно возникли бы вопросы. На удачу, нашлись двое ребят, чьи родители работали в Сент-Панкрасе и были рады возможности переправить их к себе. Об операции было договорено по старинной телеграфной линии, обнаруженной рабами в древних туннелях под перегонами метро. Элис возвращалась довольная: ее радовала мысль о том, что Гвен и Майкл через сеть подполья доберутся на свободу, к цыганам.

Улыбаясь, она села на поезд, собирающийся обратно в Сент-Панкрас.

Но тут все пошло наперекосяк.

В последний момент на подножку вскочили патрульные.

— Проверка документов!

Дети прижались к ней плотнее.

— Ваши дети, мэм?

Элис закивала.

— Не узнаю вас на фотографии, мэм, — офицер внимательно вглядывался в выцветший снимок на бумагах. — Снимите головной убор, мэм.

— Я... Это мои дети... — залепетала Элис.

— Головной убор, мэм! — повторил офицер, теряя терпение. — Или мы ссадим вас с поезда до выяснения.

— Я ведь ничего не делала, — зачем-то сказала Элис.

— Живо сняла косынку, сука! — истошно завопил офицер и сорвал головной платок с дрожащей женщины.

Поезд прогудел и двинулся с места.

— Если она тебе так нужна — на, прыгай за ней! — И проверяющий вышвырнул скомканную косынку на убегающую платформу.

Элис спрятала глаза и только тихонько молилась. Дети прижались к ней, будто были одним целым с этой незнакомой женщиной. Их была крупная дрожь.

* * *

Плутая по темным коридорам и туннелям, Питер подвел Кейтлин как можно ближе к тюрьме. Дальше она шла одна, прижав к груди металлическую флягу с горячим чаем и два пластиковых стакана.

Чай этот был непростой: туда подмешали чистейшего бренди, а также мощное зелье из ядовитого мха, найденного в пещерах под Темзой. Убить не убьет, но вырубить на несколько часов этот напиток мог.

Одетая в комбинезон рабыни, девушка завернула за угол и вдруг оказалась в хорошо освещенном помещении, где два солдата сидели за столом и играли в кости. Кубики застучали по эмалированной поверхности стола, и один солдат расплылся в улыбке, а второй скривился.

— Гадина, ты жулишь! — возмутился проигравший, отчего второй захохотал:

— Конечно, жулю! Ты, главное, пойми, как!

Проигравший посмотрел на него в бессильной ярости, но тут увидел Кейтлин и переменился в лице.

— Новенькая! — сказал он с улыбкой.

Его везучий напарник обернулся и окинул Кейтлин оценивающим взглядом с головы до ног.

— А где Рейчел? — спросил он.

— То есть, мы, конечно, не жалуемся, что ты вместо нее! — добавил первый, осклабившись.

— Она сегодня обслуживает генерала, — сказала Кейтлин и многозначительно подмигнула.

Тем временем Рейчел сидела связанная по рукам и ногам в шкафу кладовой, без шансов быть найденной до утра.

— А ты не молода для такой работы? — спросил второй охранник.

— Да уж не девочка, — ухмыльнулась Кейтлин и бросила ему фляжку, которую он проворно поймал.

— В горле пересохло... — сказал он, открывая фляжку, пока Кейтлин ставила два стаканчика на стол. — А ты что, не с нами?

— Рейчел сказала, что это особенный напиток, и он не для меня... — Кейтлин притворилась, будто ей страшно обидно.

— Особенный, говоришь? Это хорошо.

Охранник плеснул себе полный стакан, отхлебнул, и лицо его засияло.

— Бренди! — воскликнул он и снова потянулся к фляге.

— Моя очередь! — сказал второй, вырвал флягу и наполнил свой стакан.

Потом они вдвоем попиwali чаек с бренди и отравой и выглядели самыми счастливыми людьми на земле.

— Так, и что у нас еще в комплекте? — игриво поинтересовался первый охранник.

— Меня, кстати, Алан зовут.

— А меня — Патрик, — подмигнул второй.

Обещанные десять секунд давно прошли, а бодрости в охранниках не убывало, и Кейтлин внезапно охватило мутное беспокойство. Она попыталась представить себе, как обычно вела себя с ними Рейчел. Картина получилась такая, что ее чуть не вырвало, но она заставила себя подыграть им.

— А что обычно идет в комплекте? — спросила она как бы невзначай.

— Да все, — сказал Патрик и похотливо ухмыльнулся.

— Похоже, Рейчел — очень щедрая девушка, — парировала Кейтлин. — Но я не такая.

— Ну-ну... Трамвая ты хрен дождешься, — заржал Алан и удивленно заглянул в свой стакан: в голове у него образовалась странная легкость.

Патрик потянулся к девушке, ласково, но крепко ухватил ее за талию и посадил к себе на колени. Кейтлин запаниковала, но внешне пока не подавала виду. Она попыталась высвободиться из лап Патрика, которые по-хозяйски прогулялись по ее груди, а теперь боролись с пуговицами комбинезона. Алан опять заржал.

— Тихо ты, парень! — сказал он. — Некуда торопиться.

Каждое прикосновение действовало на Кейтлин как ожог: кожа горела от стыда. Она снова попыталась встать, но Патрик удачно воспользовался этим, запустив лапу ей между ног.

— Нет! — закричала девушка.

Смех Алана уже не казался дружелюбным.

— Ты че, забыла, что ты рабыня? — сказал он, слегка накренившись вперед.

Как ни странно, эти слова вдруг успокоили Кейтлин: Алан выговорил их с трудом; язык у него заплетался как после долгой пьянки. Она перестала вырываться, на секунду обманув бдительность охранника, и со всей силы двинула локтем ему по виску. Патрик странно ухнул и обмяк.

Алан с трудом поднялся на ноги, но пол поплыл из-под него, а зрение выкинуло удивительный фортель: охранник как будто смотрел в длинный и узкий туннель; так бывает, когда поглядишь в бинокль не с той стороны. Он упал и со страшным треском врезался в стол подбородком. Из раны во все стороны брызнула кровь, и Алан растянулся на полу без чувств.

Кейтлин встала и привела себя в порядок. Она не могла избавиться от ощущения, будто ее только что изнасиловали. Охранники лежали в глубоком отрубе, ровно дыша и закатив зрачки. Борясь с желанием от души их попинать, девушка прошла мимо и открыла дверь в камеру, где на грязном матрасе, лицом к стене, лежал Юэн. Сердце Кейтлин чуть не остановилось, когда она увидела, что весь его затылок выпачкан в засохшей крови.

Почтальон лежал без движения, но, подойдя ближе, она с облегчением увидела, что он дышит.

— Юэн? — девушка потрясла его за плечо.

Мужчина замер и резко повернулся, чуть не столкнувшись с ней лбами. Кейтлин охнула. Судя по всему, полковник Мейзерс был охране не указ и его распоряжение бережно обращаться с Юэном было, что называется, послано лесом: лицо Юэна превратилось в один сплошной синяк, губы распухли, а левый глаз заплаыл.

— Господи! — вырвалось у Кейтлин.

Она дотронулась пальцами до его лица. Юэн смотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

— Скажи что-нибудь, Юэн!

— Что случилось? Как я сюда попал?

Кейтлин ахнула от ужаса. Он не помнил!

— Я тебя ударила, Юэн. Прости!

Юэн резко сел на кровати, не обращая внимания на боль, пронзившую все его тело, и посмотрел на нее в недоумении.

— Это *ты* сделала?!

— Нет, не это! — вскрикнула девушка, показывая на его лицо. — Я только огрела тебя фонарем, чтобы тебя не убили на месте.

Юэн заморгал, пытаясь восстановить в памяти события.

— Почему мне кажется, будто я упал в колодец?

— Наверное, солдаты тебя избили, пока ты был без сознания.

Глаза Юэна налились решимостью и гневом.

— Ненавижу это место! Здесь плохо! — сказал он резко и почти по-детски.

Кейтлин кивнула в знак согласия.

— Я придумала, как нам бежать. И нашла Майкла и Гвен. Им ничто не угрожает.

Юэн потрясенно уставился на девушку.

— Они живы? Где они?

— Скоро будут у Цуры. Вот тебя вытащить сложнее. У нас будет всего один шанс, поэтому слушай внимательно. Завтра на суде признаешь себя виновным.

— Виновным в чем? — смущенно спросил Юэн.

— В убийстве конвоира, который пытался тебя застрелить.

— А... Ну да, в этом я, пожалуй, и впрямь виновен.

Кейтлин всерьез забеспокоилась, что Юэн не в себе, но прогнала прочь эти мысли.

— Возьми это. — Она протянула ему нож. — Спрячь его до тех пор, пока не поведут исполнять приговор, а там пусти его в ход. Мы будем ждать.

— Почему нельзя уйти сейчас?

— Придется с боем пробиваться в туннели, мы поднимем шум, а Майкл и Гвен еще не добрались до цели. Мы освободим тебя, когда они будут в безопасности.

— «Мы»?

— Тут есть подполье, и на этой станции у них большие связи. Главное, в нужный момент будь готов.

Она обняла его, жалея, что не может остаться рядом, но тут из коридора донесся далекий шум.

— Иди, — сказал Юэн.

Скрепя сердце, она закрыла дверь и залпом допила остатки чая.

Полковник Мейзерс вошел в комнату, беспечно болтая с двумя патрульными, совершающими обход коридоров. Увидев распростертые тела охранников, патрульные бросились к ним. Тем временем полковник склонился над Кейтлин и прощупал ее шею. Убедившись, что пульс ровный и сильный, он пощелкал пальцами, обратившись к солдатам:

— Быстро в казармы, поднимайте сменщиков!

Один из патрульных убежал, а второй повернул каждого охранника на бок и подложил им под голову свернутые кители.

— Ее тоже положи, только аккуратно, — сказал полковник, показывая на Кейтлин, и открыл дверь камеры, чтобы проверить Юэна.

Юэн смотрел на него пустым взглядом. Мейзерс вопросительно приподнял бровь, но так и не дождался ответа.

— Арестованный в порядке, — объявил полковник, закрывая дверь и, незаметно для стоящего неподалеку солдата, кивая Юэну. Тот, выдержав паузу паузу, кивнул в ответ.

* * *

Комната, где должны были судить Юэна, была тесной. В ней едва помещались три стола: для председательствующего полковника, капитана-прокурора и капитана-защитника. Стены недавно выкрасили в красный цвет, а пол отдраили до блеска.

Юэна привели в наручниках и под конвоем, но никто не удосужился обыскать обвиняемого.

Председательствующий полковник посмотрел на него безразлично, и Юэн окончательно убедился, что весь этот суд — всего лишь спектакль. Обвинитель встал и обратился к полковнику:

— Этот человек был задержан вчера после того, как убил солдата, сопровождавшего труп раба к месту ликвидации. Убийство произошло на глазах у свидетелей, которые дали неоспоримые показания.

Полковник перевел взгляд на стол защитника. Тот встал.

— Сэр, у меня не было возможности проконсультироваться с обвиняемым...

Полковник равнодушно пожал плечами:

— Ну так идите, консультируйтесь.

Капитан подошел к Юэну, и в его глазах подсудимый не увидел ни следа сочувствия или интереса к нему.

— Будешь упираться — признают виновным и повесят; признаешь свою вину — дадут выбор между петлей и ареной.

Юэн с любопытством смотрел на этого человека.

— Значит, такое у вас справедливое правосудие?

Не поведя и бровью, капитан ткнул Юэна кулаком в лицо.

— Для тебя и это большая роскошь. Давай, отвечай!

Юэн плюнул кровью в самодовольное лицо капитана и с удовольствием отметил, как тот скривился в отвращении.

— Виновен! — громко произнес Юэн. — Я сделал это и, если сумею, сделаю снова!

Защитник утер лицо и поднял на Юэна холодные глаза убийцы.

— Капитан... — произнес полковник тихо, но твердо.

На щеках того вздулись желваки, но он взял себя в руки, вернулся на свое место и сел за стол. Обвинитель хмыкнул в сторону своего коллеги и повернулся к Юэну:

— Чистосердечное признание дает вам возможность выбрать свою судьбу: либо казнь через повешение, либо пожизненное заключение на арене.

— И что там, на арене?

— Гладиаторские бои перед публикой. Вы будете драться снова и снова, пока не умрете.

«Это мне за то, что я не спас Джулию», — блеснуло в голове Юэна.

— Я буду драться, — сказал он вслух.

Полковник кивнул и объявил:

— Заседание закрыто. Отведите его к Томасу.

Глава 18

ТЬМА

Арена состояла из четырех колодцев трехметровой глубины, вырытых рабами при помощи кирок и мотыг и оснащенных примитивной системой водоотвода: по краям пол уходил книзу, и там в нем были проделаны дыры, крытые металлическими решетками. Стены регулярно и тщательно мыли, но все равно пятна крови украшали их повсюду; еще более крупные пятна намертво въелись в бетонный пол. Железная сетка на стальных прутьях окружала колодцы, только в одном месте оставляя проход на арену. За сеткой, между колодцами, располагались стоячие места для зрителей. Бетонный пол также покрывали пятна крови и мусор, оставшиеся с прошлого выступления. С потолка свисали лампы с ведрами вместо абажуров, заливавшие тусклым оранжевым светом все, кроме колодцев, — туда были направлены другие лампы, значительно более яркие.

Вокруг было холодно и бездушно. Стены почернели, затерты множеством грязных спин и немых рук; в затхлом воздухе запахи обитаемых туннелей перемешивались с утробным дыханием бездны, лежащей глубоко под ногами.

Арена пустовала. На ней находились только два раба — один собирал мусор, другой мыл пол — и кругленький лысеющий человечек в очках с толстой оправой: он горбился за столом над стопкой бумаг и что-то неразборчиво бормотал себе под нос. Завидев полковника Мейзерса и Кейтлин, очкарик оторвал голову от бумаг.

— Чем могу помочь? — небрежно спросил он, косясь на полковника.

— А это мы сейчас посмотрим, — ответил тот с плохо скрываемым отвращением. — Мне нужен Томас.

— Его нет, — сказал человечек, тут же забыл про посетителей и вернулся к прежнему занятию.

Мейзерс подождал несколько секунд, затем накрыл ладонью бумаги на столе, и человечек снова поднял голову, встревоженно и раздраженно.

— Где же он? — спросил полковник подчеркнуто любезно.

Человечек заморгал и показал на один из выходов.

— Во втором кабинете, — пробормотал он. — Он что-то натворил?

Мейзерс не удосужился ответить и сделал знак Кейтлин, чтобы она шла за ним. Глядя им вслед, клерк открыл было рот, чтобы что-то спросить, но, подумав, закрыл его и снова склонился над бумагами.

Покинув арену, Мейзерс и Кейтлин двинулись по темному коридору, мимо деревянных дверей, обшитых стальными панелями, пока не дошли до двери, на которой была грубо выведена краской цифра «2». Без лишних раздумий полковник заколотил кулаком по мятому железу двери, и с той стороны послышался недовольный крик.

— Кто там приперся?

— Мейзерс, — с хитрой улыбкой ответил военный и, обернувшись к Кейтлин, добавил: — Он работает по ночам, а днем спит и очень не любит, когда его будят.

Дверь распахнулась, и на пороге возник высокий темнокожий человек, заросший жесткой бородой. На нем были сильно поношенные кожаные штаны, подвязанные

бечевкой, и тяжелые сапоги; моргая спросонья, он натягивал через голову дырявую серую футболку, которая, вероятно, когда-то была черной.

— Полковник, вот так радость! — сказал Томас, широко улыбаясь Мейзерсу и еще шире — Кейтлин.

— Томас, у меня к тебе просьба...

— Так-так... — отозвался тот и пристальнее присмотрелся к девушке. — В танцовщицы?

— Нет, ей нужна другая работа.

— Точно? А то у крошки все данные...

Полковник откашлялся.

— А, ладно, как скажете... — махнул рукой Томас и подмигнул Кейтлин, которая стояла с открытым от возмущения ртом. — Какая работа?

— Вот с ней это и обсудишь, а я пошел. — Полковник повернулся к ним спиной.

— Ах, вот какая работа... Черт, ты помнишь, как мне в прошлый раз из-за тебя досталось?

Мейзерс обернулся и строго посмотрел на Томаса.

— Ты передо мной по-прежнему в долгу и не скоро рассчитаешься.

Тот смиренно вздохнул, и полковник обратился к Кейтлин:

— Удачи тебе, девочка! Надеюсь, увидимся в лучшие времена... — и ушел, не оглядываясь.

Томас смотрел ему в спину, пока он не скрылся за углом, а потом снова широко улыбнулся девушке:

— Может, все-таки танцовщицей?

— Вот уж нет!

— Мое дело — спросить. У нас тут девушки, не вымазанные в дерьме, — большая редкость.

— Очень милый комплимент, — съязвила Кейтлин.

Томас улыбнулся, на этот раз вполне искренне.

— Ну что, много ты тут собираешься разнести?

— Пока не знаю.

— Понятно. Каков вопрос — таков ответ. И какая же работа тебе нужна?

— Любая. Лишь бы стоять у ограды, когда начнется бой.

Томас прищурился:

— Говорят, тот парень, что пристрелил солдата, был с девчонкой. Выходит, с тобой.

Это было утверждение, а не вопрос, поэтому Кейтлин решила, что можно не отвечать. Томас посмотрел на нее иначе, почти с уважением.

— Все понятно. Поставлю тебя колотилкой. Только имей в виду: когда бой начнется, меня тут не будет.

— А что делает колотилка?

— Ясный пень, колотит! — ответил Томас и усмехнулся при виде ее возмущенного лица. — Да, у нас жестокие порядки, но нельзя, чтобы участники покидали ринг во время соревнований.

— Какое же это соревнование? Это просто бойня!

— Называй, как хочешь, но людям это нужно, а значит — все не зря.

Кейтлин покачала головой:

— Те, кто у вас на арене, — тоже люди.

— Не спорю, бывают и люди. Но в основном — двуногие звери, в которых так мало осталось человеческого, что лучше бы лаяли и бегали на четвереньках.

— Кто вы такой, чтобы их судить? — зло спросила девушка.

— Я наблюдаю за ними каждый день. Вижу, как они крадут друг у друга, избивают друг друга до смерти из-за пустяков.

— И все-таки они — люди, — упрямо повторила Кейтлин, но собственный опыт скитания по туннелям пришел ей на ум, и слова прозвучали уже не так убедительно.

Томас решил не продолжать этот спор.

— Я так понимаю, что твой друг — из тех, за кого не жалко отдать жизнь?

— И жизнь, и даже больше, — торжественно сказала Кейтлин.

— Похоже, сегодня ты тут устроишь переполох... Ладно, работа твоя, а я навещу друзей на другой станции. На любой другой станции... Иди за мной.

Он повел Кейтлин обратно на арену и, как бы невзначай, обратился к человеку за столом:

— Выдай дубинку, поставь у ограды, и без вопросов.

Человечек поднял пухлый палец.

— Хорошо, один вопрос разрешаю.

— Вы сегодня навещаете друзей, босс?

— Да, что-то посетило такое желание.

— Черт...

Человечек грустно опустил руку и понурился. Томас повернулся к девушке.

— Красавица, посиди пока в моей комнате. Только ничего не сломай!

И он ушел.

— Возьмите дубинку у стены, — послышался голос клерка. — И, будьте добры, наденьте вот это, — он передал ей запачканный ядовито-желтый жилет с надписью «ОХРАНА» на спине.

— Спасибо, — сказала Кейтлин, но человечек перебил ее.

— Не надо меня благодарить. Стойте у ограды, не двигайтесь с места и, ради бога, не подходите ко мне.

Кейтлин открыла рот, но человечек протестующе поднял ладонь.

— Томас все для меня сделал и дал мне эту работу, но, ей-богу, ваша братия его погубит!

Они помолчали.

— Вы знаете, где его комната? Там вас никто не побеспокоит, пока я не позову вас на выход.

Кейтлин молча повернулась и ушла.

* * *

Она не спала и слушала далекий шум толпы, когда в дверь постучали.

Кейтлин натянула жилет, взяла тяжелую дубинку и открыла дверь. Кругленький человечек склонился в издевательском поклоне и махнул рукой вперед, в сторону арены.

Зрительская зона была набита солдатами и жителями станции. Весь этот человеческий улей нетерпеливо гудел в ожидании неминуемой резни. Кейтлин прошла

сквозь толпу, расступившуюся при виде желтого жилета, и подошла к ограде колодца. С других сторон стояли еще два человека в таких же жилетах. Они кивнули Кейтлин и снова принялись болтать со своими знакомыми из публики.

Кейтлин стояла в ожидании, когда же распорядитель объявит о начале боя. Стоя среди ревущей толпы, она чувствовала себя бесконечно одинокой. Дубинка неуклюже болталась в руке, и груз сомнений давил на сердце.

— Дамы и господа!

На арену вышел распорядитель — высокий человек в потертом деловом костюме. Голос у него был четкий, поставленный, и он без усилий перекричал гудящую толпу, но все же сделал многозначительную паузу, чтобы гул прекратился.

— Сегодня мы приготовили для вас особое угощение: осужденного убийцу с дикого севера! Варвара, который дерзнул проникнуть в наш обожаемый дом и отнять жизнь у храброго воина, несущего службу на благо народа!

В его голосе звучало справедливое возмущение, и толпа ответила разгневанным ревом. Распорядитель театральным жестом поднял руку, и Юэна повели к колодцу, под тычки и улюлюканье зрителей. Кейтлин не поняла, заметил он ее или нет, но на всякий случай старалась не смотреть ему в глаза.

В колодец бросили веревку, но Юэн не двигался с места.

— Спускайся сам, или тебе помогут! — крикнул распорядитель. — Выбирай, душегуб!

Юэн взялся за веревку и спустился в забрызганный кровью колодец.

— Ну а вершителем правосудия сегодня выступит любимец публики... — Распорядитель сделал паузу, разогревая нетерпение зрителей. — Сержант...

Но договорить он не успел. Кейтлин выхватила взглядом из толпы знакомое лицо: Питер махнул рукой, и в воздухе, под самой лампой, мелькнула пузатая шумовая граната. Девушка упала на пол, зажав уши и открыв рот, как учил ее Мейзерс. Краем глаза она успела заметить, что Юэн удивленно посмотрел на нее — и тоже упал ничком.

Граната взорвалась над толпой, и в тесном помещении с бетонными стенами удар оказался сильнее обычного. Многие зрители, оглушенные взрывом, попадали, где стояли, и даже у Кейтлин, успевшей приготовиться, чуть не лопнули уши. Борясь с головокружением, она встала, держась за ограждение, и доковыляла до веревки, один конец которой по-прежнему свисал в колодец. Внизу Юэн неуверенно поднялся на ноги, держась за голову. Кейтлин очень надеялась, что, лежа на три метра ниже остальных, он не был сильно контужен.

— Скорей! — прокричала она, перекрикивая звон в ушах.

Один из солдат заметил ее и попытался встать. Кровь текла у него из ушей и капала на китель. Кейтлин ударила его по голове дубинкой, он упал и больше не поднимался.

Юэн ухватился за веревку и с трудом полез наверх. Руки не слушались почтальона, и он почти ничего не слышал. Как только мужчина взобрался наверх, Кейтлин перехватила его за шиворот и выволокла из колодца.

— Спасибо, — сказал он, не слыша собственного голоса.

Из дыма к ним выплыл второй конвоир. Не говоря ни слова, он поднял ствол и выстрелил.

Пуля прошла в дюйме от лица Юэна. А потом почтальон всадил нож, пронесенный в камеру Кейтлин, в подбородок солдату — снизу вверх.

В коридорах не было ни души: те, кто не пошли на арену, решили провести этот вечер подальше от нее. Держась за стены и друг за друга, Юэн и Кейтлин, как могли быстро, ковлялись вперед. Завернув за угол, они чуть не влетели в двух патрульных. Паника комком подступила к горлу девушки, и Юэн онемевшими пальцами снова потянулся за пазуху, где припрятал нож.

Солдаты засмеялись, и оглушенной Кейтлин показалось, будто их смех доносится из глубокой бочки.

— Надеюсь, вы нам хотя бы бухла оставили? — сказал один, а второй лениво махнул Юэну рукой:

— Не парься с документами, только не облюй нас.

Солдаты заржали и исчезли за поворотом.

В условленном месте Питера видно не было, и Кейтлин успела не на шутку испугаться. В пустых коридорах слышимость была хорошей, а их путешествие пока что получалось далеко не бесшумным. Однако через мгновение раб вышел из укрытия с пистолетом в руке. Узнав их, он засунул оружие за пояс.

— Ты — Юэн? — спросил он.

Они пожали друг другу руки.

— Это твоё, — сказал Питер, протягивая серебряный амулет.

— Спасибо! — прокричал Юэн.

Питер вздрогнул и прижал палец ко рту.

— Не ори, — сказал он. — Нам нужно перейти на линию Пикадилли. Если кто попадется по пути, говорить буду я, а ты постарайся никого не убить.

Юэн не понял, к чему была эта просьба, но послушно последовал за проводником по закопченным коридорам, ведущим к спящей станции.

Он все никак не мог поверить, что его дети свободны и на пути к спасению, а смерть Джулии висела на душе тяжелым грузом. Не заслужила она такой смерти среди чужих людей...

Питер остановился.

— Впереди станция. Нам надо пойти по путям на север. Я скажу, что ты хотел испытать свои силы на арене, но проиграл отборочный бой и возвращаешься домой.

Юэн не спорил: он вдруг почувствовал, что и впрямь проиграл свой бой.

— Ты — его любовница, — продолжал раб. — Борцы часто таскают с собой молоденьких девушек. Главное, не встревайте, говорить буду я.

Они шагнули на станцию. У платформы стоял состав из пяти вагонов и двух ручных дрезин. Рабов вблизи не наблюдалось, и вокруг сновали солдаты: разбившись на несколько групп, они загружали три вагона в середине состава ящиками с оранжевыми наклейками «ВЗРЫВООПАСНО». Рядом ложились ящики поменьше, с патронами. На другом конце станции какая-то женщина говорила с дозорными.

— Это Элис, — сказал Питер. — У нее нет косынки. Нет косынки!

Юэн и Кейтлин разом повернули головы, но Питер шагнул вперед, нарочно загордив им обзор.

— Не дурите! Не показывайте, что вы их знаете, — прошипел он и добавил громким голосом: — Так, ребята! Может, и не придется идти дальше пешком.

— Элис? — шепотом спросил Юэн.

— Она должна была отвести твоих детей на другую станцию, — объяснила Кейтлин. — Если все прошло удачно, она должна была быть в косынке...

Юэн побледнел от внезапного приступа дурноты, и ноги его задрожали.

— Должна была? Что значит...

Дозорные повернули головы в сторону новых гостей станции, и Кейтлин охватило ощущение, что они появились тут совсем не вовремя. Она попыталась разглядеть, кто стоял рядом с Элис, и сердце екнуло в груди, когда она увидела два хрупких детских силуэта.

К Питеру подошел офицер, останавливая его жестом.

— Нет-нет, вам сюда нельзя. Это военный транспорт. Разворачивайтесь — и назад, — сказал он устало и безразлично.

Раб достал из кармана документы и протянул их офицеру. Но внимание того вдруг переключилось на Юэна и на его побитое лицо.

— У нас есть проездные документы... — начал Питер, но офицер поднял руку, приказывая ему замолчать.

— Кто это тебя так отделал? — с любопытством спросил он Юэна.

— Он вчера пробовал попасть добровольцем на турнир и проиграл, — объяснил Питер.

Офицер повернулся и ткнул его в грудь кулаком.

— Я не с тобой разговариваю, вот и помалкивай!

— Все верно, — разбитыми губами проговорил Юэн. — Я проиграл.

— Я был вчера на арене, — прищурился офицер, — но тебя что-то не помню. Как твоё имя? И кто тебя победил?

Юэна охватила паника: он понятия не имел, что отвечать. Кейтлин заметила, как рука друга потянулась к ножу, и крепко обняла его.

— Простите, сэр, он после вчерашнего не в себе...

— Капитан, если позволите... Он проиграл Мерфи, в первом же раунде, — тихо сказал Питер, по-прежнему протягивая офицеру документы.

— Мерфи? — присвистнул капитан, принимая бумаги из рук Питера.

— Да. Это был короткий бой.

Голос Питера звучал очень убедительно, и капитан, полистав документы, покивал головой.

— Что ж, очень убедительные документы, — сказал он и улыбнулся Питеру. — Хорошая работа.

— В каком смысле, сэр? — спросил тот, искренне изобразив недоумение.

— Документы, говорю, не отличить от настоящих. Даже не знаю, как у вас это получилось.

Что-то явно пошло не так. Кейтлин не могла понять, в чем они ошиблись. Руки у нее задрожали, и на этот раз Юэн обнял ее, отчего девушке стало немножко легче.

— Штука в том, что Мерфи — мой брат. Я знаю, с кем он дрался, и пусть меня разочвет, если это был ты!

С этими словами капитан торжествующе потянулся к кобуре, но Питер, побледнев, двинул ему кулаком в лицо и закричал своим спутникам:

— Бегите, глупые!

Не думая ни секунды, Кейтлин схватила Юэна за руку и прыгнула вместе с ним на рельсы, где они не были такой легкой мишенью для солдат. На бегу Юэн подхватил чей-то автомат, прислоненный к стене.

— Стоять!

— А ну назад!

Не обращая внимания на крики, они побежали к спасительной темноте туннеля. Сзади раздались выстрелы, Кейтлин коротко ахнула, и тут же прогремел зычный голос командира:

— Не стрелять, олухи! На поезде динамит, вашу мать! Живо за ними!

Но Юэн и Кейтлин уже нырнули в туннель и скрылись из виду.

— Беги, не оглядывайся! — крикнул едва различимый силуэт Кейтлин.

Юэн бежал, стараясь аккуратно наступать на шпалы, как будто он доставлял почту у себя дома, в Глазго. На время тьма полностью окутала их со всех сторон, потом ее вдруг прорезал фонарь одного из преследователей, и луч света яростно заметался по рельсам и стенам. Поняв, что беглецы слишком далеко, солдаты открыли беспорядочный огонь. Вспышки выстрелов замелькали со стороны станции, и пули засвистели вокруг, словно надоедливые комары.

— Кажется, оторвались! — сбивчиво сказала Кейтлин где-то сзади.

И тут же она вскрикнула устало.

Он встревоженно вернулся — и споткнулся о ее тело, больно приземлившись на шпалы.

— Кейтлин? — прошипел он, поднимаясь на колени, ободранные до крови.

Та не отвечала. Юэн попытался нащупать пульс на запястье, ничего не нашел и приложил два пальца к ее горлу.

Ничего. И тогда он закричал, забыв про всякую осторожность:

— Кейтлин!!!

Он приложил ухо к ее рту и не услышал дыхания, но рука, которой он придерживал ее голову, вдруг намокла. Юэн нащупал края пулевой раны на груди, откуда текла кровь.

— Кейтлин... — прошептал он во тьму.

Девушка вдруг захрипела и закашлялась, содрогаясь всем телом.

— Юэн... — простонала она. — Элис... Женщина на платформе... Твои дети...

Солдаты остановились на 400-метровой отметке и пытались пробить темноту лучами своих фонарей.

Сидя во тьме и не зная, куда идти, Юэн обнимал Кейтлин, и слезы текли по его лицу. Она была его спасением во многих смыслах: не раз спасала ему жизнь, несла утешение и даже любовь. Она отыскивала его детей, когда он не смог, и наградой за это была пуля. Внутри Юэна снова зашевелилась та бездна, которая обрушилась на него накануне, но на этот раз он не стал искать спасения в безумии, а ответил на ее зов.

Нежно поцеловав Кейтлин в губы, он аккуратно положил ее сбоку от рельсов, встал, взял в руки автомат и медленно двинулся навстречу ждущим солдатам. Юэн вспомнил вех тех, кто называл его странствующим рыцарем, и подумал, кем бы они назвали его сейчас.

Плавным движением он поднял автомат к плечу и выпустил всю обойму в направлении четырех фонарей. Люди, державшие их, упали без единого писка. Задержавшись, чтобы быстро перерезать горло каждому из четырех, перезарядив автомат магазином, найденным в подсумке одного из убитых, Юэн двинулся дальше.

У входа на станцию стояли еще двое и ждали, когда подойдет подкрепление с проектором. Юэн выстрелил обоим в лицо и смотрел, как их тела, словно в замедленной съемке, валятся на рельсы. Нырнув за поезд, он попытался разглядеть женщину с детьми. Капитан кричал: «Мать вашу, не стреляйте!», но солдаты видели, как умирали их товарищи, и знали, что их убийца совсем близко, прячется за вагонами.

Юэн прицелился и снял еще троих одиночными выстрелами. Остальные поняли, что они на виду, и попрятались за ящиками на платформе. Два солдата и офицер отделили Юэна от женщины по имени Элис.

— Верните моих детей! — закричал он.

— Сдавайся, ты окружен! — ответил капитан, не понимая, что с человеком во тьме разговаривать бесполезно.

— Верните детей, сволочи! Больше мне ничего не надо!

Юэн перебрался за другой вагон в поисках лучшей позиции и взял на мушку офицера.

Рядом с ним отрикошетила пуля, как раз в тот момент, когда он нажимал на спусковой крючок. Рука Юэна дернулась, и пуля ушла ниже, прямо в ящик с оранжевой наклейкой под ногой капитана.

По всей лондонской Подземке люди были разбужены странным колыханием воздуха: пыль вдруг приподнялась и опустилась, как будто вся система туннелей была частью одного гигантского легкого. Затем с рокотом задрожали камни, словно судорога пробежала по стенам подземных лабиринтов, и, наконец, басом ухнул отголосок далекого взрыва.

Люди на платформе ослепли от яркой вспышки и тут же были разметаны взрывной волной. Солдаты с такой силой врезались в стены, что в тех местах, куда впечатались их тела, плитка пошла трещинами. Крыша на станции обрушилась, завалив коридоры, ведущие на поверхность.

Вагонетка, за которой прятался Юэн, спасла ему жизнь. Перевернувшись, она приняла на себя главный удар взрывной волны, потом накрыла его с головой, укрыв от падающих обломков крыши. Через несколько секунд мужчина очнулся во тьме. В ушах его оглушительно звенело, но он догадался, что вокруг стоит полная тишина. Он осторожно выполз из-под вагонетки и прислушался, надеясь различить хоть какие-то звуки, но вскоре сдался: звон был непобедим. Потом он заметил луч света в том конце туннеля, откуда вышел на станцию. Вернувшись туда, Юэн поднял с пола фонарь одного из убитых им солдат. Фонарь моргнул: батарейки доживали последние минуты. Юэн взобрался на кучу каменных обломков в том месте, где стояли офицер и женщина и где произошел взрыв. Долгое время он рылся среди камней, тщетно пытаясь обнаружить в угасающем свете фонаря хоть какие-нибудь признаки жизни. Наконец рука его нащупала что-то теплое. Он схватился за чью-то кисть, торчащую из-под груды камней.

Чью-то тонкую, окровавленную, безжизненную руку.

Слезы хлынули по щекам Юэна, и сильный рев умирающего зверя вырвался откуда-то из первобытных глубин, о существовании которых он и не подозревал. Юэн слышал этот нечеловеческий рев где-то в отдалении и далеко не сразу понял, что это ревет он сам. Но и тогда не смог остановиться.

Фонарь угасал, а вместе с ним угасала и напрасная надежда. Надежда, которая позвала Юэна в отчаянный поход по некогда могучей Британии, — и вот теперь, в конце пути, он кричал от боли в темноте под мертвым городом Лондон.

В этой темноте от стены туннеля мягко шагнула вперед тонкая фигура. Двигаясь медленно, но уверенно при полном отсутствии света, она аккуратно пробиралась между грязных луж, обломков и мертвых тел и тихо замерла рядом с мужчиной, который все держался за мертвую ручонку, торчащую из-под камней, давясь сухими рыданиями.

Головоломка Кейтлин сложилась.

На дне коробочки оказалось отчаяние. Отчаяние и безнадега.

Примечания

Ария из мюзикла Дейла Вассермана «Человек из Ла Манчи», по мотивам романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

Оборонительное укрепление между завоеванной римлянами Англией и Шотландией, построенное по приказу императора Адриана во II веке н. э.

3

Ты кто такой? Цыган или нет? (цыг.)

4

По-цыгански понимаешь? (цыз.)

Кельтское приветствие.